Проф. Н. Н. Пальмов

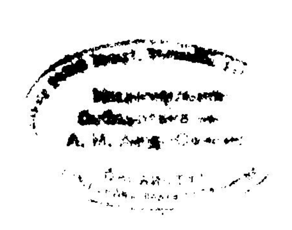
ЭТЮДЫ

по истории приволжских калмыков

ЧАСТЬ V

ДЕЛА ЗЕМЕЛЬНЫЕ

Калмиздат.—Астрахань.
1932.

Проф. Н. Н. Пальмов

ЭТЮДЫ

по истории приволжских калмыков

ЧАСТЬ V

ДЕЛА ЗЕМЕЛЬНЫЕ

Калмиздат.—Астрахань.
1932.

рлит № 795. Тираж 500 экз. Тип. Калмиздата.
Изд. Областное издательства Красный Калмык. Астрахань, Советская 21.

Предисловие.

Издаваемая работа является опытом подбора и систематизации документальных данных, относящихся к выяснению, главным образом, двух фактов в истории калмыцкого землепользования: последовательного сокращения его площади в ущерб кочевническому животноводству и появления крупной земельной собственности у хошоутовских нойонов, владея которой они стали калмыцкими помещиками-крепостниками ярко выраженного типа.

Если собранные материалы окажутся соответствующими цели, а выводы из них для историка и читателя определятся с достаточной ясностью, то автор сочтет свою задачу выполненной в тех границах, какие намечались процессом работы по первоисточникам, до сих пор остававшимися неиспользованными.

Своеобразная калмыцкая экономика и социальные отношения, в особенности крепостничество у калмыков, вызывавшее по временам протесты подобные выступлению на Шамбае, требуют специальных трактаций. Материал для них имеется, настоящая же книга может составить как бы своего рода введение к этим будущим публикациям.

Калмыцкие земли.

I

Район калмыцких кочевий до 1771 года.

Вопросы о том, когда калмыки, выходцы из Джунгарии, появились на Волге и когда они более или менее прочно прикрепились к определенным кочевьям в степях Нижнего Поволжья, до сих пор не получают окончательного решения.

В свое время Н. Нефедьев писал, что Хо-Орлок, предводитель калмыков-торгутов, „удостоверясь в возможности пользоваться привольными землями прежней Золотой Орды“, „в 1630 году, или около сего времени, расположился на обширных степях между Волгой и Уралом, простиравшихся от Каспийского моря на север до р. Самары“. Приход калмыков на Волгу и устройство их на Приволжских кочевьях у Нефедьева представлены, как события одновременные. Были ли в действительности одновременными эти события, такого вопроса Нефедьев не ставил, но он оговаривался, что начальный период истории калмыков на Волге вообще „остается в совершенной неизвестности“, и что история их „начинает проясняться (только) уже с 1655 года“ [1].

По части источников последующие историки были поставлены в несколько лучшие условия, чем Нефедьев, но они больше были заняты задачей установить с возможной точностью год появления калмыков на Волге, в чем, однако, не достигли бесспорных требуемых наукой, результатов, опять-таки—вследствие недостаточности документальных данных. И пишущий эти строки должен признать теперь нуждающимися в пересмотре те предположения, какие были высказаны им в 1925 году в трактате „Год прихода калмыков на Волгу“ [2], знакомство же затем с историческими материалами Московского Древлехранилища и Астраханского б. губернского архива подчеркнуло ему необходимость внести в вопрос разграничение, обязывающее отдельно говорить о годе появления калмыков на Волге и о времени освоения ими кочевий первоначально на левом, так называемом, Нагайском ее берегу.

Не вдаваясь пока в подробности [3], достаточно будет заметить, что между моментом, когда калмыки впервые познакомились с Волгой, и временем, когда они получили фактическую возможность пользоваться кочевьями на Нагайской стороне Волги, прошло несколько десятилетий, и что наличные исторические данные позво-

---

[1] Подробные сведения о Волжских калмыках, собранные на месте *Н. Нефедьевым.* СПБ 1834“, стр. 17—18, 20—21.

[2] *Н. Пальмов,* „Этюды по истории Приволжских калмыков. Часть I. Астрахань. 1926“, стр. 1—8.

[3] Им—свое место

ляют считать калмыков более или менее прочно прикрепившимися к левобережным кочевьям на Волге с 1655 года. В этом году они согласились, наконец, дать аманатов в Астрахань, и в этом же году оказалась надобность в их содействии в войне с Крымом. До 1655 года мы видим одно: астраханские воеводы, по предписаниям московского правительства, всячески понуждают калмыков, тяготевших к Волге, уходить с Нагайской стороны на прежние их «дальние кочевья на реке Эмбе и по иным рекам»: так сказано, напр., в грамоте из Москвы в Астрахань от 28 апреля 1635 года. Картина меняется с 1655 года. С этого года калмыкам не препятствуют кочевать на Нагайской стороне Волги, и они получают доступ даже на Крымский берег названной реки, куда до тех пор они проникали мелкими партиями в совершенно нелегальном порядке.

Под давлением калмыков, нагайцы покидают левый берег Волги и переходят на правый ее берег. Нагайская сторона Волги пустеет: здесь остаются, главным образом, Енбулуцкие, Етсанские и Юртовские татары, так или иначе связанные с Астраханью. Что касается русского населения, то оно предпочитало ютиться в немногих тогдашних городах Нижнего Поволжья и вблизи их, не рискуя углубляться в степь. Так было в XVII столетии.

С начала XVIII века колонизация астраханского края служилым людом, а также русским и, отчасти, украинским крестьянством пошла быстрее, но все же мы не встречаем еще случаев столкновения калмыков с русскими на почве земельных отношений. Только в двадцатых годах XVIII века экономические интересы калмыков сталкиваются с интересами казны в вопросе о праве свободного пользования рыбными ловлями на взморье, по Волге и по Ахтубе. В результате владельческих междоусобий 1723 и 1724 годов у калмыков оказалось до 2 тысяч «бесскотных» кибиток—семейств, искавших пропитания ловлей рыбы. Между тем, наиболее привлекательные для них рыболовные пункты казна берет в собственную эксплоатацию и лишает калмыков доступа к тому, чем они могли бы более или менее свободно пользоваться раньше. Отсюда возникают неизбежные конфликты. Тридцатые годы и начало сороковых годов XVIII столетия отмечаются усиленными хлопотами калмыков получить возможность свободно заниматься рыболовством в облюбованных местах. Хлопоты заканчиваются изданием правил 19 января 1742 года, составленных в Астрахани, которые дозволяют калмыкам производить самостоятельный лов рыбы, но в довольно ограниченных размерах [4]. Необходимо в данном случае особо отметить то обстоятельство, что стремление калмыков закрепить за собой рыболовные воды совпадает с моментом наибольшего их обединения после кровопролитного и разорительного междоусобия 1741 года [5], чему предшествовало и значительное потрясение народной жизни в 1738 году [6]. За время с 1723—1724 годов до 1741 года калмыки не только не успели оправиться экономически, но оказались еще в худшем положении. В сороковых годах „бесскотных" калмыков насчитывалось уже десятки тысяч. В 1742 году 6400 кибиток

[4] Калм. Обл. Архив (КОА), д. 1741 года, № 130, лл. 40—44. Подробнее надеемся изложить в специальной работе. Предварительное знакомство с правилами 1742 года можно получить по изданию их в труде *Н. А. Попова*—„В. Н. Татищев и его время. Москва 1861", стр. 635—640.

[5] *Н. Пальмов*, „Очерк истории калмыцкого народа. Астрахань. 1922", стр. 47.

[6] „Этюды по истории Приволжских калмыков. Ч. II. Астрахань. 1927", стр. 1—35.

идет на рыболовные промысла и ватаги в качестве наемной рабочей силы, которой больше некуда было деваться [7].

В 1743 году калмыки пытаются доказать право пользованья землями на урочищах Саскоди, Монтохой и по р. Еруслану на основании давности. Они говорят, что некогда пробовали заниматься там обработкой полей и заводили пашни, но только „оные, за худобою земли, все оставлены" [8]. Подобного же рода претензии калмыки заявляют в 1744 году относительно пахотных земель возле г. Красного Яра, но татарские мурзы, спрошенные в качестве свидетелей при расследовании дела, могли удостоверить лишь то, что обработкой спорных земель занимались прежде подвластные калмыкам Еганские татары, сами же калмыки „никогда на оных не пахали" [9]. Можно думать, что если земли урочищ Саскоди и Монтохой, как и по р. Еруслану, угрожаемые русским заселением, были удобны и нужны калмыкам для их скотоводческого хозяйства, то земельный участок возле г. Красного Яра представлял интерес больше для калмыцкой бедноты—рыболовов, которые могли иметь здесь кочевья по соседству с рыболовными промыслами на взморье.

С начала шестидесятых годов XVIII века колонизационная волна с большою силою захватила преимущественно луговой берег р. Волги от Самары до Царицына, и калмыки почувствовали большие земельные стеснения. Считавшие себя полными хозяевами левого берега Волги, калмыки останавливались в недоумении пред вопросом, на каком основании расселяется здесь пришлый и чуждый им русский элемент, позволяющий себе при том учинять насилия и обиды калмыкам. 20 сентября 1765 года калмыцкий наместник Убуши, приехав в Астрахань, заявлял губернатору Н. А. Бекетову, что „выше г. Саратова в луговой стороне по Иргизу и другим рекам начались новые поселения от русских людей, от которых чинятся калмыкам крайние обиды: захватывают без всякой причины скот их и самих людей". Между тем, эти места,—указывал Убуши,—„с самого прихода калмыцкого народа в Россию никогда заселяемы не были, и всегда тамо кочевали калмыки без всякого препятствия и притеснения". Убуши просил Бекетова раз'яснить, почему изменилось положение вещей к невыгоде калмыков, и каким образом появились русские поселения, с правительственного ли разрешения, или самовольно. Наместник находил, что если русские поселения не будут уничтожены, а, наоборот, станут разрастаться, то калмыков ожидает печальная судьба: русские начнут еще больше притеснять их, а калмыцкое скотоводство неизбежно должно будет погибнуть из-за недостатка кормов. Ясно, почему наместник ратовал за калмыков,—его тревожила перспектива сокращения доходов с подвластных из-за упадка калмыцкого скотоводства. Бекетов ответил наместнику, что уничтожать русские поселения по Иргизу и другим рекам нельзя, так как они возникли по воле правительства, но в случае, если бы от новых поселений стал замечаться действительный ущерб калмыцкому хозяйству, то против этого будут приняты соответствующие меры: расширению поселений будет положен предел, а для наличных поселений будут отмежеваны определенные земельные угодья, чем устранятся поводы ко всякого рода ссорам и обидам

[7] *Н. Пальмов*, „Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь" в ж. „Калмыцкая Область" за 1926 год, № 1(4), стр. 32 (римск. сч.).
[8] КОА, д. 1743 года № 163, л. 308.
[9] КОА, д. 1741 г., № 166, лл. 83 об.,—84, 101, 104; д. 1744 г., № 170, л. 53.

между калмыками и русскими. Вообще,—уверял Бекетов наместника,—русские поселения не стеснят калмыков, так как у калмыков остается еще очень много удобных земель, способных удовлетворить запросы гораздо больших скотоводческих хозяйств, чем те, какие имеются у них сейчас; все дело в том, чтобы калмыки научились планомерно распоряжаться своими угодиями [10]...

Успокоительные речи Бекетова и посланные им распоряжения к саратовскому воеводе и воеводам других приволжских городов о немедленном и беспристрастном разборе и решении споров и ссор между калмыками и русскими из-за кастбищ не имели серьезных результатов. Даже при удовлетворительном исполнении воеводами губернаторских распоряжений в отдельных случаях, вообще не устранялся повод к спорам и ссорам в дальнейшем. Русские поселения разрастались: ширились казачьи станицы от Камышина и Дубовки вниз по Волге; кроме русских крестьян и казаков, по обоим берегам Волги выше и ниже Саратова стали возникать немецкие колонии [11], с крайним их пунктом—Сарептой, против исторического калмыцкого урочища Монтохой [12]. В ноябре 1766 года калмыцкий наместник уже в письменной форме выражает Бекетову протест против обид, причиняемых русскими поселенцами калмыкам на левом берегу, Волги и настаивает на том, чтобы тамошние поселения были совершенно ликвидированы, иначе „калмыки, по нынешнему умножению своего скота, претерпевать принуждены будут притеснения и в кормах скотских в летнее время недостаток". Не ограничиваясь письмом к Бекетову, наместник делает представление высшей власти о земельных стеснениях калмыков и просит защиты. „В тех местах",—пишет он,—„где напред сего калмыки кочевье имели, заведены пред недавним временем города и жительства, и близ их кочевать калмыкам ныне не допускают, а ежели кто из калмык, по прежним примерам, в те места взойдет, то в траве и в лесу происходят с россиянами непрестанные ссоры". Захватываемые поселенцами места необходимы для калмыков, потому что они „к кочевью в летнее время, кроме волжских мест, (других) не имеют".

Состоявший при калмыцком наместнике П. А. Кишенской с своей стороны докладывал в коллегию ин. дел, что „по луговой стороне р Волги, где прежде калмыки кочевали, от самой Самары до Царицына едва не все места заняты селениями, и в близости оных калмык кочевать не допускают; и происходят с обоих сторон непрестанные ссоры, грабежи и драки; и захватывают друг у друга людей и скот, а иногда делается смертное убивство, и в скоте утрата". В качестве действительной меры против замечаемых ненормальных явлений Кишенской рекомендовал „все те заселенные места освидетельствовать и около оных по пропорции жителей, отмежевать при посланных от наместника ханства людях, дабы калмыки, будучи сведомы о точных границах тех жительств, впредь кочевьем во оные не входили, а и российские калмыкам, под видом их дачь, за потраву сенных покосов и прочих угодий так, как ныне, притеснений делать не могли". Без размежевания земель,—

---

[10] КОА, д. 1765 года, № 326, лл. 54—55.

[11] „Россия". Под редакцией *В. П. Семенова.* Т. VI. СПБ. 1901, стр. 158—160. Существует и специальное издание: S. Beratz—„Die Leutschen Kolonien an der unteren Wolga in ihrer Entstehung und ersten Ertwickelung. Saratow. 1915".

[12] „Этюды по ист. Прив. калмыков. Ч. I. Астрахань. 1926", стр. 24.

находил Кишенской,—„для кочеванья калмыкам летом при Волге места останется весьма мало“.

Правительство не могло не сознавать тяжести экономических условий, создававшихся для калмыков с увеличением поселений в Нижнем Поволжье. Это сознание отчетливо выражено в указе коллегии ин. дел от 8 июня 1767 года и в рескрипте от 9 июня того же года на имя Бекетова. Прежде,—говорило правительство в этих актах,—калмыки, с наступлением весеннего разлива Волги, имели возможность подниматься кочевьями вверх по реке и ее протокам, по мере же спада воды—постепенно спускаться к обильным травою лугам между Царицыном и Астраханью: „для таких привольных ради себя и скота своего мест, доныне оные при Волге в здешней державе и держатся“. Оттеснение калмыков к безводным степям не только лишает калмыцкий скот кормов и водопоев, но отнимает у самих калмыков пищу в виде рыбы, какую они могли ловить для себя в заливах Волги. Естественно, что после того, как они „с начала прихода их в границы российской империи всем тем беспрепятственно довольствовались, то всемерно теперь должны чувствовать, от умножения по берегам Волги поселений, в обращениях и переходах своих притеснения, особливо—буде здешние новые поселенцы без всякого разбора и права не допускают их пользоваться и такими местами, которые им и в дачи не расписаны“. Не отказываясь от дальнейшей колонизации Поволжья, правительство решает удовлетворить калмыков посредством осуществления меры, предлагавшейся Бекетовым и Кишенским, но выполнение ее мыслит в более широких размерах, именно: „Чтоб, от заведения со временем в здешней стороне и еще новых селений, и действительно наконец калмыцкому народу большего утеснения не сделалось, то для того, также и для могущих быть вперед и других разных случаев, необходимо надобно иметь достоверную карту о всем пространстве земли, лежащем между рек Волги и Яика, начиная от Самары и до Каспийского моря, с означением всех речек, и озер, и других привольных и примечных мест, также и безводных степей, каковой поныне снято не было, а без оной и знать невозможно, поколику в здешней стороне и еще селения доводимы быть могут, и что для калмык надобно будет оставить пустым таким образом, чтоб калмыцкий народ совсем не лишился своих привольств, для которых он, по большей части, и в российском подданстве держится“. Таким образом, по составлении подробной карты лугового берега Волги от Самары до Каспийского моря и на восток до р. Урала, правительство предполагало произвести размежевание земель, отходивших под поселения, и земель, назначавшихся для калмыцких кочевий. Составление карты поручалось заботам астраханской администрации. Такая задача оказалась непосильной для нее; по расчетам Бекетова, к этому делу надо было назначить 10 человек геодезистов, а их в Астрахани не было [13].

Калмыки не выходили из положения земельной стесненности. Напротив, она грозила дальнейшим ростом. Владелец Цебек-Дорджи, указывая на это в своих речах к калмыкам, тем подогревал в них решение покинуть берега Волги и вернуться в родную Джунгарию [14].

---

[13] „Экстракт“ из представлений Бекетова и Кишенского по жалобам калмыцкого наместника; КОА, д. 1765 года, № 318, лл. 74[illegible]—747.

[14] „Очерк“, стр. 71.

II

Земельное положение калмыков после 1771 года.

Уход большей части калмыцкого народа с низовий Волги в Джунгарию в 1771 году не разрешал в благоприятном смысле земельного вопроса для оставшейся при Волге группы калмыков, исчисленной всего только в 11198 кибиток. Пожалуй даже, вопрос принимал особую остроту в виду того, что калмыки лишились защиты своих прав вследствие упразднения национальной власти, а захвату калмыцких кочевий способствовал закон 1765 года, дозволявший продажу казенных земель помещикам, под условием заселения купленных земель крестьянами и устройства крестьянских хозяйств. Кроме того, главному начальнику в астраханском крае, П. С. Потемкину было предоставлено право бесплатно раздавать земли по Моздокской линии помещикам для вывода сюда крестьян из внутренней России. Таким порядком с 1772 года было роздано не только по Моздокской линии, но и в бассейне Волги в пределах Астраханской губернии 145487 десятин удобной и 670014 дес. неудобной земли, при чем фактически было отмежевано гораздо большее количество земли, поступившей в пользу 22 помещиков. С 1787 года по 1796 год правительство, по представлению Потемкина, направляет в астраханский край 11 тысяч государственных крестьян из внутренних губерний, и так как им не было указано определенных земель, то они долго переходили с места на место, пока не получили прикрепления частию к татарским землям, частию к землям, доставшимся б. астраханскому губернатору Н. А. Бекетову. Некоторые из таких бродячих крестьян по собственной инициативе устроились рыбацкими поселками по р. Бузану и на взморье и завели небольшие рыболовные промысла, получившие впоследствии легализацию [15].

Земельное неустройство в астраханском крае в последней четверти XVIII века не могло не отразиться и на калмыках, так как затрагивало их земельные интересы. Захватчикам земель открывался широкий простор действий даже в тех ограниченных районах калмыцких кочевий, где теперь группировались остатки прежних больших улусов. Сплоченность, которая до известной степени могла бы защитить калмыков против земельных посягательств, отсутствовала у калмыков. Они беспорядочно бродили по степям из стороны в сторону отдельными партиями. Более мощные дербетовцы распались на две части, и одна из них откочевала на Дон [16]. При общей хаотичности, какую приняла тогда калмыцкая жизнь, кочевникам трудно было беречь последние крохи того, что оставалось у них от прежних земельных богатств. Но в 1800 году мелкому дербетовскому владельцу Чучею Тундутову, в бытность его в Петербурге, удалось приобрести расположение Павла I и обрисовать ему печальное положение калмыцкого народа вообще и, в частности, относительно земельной стесненности. 27 сентября 1800 года Павел дает сенату указ такого содержания: „Калмыцким Малого и Большого Дербета владельцам и другим калмыцких же орд владельцам и чиновникам, с народом их, в Астраханской губернии кочующим, всем-ше жалуем во владение все те земли от Царицына по рекам: Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме

---

[15] Подробности—у *П. Г. Любомирова*, „О заселении Астраханской губ., в XVIII веке“ в ж. „Наш Край“ за 1926 г., № 4. Отд. отт. Астрахань, 1926.

[16] „Очерк“, стр. 94—96.

и Взморью, и, словом, все те места, на коих до ухода за-границу калмыки имели кочевье свое, исключая тех, кои по уходе именными указами пожалованы; и повелеваем нашему сенату, сочиник на оные грамоту, поднесть нам к подписанию, и куда следует, послать повеление—допустить помянутых калмык по-прежнему во владение“ [17]. Упоминание о землях, отдаваемых во владение калмыкам, имеется и в грамоте Павла калмыцкому народу от 14 октября того же 1800 года, по поводу назначения Чучея Тундутова в наместники калмыцкого народа и восстановления прав калмыцкого народа [18].

В указе и грамоте границы калмыцких земельных владений намечены широкими, но с тем вместе и довольно неопределенными штрихами, при чем совершенно без внимания оставлены земельные интересы других, соседних с калмыками национальностей. Это обстоятельство создавало ряд неудобств при проведении актов Павла в жизнь. В указе Александра I на имя главноуправляющего в Грузии, кн. П. Д. Цицианова от 12 июня 1803 года [19] уже высказывается, что „земель в том пространстве, в каком они назначены калмыкам в указе 27 сентября 1800 года, отдать им никак не можно“. Для того же, чтобы удовлетворить действительную потребность калмыков в земле, Цицианов должен был собрать „достоверные сведения, сколько именно калмыкам, по настоящему числу кибиток их, нужно быть может земли для пастбищ их и для перемены кочевья сообразно временам года и, назначив сию землю в местах, для них удобных, приказать означить ее если не подробными планами, что может быть затруднительно, то, по крайней мере, известными чертами по урочищам, дабы удалить на будущее время повод к недоразумениям и спорам“ [20]. Соответственно главным директивам, данным в указе 12 июня 1803 года, Цицианов составил „Положение об отводе земель калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской, Кавказской и части Саратовской“, получившее утверждение 19 мая 1806 года.

Границы калмыцких кочевий обозначаются в п. 1. Положения так [21]: „Для общего кочевья калмыцкого народа определяется нагорная степь, от реки Волги на запад лежащая, и, по прилагаемой при сем карте, ограничивающаяся с одной стороны дачами помещичьими, казачьими и казенных поселян, с другой—Каспийским морем и рекою Кумою до селения Владимировки и оттуда даже до реки Маныча, а от оной рубежом земель Войска Донского до пределов владения селений Чапурников и Цацы, в Саратовской губернии лежащих“. Кроме того, по п. 2 Положения, дозволялось „каждогодно одному из владельцев по очереди, по согласию, между ими установленному, переходить летом за реку Волгу в Енотаевском уезде близ сел Никольского и деревни Пришиб прямо против горы Богдо в степь до Баскунчакского соляного озера, а от оного к даче владельца Тюменя, как на генеральном

[17] Полное Собрание Законов, 1 собрание, т. XXVI, № 19575, стр. 322.
[18] Там же, № 19599, стр. 340.
[19] Указ был издан по смерти Чучея Тундутова, последовавшей 28 мая 1803 года, и по ликвидации калмыцкого наместничества.
[20] ПСЗ, т. XXVII, № 20793, стр. 653—655.
[21] Цитируется по спискам в дд. КОА за 1815 год № 997, лл. 86—97, и за 1827 г., № 1580, лл. 479—492. Положение издано в ПСЗ, т. XXIX, № 22135, стр. 283—309.

плане означено лиловою краскою пунктирными линиями, с тем однакож, чтоб пристав калмыцкого народа о том владельце, которого будет очередь, предварительно и не позже марта месяца извещал кордонного начальника для принятия надлежащих мер в отношении киргиз-кайсаков“. Пунктом 7 позволялось Дербетовскому улусу, по многочисленности его населения, иметь кочевье и за Манычем, по реке Калаусу до Большого Егорлыка. Земля по Егорлыку, как видно из п. 8, отводилась под крестьянские поселения.

Из дальнейшего текста Положения для нас важны указания в п. 10 относительно условий пользования калмыков землями, прилегающими к крестьянам, а крестьян—правобережной стороной Волги в глубь на 10—15 верст. „Дабы обоюдным их (калмыков и крестьян) нуждам сделать взаимное удовольствие“, калмыкам предоставлялось право пасти скот на [illegible] зимой, а крестьянам разрешалось производить запашки земли под хлеб и [illegible] на правобережной полосе Волги, однако с тем, чтобы и в этом районе калмыцкой бедноте, кочующей вблизи русских сел, была дана возможность пасти свой скот. Вопрос о приволжской 10—15 верстной полосе, где сталкивались интересы калмыков с интересами крестьян и казаков, имеет свою историю, которой мы коснемся далее.

На карте калмыцких земель и на генеральном земельном плане, упомянутых в Положении, границы калмыцких земель не показывались с абсолютной точностью. Провести границы в натуре составляло задачу особой комиссии по размежеванию земель, приступившей к работе вскоре после издания Положения. Но свою работу комиссия вела крайне вяло, при чем, как заметно, мало считалась с калмыцкими интересами. В прошении, поданном 17 июня 1816 года Александру I членами калмыцкого суда Зарго, народу с жалобой на лишение части земель, данных указом 27 сентября 1800 года, подчеркивается, что калмыки до сих пор еще не введены в свои земельные владения, и что это крайне тяжело отражается на калмыцком народном хозяйстве. „Все прибрежные рек Волги и Кумы места, самые нужные нам как для зимовки, так и для пропитания рыболовлею бедного нашего народа, отняты, а в особенности—места, именуемые Мочаги, от чего народ наш, приходя в нищету, впоследствии (впадает) в разврат и неповиновение законной власти. С 1800 года высочайше повелено отмежевать наши земли; на издержки по сему случаю отпущено нам 10 т. рублей, но... в течение 15 лет на сию межу мы издержали более 100 т. рублей, а межа не окончена и поныне, и хотя часть выгодных для нас мест нам отмежевана, но мы ими не владеем. К тому же межевщики, переменяясь, ежегодно межу переменяют, отчего остаются нам земли только песчаные или глиняные. Следовательно, по причине худого корму и лишения зимних мест, ежегодно лишаемся большого количества скота, к тому же крайне нуждаемся в летнее время в воде, что тоже как нас, так и скот наш изнуряет и истребляет“ [22]. Так смело писали калмыки о нарушении своих земельных прав. Прошение было передано на заключение местной власти, но благоприятных практических результатов не имело. Такую же судьбу получило и представление калмыков о своих земельных нуждах, сделанное сенатору Ф. П. Енгелю при ревизии им Калмыцкой степи в 1827 году.

---

[22] КОА, д. 1818 года, № 1020, лл. 8 об.—9.

Только к 1831 году межевая комиссия закончила свои работы,—тогда лишь более или менее точно определились границы калмыцких владений, а до этого времени они представлялись в таком довольно смутном очертании, какое, напр., дается в официальном „Кратком описании о состоянии калмык, трухмен, кумык и чеченцев, в ведомстве главного над калмыками пристава состоящих“, датированном 14 мая 1811 года: „Пространство степей занимают калмыки, начиная от г. Царицына, вниз по р. Волге до Каспийского моря, и оттуда по р. Куме к г. Ставрополю и до границы Войска Донского, примыкающей паки к Царицыну, что составляет в окружной мере более полуторы тысячи верст“ [23]. Тем не менее, наличие законодательных актов о земельных владениях давало основание калмыкам отстаивать свои земельные права в тех случаях, когда на них делались явные посягательства. Иногда успех выпадал на сторону калмыков. Так, в 1814 году калмыкам удалось вернуть к себе в судебном порядке урочище Терновую Балку на левом берегу р. Кумы по нижнему ее течению. В названном урочище, принадлежавшем Дербетовскому улусу, с 1789 года поселились русские государственные крестьяне и не хотели уходить с него. Тяжба между калмыками и крестьянами тянулась долго. Не считаясь с правами законных владельцев, Кавказское губ. правление в сентябре 1808 года начало самовольно дать разрешение на поселение в Терновой Балке еще 500 человекам крестьян из Тамбовской губернии [24]. Но возвратив к себе урочище в 1814 году, калмыки должны были снова расстаться с ним при проведении в жизнь Положения 20 декабря 1846 года о заселении дорог в Калмыцкой степи. По этому положению, в Терновой Балке учреждалась станица Урожайная; там к 1853 году имелось уже 40 русских семейств, живших на вполне легальном основании и пользовавшихся определенным земельным наделом [25].

Произведенное в 1831 году размежевание земель не удовлетворило калмыков,—они не получили всего того, на что рассчитывали и что считали принадлежащим себе по закону. Отзвуки их крайнего разочарования и даже недовольства слышатся в письме хошоутовского владельца С. Тюменя к гл. калмыцкому приставу Т. С. Симонову от 5 мая 1832 года: „До ухода большей части калмыков в Китай“,—пишет Тюмень,—„народ сей кочевал на нагорной стороне р. Волги от Астрахани вверх до Царицына и от оной же вниз по Мочагам, а по луговой стороне Волги от Астрахани также до Царицына, Камышина, Саратова и до Урала, а оттоль по морским косам до Астрахани. Тогда народонаселение в сем крае было весьма малолюдное, а потому и не представляло в кочевьи никакого стеснения, и народ находил везде свободные убежища в лесах и камышах. Ныне, с умножением населения, все места, служившие убежищем для калмыков, заняты селениями и казачьими станицами, также киргизцами и татарами, отчего калмыки в кочевьи своем все вообще крайне стеснены. Хотя уже для обитания их и считается в здешней губернии и Кавказской области несколько десятков миллионов десятин земли, но оная большею частию состоит в песках, песчаных буграх, соляных хаках и прочих неудобностях,—без воды, леса и даже без растения. По сей причине, калмы-

---

[23] КОА, д. 1811 года, № 982, л 25 и об

[24] КОА, д. 1804 года, № 922, лл. 1, 61—62, 67—71, 200, 191—198, 227.

[25] *Н. Пальмов*—„Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь“, в ж. „Калмыцкая Область“ за 1925 г., № 3, стр. 98.

кам ничего больше не остается, как один предел к претерпеванию: в зимнее время жестокие стужу и вьюгу, а в летнее—жар, зной и безводие. Высоч-ше утвержденным Положением 1806 года повелено предоставить калмыкам для кочевья все бугры в Мочагах и казенные пустопорожние земли, с исключением их из оброка, но по сему доныне ничего еще не сделано. Владельцы калмыцкие вообще с народом своим, чувствуя крайнее стеснение в удобных местах, в бытность в Астрахани, по в-шему повелению, сенатора, г-на д. т. с. Енгеля, подали о том прошение е. ви-ству и просили, чтобы вследствие в-шего Положения отданы были калмыкам для кочевья все свободные земли по Волге и в других местах, также и те, кои окажутся излишними у других жителей, но и по тому прошению удовлетворительного разрешения не последовало"[26].

В дальнейшем земельное положение калмыков не только не улучшилось, но, напротив, стало еще больше ухудшаться, вследствие потери значительного количества земельных участков из числа тех, которые были отведены калмыкам при размежевании 1831 года, о чем мы сейчас и скажем.

III

Сокращение калмыцких земельных владений после размежевания 1831 года до 1860 года.

Цифровые данные о количестве калмыцких земель появляются в отчетах по Управлению калмыцким народом с 1842 года. Из отчета Управления за этот год мы узнаем, что калмыцких земель в Астраханской губ. и в Кавказской области насчитывалось, после окончательного размежевания в 1831 году, 10.297.587 десятин удобной и неудобной земли, состоявшей на праве общего пользования. Однако, всем этим громадным земельным пространством калмыки фактически не владели. Добровольно и против воли они должны были уступить: 1) Аксайский участок в районе М. Дербета, размером в 40.141 десятин, отданный по особому акту воронежским крестьянам в 1838 году. 2) Участок в 5.393 десятин в урочище Цаган-Аман, Багацохуровского улуса, где поселились воронежские крестьяне и образовали Михайловский поселок в том же 1838 году. 3) По решению сената, в 1842 году отведено 12.036 десятин из дач М.-Дербетовского улуса крестьянам—жителям с. Покойного. 4) По решению же сената, из зимовых малодербетовских дач отошло 80.248 десятин в пользу помещиков Ребровых. Кроме того, 5) калмыкам приходилось отказываться от земель: а) на ур. Айчурах, где расположились омусульманившиеся калмыки—шеретовцы, б) по р. Калаусу в местах поселения калаусовско-джембулуковских ногайцев, в) на урочищах, прилегающих к рр. Манычу и Куме и занятых туркменами, и, наконец, г) в Мочагах, захваченных астраханскими юртовскими татарами [27]. Сколько калмыки ни добивались удаления с своих земель мусульманских племен, а также возвращения в М. Дербет шеретовцев, сколько ни составлялось по этому поводу судебных постановлений,—ничто не помогало: мусульмане, назначенные к удалению с калмыцких земель,

---

[26] КОА, д. 1832 года, № 1293, л. 145 и об.
[27] КОА, Отчет УКН за 1842 год, стр. 19—24.

продолжали хозяйничать на них, как хотели и, мало того, заявляли себя поступками, явно рассчитанными на то, чтобы досадить калмыкам. Вкочевывая в самые лучшие калмыцкие земли и проводя на них целое лето с многочисленными стадами, они,—читаем в отчете Управления за 1844 год,—„не только истребляли лучшие пастбищные места, но даже и самые сенокосы, а при удалении осенью оставляли после себя в степях пожары, жертвою которых бывали как остающийся к зиме подножный для калмыцкого скота корм, так равно и заготовляемое ими в значительном количестве сено, и чрез то самое делали очевидный людям вред и разорение, а скоту их—неминуемую от бескормицы гибель". Администрация оказывалась бессильной предпринять что-нибудь решительное против таких действий мусульман. Распоряжения Кавказского начальства удерживать ордынцев от вторжения в калмыцкие земли,—заявляет Управление в своем отчете,—остаются только на бумаге, а на самом деле кочевые народы по-прежнему вторгаются в земли калмыцкие, даже производят буйства против чиновников калмыцкого управления" [28].

Взамен 12.036 десятин, отрезанных от земель М. Дербета к с. Покойному, в 1843 году калмыкам было дано 3217 дес. из фонда казенных оброчных статей. „Хотя это не составляет соразмерного замена",—рассуждает по этому поводу Управление калмыцким народом,—„но как на основании указа прав. сената .. предоставлено рассмотрение сего обстоятельства г. министру гос. имуществ, и буде признано будет возможным и необходимым сделать отвод калмыкам земель в том самом количестве, в каком заключается участок земли, поселянам с. Покойного предоставленный, (то) дозволено министром гос. имуществ войти с особым в прав. сенат представлением" [29]. Не видно, чтобы такое представление было сделано; кажется, в конце концов Управление не признало возмещение земельной потери делом настоятельной необходимости для М. Дербета, тем более, что в том же 1843 году малодербетовские калмыки выиграли земельный спор с помещиками Ребровыми и по суду получили 1418 десятин, незаконно захваченных Ребровыми [30].

Проведение дорог в Калмыцкой степи и связанное с ним учреждение станиц с земельным наделом, по Положению 30 декабря 1846 года лишили калмыков значительного количества земли. В отчете Управления за 1850 год указывается, что из калмыцкого земельного фонда, номинально определявшегося по-прежнему в 10.297.587 десятин, под станицы отошло в общей сложности 615.370 дес. 1180 саж. Помимо этого, в разное время для крестьян и казаков было нарезано до 114.680 десятин калмыцкой земли. Как и раньше, 10—15 верстной полосой на правом берегу Волги продолжали тогда пользоваться государственные и помещичьи крестьяне, равно как и казаки приволжских станиц. По левому берегу р. Кумы располагались летними кочевьями известные нам мусульманские племена, состоявшие в ведении ставропольской губернской администрации. Имея собственные кочевья на другом берегу Кумы, мусульмане по-прежнему не отказывались переходить реку и бесплатно пользовались пастбищами на калмыцких земельных угодиях [31].

---

[28] КОА, отчет УКН за 1844 год, лл 7 об.—8 об.
[29] КОА, отчет УКН за 1843 год, л. 8
[30] Там же, л. 9
[31] КОА, отчет УКН за 1850 год, лл. 6—8.

IV

Земельные угодья астраханских калмыков с 1860 года.

В 1860 году произошло изменение границ Астраханской и Ставропольской губерний [32]. К этому времени были уже готовы новые планы генерального межевания калмыцких земель, в чем ощущалась особенная надобность по случаю перехода части этих земель в район Ставропольской губернии. К последней отошли: 1) Б. Дербет с земельной площадью в 872.?77 десятин 1200 саж.; 2) Южная заманычская сторона отдельной части М. Дербета в 1.1?2.797 десятин 45? саж. и 3) земельный участок между рр. Егорлыком и Кумой, размером в 26?.??? десятин 1600 саж.; всего 2.241.?41 дес. 1550 саженей. При общем тогда исчислении площади калмыцких земель в [illegible]691.[illegible] десятин [illegible] саж., на долю астраханских калмыков приходилось 8.449.9?4 десятин [illegible] саж. Сюда относились: а) земли для кочевий и собственные калмыцкие дачи в Мочагах—7.722.154 десятины 753 саж.; б) казенные дачи в Мочагах, предоставленные в пользование калмыков всех улусов—47.579 десятин 1297 саж.; в) отрезанные, захваченные крестьянами Михайловского поселка в Багацохуровском улусе—3.47? десятин 585 саж., сначала крестьяне захватили было 5.393 десятины; г) нарезанные для 20 станиц по дорогам в калмыцкой степи—676.771 десятин 1258 саж. [33]. Таковы сведения о калмыцких землях по отчету Управления за 1860 год, основанные на данных, представленных начальником партии корпуса межевщиков, Ильинским [34].

В 1865 году за астраханскими калмыками продолжает числиться то же количество земли, какое было у них в 1860 году [35]. Но фактически в пользовании калмыцкого населения состояло 7.740.375 десятин 1746 саж. Убыль земли произошла вследствие того, что 1) к отведенным раньше под станицы 651.516 десятинам 2128 саж. пришлось добавить еще 11.7?8 десятин 1540 саж. для трех хуторов, намеченных Кумо-Манычской экспедицией внутри степи по Крымскому тракту, а затем 3393 десятины 1800 саж. для подобного же четвертого хутора; 2) произвести дополнительный душевой надел, из расчета по 15 десятин на человека, трем русским селам, расположенным по левому берегу Волги в Енотаевском уезде, в общем количестве 41.330 десятин 1154 саж. из земельного фонда очередного кочевья калмыков на том же левом берегу Волги. 3) Наконец, 1599 десятин 300 саж. пришлось уступить из калмыцких дач в Мочагах для вновь образовав-

---

[32] Нижеприводимые сведения извлекаем из отчетов по УКН за соответствующие годы, не отмечая мест, т. к. отдел о землях в отчетах помещается всегда на одном, первом месте, и его легко находить.

[33] Из отчета УКН за 1865 год видно, что после проверки в действительном пользовании станиц оказалось 651.516 десятин 2128 саж.

[34] Приведенным сведениям следует давать предпочтение, как официальным, пред теми, какие приводятся в брошюре *Н. О. Очирова*: „Астраханские калмыки и их экономическое состояние в 1915 году. Астрахань. 1925“, стр. 5.

[35] В дальнейшем приходится ограничиваться речью о землях одних только собственно астраханских калмыков. Сведениями о судьбе земель Б. Дербета, отошедшего в 1860 году к Ставропольской губ., мы не располагаем, за отсутствием материалов о том в КОА.

шегося поселка русских крестьян на острове „Четыре Бугра“. В общей сложности, у калмыков было взято 709.603 десятин 2122 саж. земли.

В 1867 году по Крымскому тракту отводится 3232 десятины 1601 саж. для поселка Улан-Эрге и 4.691 десятин 1330 саж. для поселка в ур. Карюльта: всего 7924 десятины 531 саж. У калмыков остается 7.732.451 десятин 1215 саж. земли.

В 1872 году 21.969 десятин 970 саж. земли отходят под так называемый Чапчачинский солевозный тракт, на левом берегу Волги от горы Чапчачи к Баскунчакскому соляному озеру [36].

В 1873 году департамент общих дел МГИ передает в ведение Астраханского Правления Рыбных и Тюленьих Промыслов 461 десятин 1300 саж. при речных участках в Мочагах, с находившимися там 12 промысловыми заведениями, а также свободнотекущие Лагано-Благодатинские воды.

Окончательный учет калмыцких земель был произведен в 1874 году. Тогда было определено, что в Астраханской губернии калмыкам принадлежит 7.428.432 десятины 1758 саж. земли. В частности, а) под общим летним и зимним кочевьем всех улусов, кроме Хошеутовского, состоит 5.843.819 десятин 1754 саж.; б) под общим очередным кочевьем всех улусов, кроме Хошоутовского—347.115 десятин 900 саж.; в) под Мочажной дачей, в которую входили бугры: Карантинный, Коробугорнинский, Седлистый и Бирючья Коса, и под казенной дачей—Шестью Буграми, предоставленными для кочевий калмыков и туркмен,—266.408 десятин 2014 саж.; г) под зимними и летними кочевьями собственно одних калмыков Хошоутовского улуса—971.088 десятин 1890 саж. Сокращение земельной площади, по сравнению с 1867 годом, произошло не только от отчуждений в 1872 и 1873 годах, но еще и от последовавших вскоре новых отчуждений, именно: для удовлетворения земельных нужд 27 русских сел, в дополнительный надел 5 селам и казачьим станицам, под постоялые дворы на калмыцких дорогах, под почтовые станции, под выгон у Мажарского соляного озера, под солевозный тракт от названного озера к заставе в Ставропольской губернии и под 1-верстную приморскую полосу. Кроме того, отчуждается 28.479 десятин земли для поселка Хамбата, и дается еще некоторое количество земель для других, более мелких поселков, появившихся внутри Калмыцкой степи. В общем же, если принять во внимание, что до 1 миллиона десятин земли в степи представляют собою сыпучие пески, солончаки, соляные озера, балки и заливаемые водой места; что к 1874 году 515.301 десятин калмыцкой земли находилось в аренде у русского крестьянства; что приблизительно 625.000 десятин земли пользовались русские поселенцы в районе 10—15 верстной приволжской полосы, и что, наконец, рыболовные воды пришлось передать в ведение Рыбного Правления,—то в пользовании самих калмыков оставалось, по расчетам Управления, не больше 6.184.000 десятин земли.

В 1878 году за калмыками числится несколько больше земли, чем в 1874 году: 7.437.396 десятин 1850 саж. Это зависит от некоторого увеличения размера

---

[36] Окончательный отвод земли под Чапчачинский тракт произведен в 1874 году.

дачь в Мочагах, площадь которых определяется не в 266.408 десятин 2014 саж., а в 275.372 десятины 2114 саж. Но в 1878 году из калмыцких земель отводится в надел юртовским татарам земельный участок из Алабужской оброчной статьи, мерою в 7.588 десятин удобной 9.121 дес. неудобной земли.

В последующие годы площадь калмыцких земель последовательно продолжает сокращаться, посредством отрезки от нее земельных участков разных размеров в пользу крестьянства. В 1884 году калмыки владеют земельным пространством в 7.401.679 десятин 1260 саж., они теряют, таким образом, за 8 лет, считая с 1874 года, 35.717 десятин 590 саж. Уменьшение калмыцких земель не прекращается и в дальнейшие годы. Напр., в 1885 году отходит к астраханскому приказу Общ. Призрения 8 десятин земли при Тинакских лечебных озерах под устройство грязелечебницы. В Октябрьскую революцию Тинакский земельный участок снова стал принадлежать калмыкам, а в 1926 году и Тинакская грязелечебница была передана в ведение Калмобласти [37]. В 1926—1927 годах велся спор между Астраханской губернией и Калмобластью из-за земельного участка неподалеку от Тинак, на Сорочьем Бугре, в районе Калмбазара, размером в 17 десятин 90 саж., сдававшегося с 1911 года Управлением частным предпринимателям под кирпичный завод „Керамик"; спор кончился признанием прав Калмобласти на названный участок, по принадлежности его к калмыцкой территории [38]. Наиболее крупной земельной потерей для калмыков была передача правительством пастбищ по левому берегу Волги в бесплатное пользование киргизов, с 1887 года; к 1913 году в распоряжении киргизов имелось 231.293,56 десятин, которые остались за ними и после Революции [39].

По последним дореволюционным сведениям, какие приводятся в „Материалах стат.-экон. и ест.-ист. обследования Калм. степи Астраханской губ.", собранных в 1909 году [40], и базируются на данных последней топографической с'емки Савицкого 1892 года, калмыкам принадлежало, в конце концов, 6.175.834,01 десятин. Эта сумма составляется: а) из 5.602.127,03 десятин удобной земли, б) 512.079,21 десятин неудобной земли и г) 61.628,77 десятин земли общего калмыцкого кочевья, где удобной земли было 58.997,32 десятин и неудобной—2.631,45 десятин. Но сюда не включены земли, сдававшиеся в оброк крестьянам; по нашим сведениям, в 1914 году оброчные статьи захватывали площадь в 841.299,57 десятин с присоединением их к вышепоказанным 6.175.834,01 десятин, получим 7.017.033,58 десятин. Это будет цифра, определявшая количество земельных владений у астраханских калмыков накануне революции. Припомнив, какое количество земли было у них в 1860 году—8.449.984,7 десятин, мы должны будем признать, что калмыки за полвека потеряли 1.432.951,12 десятин. Крупная земельная потеря становилась чувствительнее в виду замечавшегося калмыками ухудшения почвы из года в год: увеличивалась площадь песков, и растительный покров степи делался

[37] *Л. Ф. Линевич*—„Грязелечебный курорт Тинаки", в ж. „Калм. Область" за 1926 год. № 2—3 (5—6), стр. 238—239, и отд. брошюрой.

[38] КОА, д. 1926—1927 годов, ф. 101 № 116/9, лл. 25—26, 156.

[39] Об этом ниже—„Оброчные статьи".

[40] Издание вышло в Астрахани, в двух частях, в 1910 году.

беднее [41]. Если в 1874 году неудобных земель считалось в Калмыцкой степи до 1 миллиона десятин, то к 1914 году таких земель должно было оказаться гораздо больше. Между тем, население численно возрастало, по крайней мере—до конца XIX века: в 1862 году калмыков было 119866 человек, в 1897 году—131399 человек [42]. Если с конца XIX века калмыцкое население стало уменьшаться, то—все же не в такой степени, чтобы земельные потери могли пройти для него нечувствительно.

Но не один только более или менее легальный переход калмыцких земель в руки соседнего населения, численно увеличивавшегося от новых и новых наплывов его, составляет явление, обычное в истории калмыцкого землевладения,—столь же обычным явлением остается до последнего предреволюционного времени самовольный захват кулачеством как целых земельных участков, так и отдельных пастбищ, создававший почву для враждебных отношений. Так, напр., в 1891 году крестьяне захватили в северной части М. Дербета ур. „Свиная Балка" и не только сами устроились на ней хозяйством, но, чтобы образовать крепкий поселок, стали принимать к себе крестьян-переселенцев из внутренних губерний. Калмыкам не оставалось ничего другого, как примириться с фактом, а в 1907 году Управление образует в „Свиной Балке" оброчную статью и сдает ее за 790 рублей [43]. Самовольный захват кулачеством калмыцких пастбищ составлял для калмыков печальный факт, бивший в самый корень основного калмыцкого хозяйства и способный вызвать совсем нежелательные для администрации эксцессы. Чтобы хоть несколько разрядить сгущавшуюся в степи жуткую экономическую атмосферу, Управление решило в 1892 году применить такую меру для защиты калмыцких интересов: оно ввело в практику особый сбор с крестьян за выпас скота на калмыцкой земле, назначив плату в сумме 40 коп. за голову крупного и 20 коп. за голову мелкого скота. Но вырученные деньги не отдавались на-руки калмыкам, а поступали в уплату 6-ти рублевого покибиточного сбора с тех из них, на землях которых производился выпас крестьянского скота. Наконец, бесспорно к ущербу калмыцкой экономики служил факт чересчур бесцеремонного обращения русского населения с пресловутой 10—15 верстной приволжской полосой.

V

Прибрежная полоса.

Как сказано выше, Положением 19 мая 1806 года устанавливалась 10—15 верстная полоса земли по правому берегу Волги, в целях „сделать взаимное удовольствие" калмыкам и русскому оседлому населению. Пока последнего было еще сравнительно не так много на Волге, а калмыки с своими стадами пользовались в летнюю пору пастбищами на левом берегу Волги, зимой же откочевывали частью к Ергеням, а частью—на „черневые земли" на юго-востоке Астраханской губернии,

---

[41] *Очиров*, цит. изд., стр. 71.

[42] *А. А. Лебединский* „К вопросу о вымирании калмыков. Астрахань. 1927", (Отд. отт. из ж. „Калм. Область" за 1927 год, № 1—2), стр. 40 и 44.

[43]) Об этом ниже—„Оброчные статьи".

поросшие густым камышом, предоставляя бедноте проводить круглый год при Волге и иметь здесь заработок на рыболовных промыслах и в хозяйствах русского населения,—крупных столкновений между калмыками и русскими не происходило, за отсутствием поводов к тому. Но, по мере того, как разростались русские станицы по калмыцким дорогам, в особенности, по главному Ставропольскому тракту, где имелись наилучшие земли, поступавшие в эксплоатацию переселенцев из внутренней России и с Украины, а затем возникли русские хутора и по поперечному чрез степь Крымскому тракту [11], а с другой стороны, левобережные пастбища стали больше и больше заниматься киргизами,—калмыкам-скотоводам начал представлять свой интерес и правый берег самой Волги, к которому оттесняло их русское население изнутри степи, а киргизы не позволяли проникать в степи на левом берегу Волги дальше к р. Уралу. Но у прибрежной полосы Волги калмыцкая масса встретила энергичный отпор со стороны русских поселенцев, в свою очередь начавших все больше и больше углубляться в правобережную степь, не считаясь с пределами дозволенного 10—15 верстного пространства. Еще с пятидесятых годов XIX века слышатся жалобы калмыков на нарушение русскими правил о прибрежной полосе. Калмыки просят Управление калмыцким народом установить эту полосу в натуре посредством межевых знаков. В 1870 году при Управлении учреждается особая комиссия по урегулированию вопроса о пользовании приволжской земельной полосой. Но Управление запоздало с своей комиссией,—русский элемент успел уже настолько прочно внедриться в калмыцкую степь за пределы узаконенной полосы, что калмыкам приходилось совсем отказаться от прикочевок к приволжским займищам. Это калмыки сначала было и сделали, в избежание неприятных столкновений с крестьянами и казаками. Комиссия 1870 года констатировала тот факт, что с 1864 года калмыки перестали пригонять скот в займища на зимнее время, как это делали они раньше, в целях предохранить стада и табуны лошадей от снежных заносов и гололедицы, с сопровождавшей их бескормицей. Но, несмотря на решение избегать поводов к столкновениям с русскими в районе злополучной полосы, нужда толкала калмыков к ней,—без уютных зимой займищ калмыкам нельзя было обойтись.

Учреждение комиссии по вопросу о 10—15 верстной полосе хотя и запоздало, тем не менее оно начало внушать некоторые надежды калмыкам на улучшение их положения. На улусных собраниях выносились решения возбудить ходатайство пред высшей властью о полном уничтожении полосы и о возвращении взятых под нее земель снова в полное пользование калмыков, так как наличие полосы, „служит к крайнему стеснению" их по части земельных интересов. Мы уже говорили, что, по подсчету 1874 года, пространство земли, занятое полосой, определялось приблизительно в 625.000 десятин. Управление стало на сторону калмыков,—в заседании 10 октября 1871 года, рассмотрев приговоры улусных собраний, оно согласилось с тем, что прибрежная полоса действительно „должна быть уничтожена, так как интерес этого обоюдного пользования находится исключительно на стороне владельцев займищ, а не калмыков, в видах коих собственно последовало

[11] *Н. Пальмов*—„Обследование калмыков и русская иммиграция в Калм. степь", в ж. „Калм. Область" за 1925 год, № 2 и 3 и за 1926 год, № 1(4).

узаконение 19 мая 1806 года". Однако, астраханский губернатор не согласился с заключением Управления калмыцким народом, и дело было передано на суд министерства гос. имуществ. 16 декабря 1873 года департамент общих дел министерства дал знать Управлению, что „вопрос этот оставлен на прежнем основании до преобразования быта калмыков". Так обыкновенно высшая власть формулировала свой отказ удовлетворить ту, или иную нужду калмыков, раз при этом затрагивался интерес соседнего с ними населения, и требовалось изменение устаревших узаконоположений. С коренным преобразованием калмыцкого быта правительство не торопилось, ограничиваясь составлением в канцеляриях проектов разных реформ, заменявшихся один другим, но не проводившихся в жизнь. Коренного преобразования своего быта калмыки не дождались до самой Октябрьской революции.

10—15 верстная приволжская полоса осталась в полном распоряжении крестьян и казаков, чувствовавших себя хозяевами положения, особенно в виду отсутствия пограничных межевых знаков, наличие которых, без сомнения, могло бы обуздывать захватнические инстинкты. На необходимость установки межевых знаков неоднократно встречаются указания в отчетах Управления, но ясное сознание нужды в них почему то не приводилось в исполнение, а это лишало калмыков довольно надежного средства отстаивать свои земельные права и интересы. Результат создавшегося положения был определенный: „Обращаясь к беспорядкам, происходящим от столкновения калмыков с крестьянами селений, окружающих калмыцкие степи",— читаем в заключительной части отчета Управления за 1874 год,—„нельзя не заметить, что сии беспорядки поддерживаются преимущественно крестьянами, их самоуправством, насилиями и жестокостями против калмыков. Заведенные по Калм. Управлению дела о вторжении крестьян в кочевья калмыков обнаруживают, что крестьяне против калмыков постоянно действуют скопом, что действия их сопровождаются насилием, самоуправством и жестокостями. С давних времен начались между оседлым и кочующим населением споры за земли. Крестьяне, под предлогом права на пользование 10-верстной полосой, постоянно углубляются в калмыцкие степи, захватывая землю под распашки и сенокошения и устраивая в калмыцких степях хутора; выпасывают на калмыцких землях свой скот, оттесняя таким образом калмыцкие стада от хороших пастбищных мест, в коих калмыки преимущественно нуждаются; захватывают на этих местах пасущийся калмыцкий скот, при чем или берут откуп от калмыков за потравы, или же вовсе угоняют с собою их скот. Это вызывает в калмыках желание возвратить свое и вознаградить себя за потерянное, но сила—на стороне крестьян, и потому калмыки обращаются к угону скота у крестьян. При сих угонах крестьяне в свою очередь, отправляясь в степь массой людей за розыском пропавшего, обращаются в кочевья калмыков и, захватив у них скот в несравненно большем количестве, не разбирая ни правого, ни виноватого, часто даже у калмыков, ни в чем не повинных, угоняют скот и делят между собою. Жалобы на действия крестьян длятся годы. Обиженный не получает ничего" [45]. Правдиво нарисованная в 1874 году картина нарушения русским населением земельных прав калмыков, с вытекавшими отсюда печальными последствиями, существенно не изменилась и в последующие годы, судя по фактам ...

КОА, Отчет УКН за 1874 год, лл. 50 об.—51 об

териалах стат.-эконом. и есл.-ист. обследования Калмыцкой степи", собранным в 1909 году. В районе приволжской полосы подвергались захватам земли М. Дербета в северной его части, Хошоутовского улуса и, особенно, Багацохуровского улуса. Крестьяне и казаки настолько глубоко заходили в калмыцкую степь, что по местам успели превратить эту полосу в 25-верстную. Сознание беззаконности действий оставалось совершенно чуждым захватчикам. Наоборот, как отмечается в „Материалах", они как будто чувствовали под собою какую то „твердую почву" и имели „уверенность в правоте своих притязаний" [46].

При всех своих, казалось бы, несомненных земельных правах, калмыки не находили в себе сил вести борьбу с крестьянством и казачеством законным порядком и уступали им. В представлениях в 1-ую Государственную думу в 1906 году калмыцкая знать не настаивает на уничтожении прибрежной полосы, а ограничивается пожеланием, чтобы из нее не производилось дальнейших отчуждений [47]. С самым фактом существования этой полосы приходилось мириться.

VI

Взгляд правительства на калмыцкие земли с конца XIX века.

Процесс постепенного сокращения площади калмыцких земельных владений и переход большого количества земельных угодий в руки соседнего с калмыками населения обозначается пред нами ясно. Этот процесс встречает сочувствие и поддержку в правительстве. По использовании Положения 30 декабря 1846 года, к концу XIX века правительство облегчает переход калмыцких земель к окружающему калмыков населению при помощи развивавшейся системы оброчных статей, которая давала возможность крестьянству удовлетворять земельные нужды посредством более или менее долгосрочной аренды земельных участков по невысокой цене. Главное же, правительство начинает смотреть на калмыцкие земли не как на собственность калмыцкого народа, а как на казенные земли, предоставленные калмыкам в пользование. Такой

46 „Материалы", ч. I, стр. 4.

47 *В. В. Толгунов*—„О земельном и сельско-хозяйственном вопросе в автобласти калмыцкого народа", в ж. „Нижнее Поволжье" за 1925 год, № 8(15), стр. 89. По вопросу о 10-верстной полосе имеется специальная статья *В. Ф. Суского*, помещенная в №№ 161 и 163—167 газеты „Астраханский Листок" за 1901 год под заглавием: „Исторические данные о 10-верстной полосе Калмыцкой степи Астраханской губернии, отданной в пользованье оседлого населенья астраханского края" (Отд. отт., 1—35 стр.). Статья не всегда отличается точностью по части приводимых материалов, при этом автор, как заметно, разделяет взгляд, будто калмыцкие земли составляли достояние казны, но, в общем, статья может оказаться не бесполезной для того, кто захотел бы поинтересоваться некоторыми деталями вопроса. Между прочим, здесь приводится мнение гл. попечителя Н. О. Осипова (80-тые годы XIX ст.) по земельному вопросу в Калмыцкой степи, представленное в министерство гос. имуществ. Отмечая непоправимые промахи в работе межевой комиссии 1806—1831 годов, Осипов не видит иного выхода из создавшегося положения, как передать оседлому населению за умеренный оброк по владенным записям земли, состоявшие с давних пор в пользовании населения в районе полосы, кроме угодий, необходимо нужных самим калмыкам, а также уступить населению пашни и хутора за чертой полосы в долгосрочное пользование, при условии, если такая уступка не создаст чресполосицы и не стеснит калмыков; отд. отт., стр. 24 и дал.

взгляд сулил большие неприятности калмыкам, ставя их под угрозу прямых земельных отчуждений, в силу одного только правительственного усмотрения. Этот взгляд противоречил смыслу указа от 27 сентября 1800 года, остававшегося неотмененным по крайней мере в своем существе. Мы видели, что в ближайшие к указу годы правительство хотя и решило не давать калмыкам во всей полноте того, что назначалось им указом Павла I, тем не менее при размежевании земель, да и вообще оно считалось с этим указом, почему и протест калмыков 1816 года, по поводу пренебрежения к их земельным правам, не был отвергнут, но получил известное движение. Затем, когда в 1838 году понадобилось отвести Аксайский земельный участок воронежским крестьянам, то на это было получено предварительно согласие М.-Дербетовского улуса, в районе которого находился земельный участок, и был составлен особый юридический акт об уступке участка, подписанный улусным владельцем и санкционированный правительством [48]. После удачного проведения в жизнь Положения 30 декабря 1846 года, правительство, соответственно общей земельной политике, не стесняясь наличием вышеназванного указа, устанавливает другой взгляд на юридическую природу калмыцких земель. Уже в 1858 году гл. калмыцкий попечитель В. Н. Струков, критикуя записку чиновника министерства гос. имуществ Лошкарева, отмечавшего факт перехода лучших калмыцких земель к крестьянам и видевшего в том нарушение калмыцких прав и интересов, заявлял, что правительство, передавая калмыцкие земли крестьянам, поступало совершенно правильно,—оно в данном случае просто лишь по своему усмотрению распорядилось „своею землею, на которой до того времени, по неимению в ней надобности, позволяло кочевать калмыкам“ [49]. А в 1904 году министр вн. дел смело докладывал гос. совету, что „весь смысл государственных актов, издаваемых ранее по калмыцкому землепользованию“, сводится к тому, „что земли калмыцкие были отведены калмыкам от казны на правах бессрочного общественного пользования“ [50]. Конечно, бесспорным в этом рассуждении было только одно то, что калмыцкие земли составляли предмет общественного пользования калмыков, но сами по себе эти земли не относились к казенному земельному фонду,—они составляли, по точному смыслу указа 27 сентября 1800 года, собственность калмыцкого народа в его целом.

Отсюда понятно, почему в юридических условиях землевладения в калмыцкой степи там не могла возникнуть частная земельная собственность, какая появилась, напр., на С. Кавказе, где громадное количество казенных земель даже в третьей четверти XIX века и несколько позже перешло в руки русского чиновничества [51]. Для подобного явления в Калмыцкой степи не имелось основания ни для русских, ни для

---

[48] Акт опубликован в „Журнале министерства вн. дел“ за 1838 год, март, стр. CLV—CLIX.

[49] *Н. Пальмов*, „Обоседление калмыков“ и пр., цит. выше, в. ж. „Калм. Область“ за 1926 год, № 1(4), стр. V.

[50] *В. В. Толкунов*, цит. изд., стр. 89.

[51] Интересующиеся этим вопросом найдут документальные сведения о том в донесении управляющего Ставропольской контрольной палатой Ешевского гос. контролеру от 30 ноября 1881 года, изданном *Г. Н. Прозрителевым* в статье „Очерк жизни и деятельности И. В. Бентковского“ в „Сборнике сведений о С. Кавказе Т. II. Ставрополь Кавказский. 1909“, стр. 14—17. Бентковскому принадлежит ряд работ о частном землевладении на С. Кавказе, названных в „Очерке“.

х калмыков, так как,—повторим,—калмыцкие земли составляли собственность калмыцкого народа, но вовсе не являлись казенными землями. Поэтому-то правительство относилось к ним раньше не без осторожности, и передача их в пользование русского крестьянства и киргизов производилась, так сказать, обходным и, начавшись предусмотрительно с окраин степи.

VII

Частное землепользование.

В Калмыцкой степи имелись случаи частного землепользования,—они, впроединичны и, за исключением одного, принадлежат к сравнительно более поздвременам. Эти случаи все можно перечислить. Так, в 1862 году, с оживледеятельности Управления калмыцким народом по обоседлению калмыков, ключительное пользование нойона Тундутова были отведены два земельных тка в северной части М. Дербета: один—на ур. Аржанец и Ланшино, мею в 2553 десятины 100 кв. саж., другой—на ур. Солянка, мерою в 60 десятин саж. Предполагалось, что пример владельца, желавшего обоседлиться, распот к тому же и малодербетовских калмыков. В тех же видах и в том же году в северной части М. Дербета были отведены земельные участки: зайу Кирилову на ур. Шара-Дольнг, в 1198 десятин 150 кв. саж., и калмыку ждневу при р. Б. Тенгута, в 10 десятин. В 1885 году общество калмыков жинова рода в ю. ч. М. Дербета, без разрешения Управления калмыцким народа отвело в исключительное пользование Тундутова участок земли на ур. Бурата Зоста, пространством в 500 десятин, где Тундутов построил дом со службами [52].

Что касается, так называемых, Тюменевских земельных дач в Хошоутовском е, то эти дачи вовсе не составляли частной собственности нойонов Тюменей. были дарственными и назначались для совместного пользования нойонов и поданных им хошоутовских калмыков. Одна только Табун-Аральская дача была лена Сербеджап Тюменем, но опять-таки на условии совместного с калмыками зования ею. Другое дело, насколько потомки Тюменей сообразовались в землезовании с определенными на этот счет правительственными актами. Трактацию том читатель найдет в соответствующем месте настоящей книги.

Не лишним будет упомянуть, наконец, о случае приобретения багацохуровским й Орчи земельного участка, размером в 3100 десятин удобной и 16500 десянеудобной земли, между Копановской и Ветлянинской станицами по обоим их онам и по рекам Цаган-Аману и Ахтубе. Земля была куплена ламой на имя оутовского владельца Джиргал Тюменя за 4 тысячи рублей у помещика Везе-. Купчая датируется 19 июня 1798 года. В 1801—1802 годах Орчи играл льно заметную роль в движении против калмыцкого наместника Чучея Тунду- и должен был реабилитироваться пред высшей властью. Для этой цели, собого разрешения [53], он ездил в Петербург и, успешно оправдавшись там, пользовался случаем закрепить купленный участок земли. 1 сентября 1802 года

---

[52] КОА, Отчеты УКН, начиная с 1887 года.

[53] КОА, д. 1802 года, № 892, л. 24; разрешение на поездку в Петербург дано оллегией ин. дел от 28 апреля 1802 года.

он подал прошение в коллегию ин. дел об утверждении земли „навсегда за хурулом, дабы со временем не могла быть причислена к общему калмыцкого кочевья земель владению“ [54]. По этому поводу из коллегии от 28 февраля 1803 года на имя гл. калмыцкого пристава Н. И. Страхова последовал запрос, действительно ли Орчи приобрел земельный участок, о котором он пишет в своем прошении. От 24 июня 1803 года Страхов, подтверждая факт приобретения ламой Орчи земельного участка на имя владельца Джиргал Тюменя, с своей стороны просил указаний коллегии, как быть и с кем сноситься при возможном повторении случаев покупки земель калмыцким духовенством, которое, по соображениям Страхова, не замедлит обнаружить присущую ему стяжательность, если последует утверждение за хурулом Орчи приобретенной им земли [55]. Последовал ли ответ коллегии на это представление, из наших документов не видно; в апреле 1804 года Страхов считается уже отрешенным от должности гл. калмыцкого пристава [56]. Приобретенный Орчи участок земли был укреплен за его хурулом в багацохуровском улусе. На карте, приложенной к ч. I упомянутых выше „Материалов“, он значится, как „Участок ламинского духовенства“. Управление калмыцким народом трактовало его хурульным земельным владением, но взгляд калмыков на него был иной Свыкшись с представлением, что земля, на которой расположены калмыцкие кочевья, принадлежит народу, калмыки считали и ламинский участок ближе всего относившимся к багацохуровскому улусу. По смерти Орчи, между его родственниками и багацохуровцами произошел спор: первые доказывали, что купленный ламой земельный участок должен отойти к ним, как к наследникам ламы, вторые отрицали за ними право такого наследства и требовали причисления участка к улусным землям В 1827 году наследники Орчи пытались найти защиту прав на спорную землю у сенатора Ф. П. Энгеля, ревизовавшего калмыцкую степь [57]. Спор был решен распоряжением высшей власти записать землю за ламайским духовенством.

Если в изложенной истории мы имеем случай приобретения калмыками стороннего земельного участка посредством его покупки, то не знаем фактов продажи калмыками своих земель. Да таких фактов и не могло быть, за отсутствием права частной земельной собственности в Калмыцкой степи. Отсутствие такого права спасало калмыцкие земли от распродажи, примеры чего дает история землевладения у тех нацменьшинств, у которых находило применение право частной земельной собственности. Не распродажа земель, а их отчуждение, проводившееся сверху, грозило потрясением калмыцкой экономики после высказанного в 1904 году министром вн. дел взгляда на калмыцкие земли, как на казенные. И в ответ на такое заявление калмыцкая знать вносит в гос. думу пожелание о неотчуждении калмыцких земель в районе одной только приволжской полосы!

---

29 июля, 1928; пересм. в июне 1931.

[54] КОА, д. 1803 года, № 899, л. 5.
[55] Там же, л. 8
[56] КОА, д. 1801 года, № 883, л. 78.
[57] КОА, д. 1827 года, № 1584, л. 124 и л. 135.

Дарственные земли в Хошоутовском улусе.

I

Обстоятельства поселения хошоутовского владельца Замьяна в урочищах Крымский затон и Коровья Лука.

В 1756—1759 годах внимание калмыков не мало было занято ссорой, вылившейся в открытую вражду между одним из хошоутовских владельцев —Замьяном и правителем калмыцкого народа Дондук-Даши. Ссора возникла на семейной почве. Замьян разошелся с своей женой Данарой, доводившейся сестрой Дондук-Даши, и последний сначала лишил хошоутовского владельца кибиток, доставшихся ему в качестве приданого за Данарой, а затем выставил его в глазах правительства опасным бунтовщиком. Замьяну приходилось оправдываться в тяжелом обвинении. При вмешательстве власти, отношения между Замьяном и Дондук-Даши сгладились, чему содействовала женитьба Замьяна на Ользе-Орошиху, вдове хойтского нойона Дежида. Брак доставлял возможность Замьяну поправить свое материальное положение за счет кибиток новой жены, которых числилось около 800 [1].

При сыне и преемнике Дондук-Даши, калмыцком наместнике Убуши (1761—1771) разлад Замьяна с калмыками обозначился еще яснее. Пронырливый и искательный человек, при том до крайности честолюбивый,—таким русское правительство аттестовало Замьяна,—он в злобе на наместника за то, что тот медлил выделением кибиток Ользе-Орошиху, раскассированных при Дондук-Даши по разным улусам, и тормозил их передачу, ищет защиты своих имущественных интересов у русской власти и не отказывается принять на себя роль поставщика сведений относившихся до политического настроения наместника и калмыцких владельцев. Несмотря на вполне определенный взгляд правительства на личность Замьяна, взятая владельцем роль была оценена и доставила ему свои выгоды, но за то калмыки отшатнулись от него. Замьяну приходилось серьезно задуматься над вопросом, как устроить дальнейшее положение, чтобы, с потерей престижа в глазах сородичей, не очутиться в крупном проигрыше. Естественным выходом было—добиваться независимости от наместника и от только что учрежденного для калмыков общенародного суда Зарго, средством к чему могло послужить обоседление. Стремясь осуществить свои планы, Замьян обращается за содействием к астраханскому губернатору Н. А. Бекетову (1762—1773). Он высказывает готовность поселиться в особом доме, под русской охраной, и личным примером располагать к оседлой жизни калмыков подвластного ему улуса. С тем вместе он просит губернатора похлопотать

[1] *Н. Пальмов*, „Этюды по истории Приволжских калмыков. Ч. II. Астрахань 1927“, стр. 199—205.

пред высшей властью об освобождении его от подчинения наместнику и Зарго или, хотя бы на первых порах, о включении в состав судей Зарго одного из улусных его зайсангов. К этой главной просьбе Замьян присоединяет ряд других просьб, например, о том, чтобы отбор улуса Ользе-Орошиху был произведен без участия наместника и Зарго, по одному только правительственному распоряжению; чтобы жалованье, положенное ему как владельцу в размере ста рублей, было увеличено, чтобы зайсанги Хошоутовского улуса, не в пример зайсангам прочих улусов, пользовались казенным жалованьем, и т. д.

Дело Замьяна Бекетов докладывал в коллегии ин. дел лично, в бытность свою в столице в 1764 году. Желание хошоутовского владельца переменить кочевой образ жизни на оседлый встретило сочувствие в коллегии,—там было решено удовлетворить просьбу владельца о постройке ему деревянного дома, не считаясь с мотивами, какими была вызвана просьба. С тем вместе в коллегии возник общий вопрос о кочевничестве калмыков, и было поставлено на обсуждение, что выгоднее с государственной точки зрения, кочевой ли, теперешний быт калмыков, или возможная их оседлость. Территория калмыцких кочевий,—говорили в коллегии,—представляет собою сплошную степь, со всех сторон открытую для нападения соседних „варварских народов". Как ни охочи до нападений эти народы, „по природной своей склонности к хищениям и грабительствам", но присутствие калмыков в степи влияет на них сдерживающим образом. Калмыки—подвижны; они постоянно перекочевывают с места на место группами большей или меньшей численности. Это не позволяет неприятелям быть чересчур смелыми: появившись в степи с целью грабежа, они не могут наперед знать, на какую силу натолкнутся, на большую, или на малую. Наоборот, если бы всех калмыков собрать в одном каком-нибудь месте и сделать их оседлыми, то пустынная степь немедленно наводнится новыми кочевниками, станет „сборищем и убежищем" для хищников и создаст угрозу налетов на ближайшие русские поселения. Разные варварские народы могут даже совершенно захватить степь. Известно, что, например, киргиз-кайсаки давно уже порываются перейти из-за Яика на луговую сторону Волги, чтобы войти в связь с кубанцами, у которых общий с ними закон. Если бы это им удалось, то не замедлили бы последовать „здешней пользе разные и многие предосуждения".

Теперь кочевые калмыки внушают страх горцам и кубанцам, расположившимся на привольных угодьях по верхнему течению Кумы между Астраханью и Кизляром. Но им нечего будет бояться, если калмыки переменят образ жизни. Закрепив занятую местность за собой, горцы и кубанцы начнут нападать на калмыков и на русских, так что потребуются особые меры для охраны тех и других. Калмыцкий народ ценен государству как легкое и подвижное войско, какое он собою представляет. Калмыки были полезны в турецких войнах; нужны они и теперь в качестве того же легкого войска, там, где кочуют, но они утратят свою „поворотливость", если оставят кочевой образ жизни и превратятся в поселян.

Да даже и при отсутствии внешних причин, побуждающих воздерживаться от обоседления калмыков, не следует приступать к коренной ломке калмыцкого быта зная крайнюю приверженность калмыков к старинному укладу жизни и большую

недоверчивость их ко всякого рода правительственным мероприятиям. Поэтому, достаточно будет ограничиться поселением только некоторой их части по берегу Волги от царицынской линии до Астрахани. Здесь присутствие оседлых калмыков желательно и уместно. Берега Волги еще пустынны; жилища там очень редки; нерегулярных войск недостаточно. Усилить эти войска можно было бы калмыками в надежде, что они будут исправно и с пользой нести подходящую для них службу, а при этом они начнут усваивать и некоторую „людскость". Военная обстановка, в которой станут находиться поселенцы—калмыки, не лишит их „поворотливости", благоприятные же внешние условия существования убедят в выгоде руского подданства и заставят предпочитать его всякому другому. Но опять-таки, и при поселении некоторой части калмыков, необходимо действовать с искусством и осторожностью: надо устранять всякое сомнение, какое может возникнуть у них при перемене старого быта на новый, и не надо давать им повода к разного рода «колебаниям».

Поселение Замьяна составит первый опыт в большом деле. Он должен будет показать, в какой мере можно надеяться на успех калмыцкого обоседления, и следует ли продолжать его при удаче, или надо будет совершенно прекратить при отрицательных результатах. Владельца не мешает ободрять, проявляя к нему милость, но так, чтобы это делалось не на виду у всех, а секретно. Калмыцкий народ таков, что „из чего-нибудь малого и большое себе воображает". Нельзя, в частности, сделать прибавку к нынешнему жалованью Замьяна,—она была бы истолкована, как награда за обоседление, а другим, при том более знатным и более сильным калмыцким владельцам, в особенности—тем, за которыми имеются военные заслуги, это подало бы повод тоже просить о прибавке денежного оклада. Трудно было бы отказать им в просьбе, и чтобы не огорчить владельцев, пришлось бы делать лишние расходы. Точно также нельзя назначать жалованье зайсангам, подвластным Замьяну: пусть его зайсанги—знатные люди, но раз до сих пор не существовало обычая назначать казенные оклады улусным зайсангам, не следует и теперь вводить его в практику. Зайсанги, получающие жалованье по суду Зарго, как присутствующие в нем, составляют исключение из общего правила. Чтобы не обидеть Замьяна и его зайсангов, возможно допустить выдачу им единовременных пособий, в зависимости от успехов обоседления, какие они должны будут показать.

Если бы обоседление стало проходить даже и успешно, все же ни сам Замьян, ни его подвластные не должны быть из'яты из ведения общего калмыцкого правительства и из подчинения ему, в особенности—на первых порах, когда к тому нет побудительных причин. Наоборот, независимость от калмыцкого начальства, раз она будет предоставлена Замьяну, несомненно произведет нежелательное впечатление на народ. Калмыков взволнует опасение насильственной перемены „природного их закона". Примеры подобного рода волнений уже бывали у них. За хошоутовским владельцем могут быть сохранены лишь одни такие общевладельческие права, как сбор податей с улусных калмыков, наряд их на службу и пр. Равным образом, нельзя предоставлять ему права принуждения калмыков к оседлости, так как обоседление должно проходить добровольно Надо внушить Замьяну, что решившие обоседлиться калмыки всегда могут уходить на летние кочевья с мест поселения и могут даже совершенно покидать их, по непреодолимому влечению к кочевой жизни.

Замьян просит о возвращении ему подвластных калмыков, находившихся в улусах других владельцев, и о включении одного из его зайсангов в число судей Зарго, при невозможности совершенно освободить улус владельца от подведомственности калмыцкому правительству. Недопустимо ни то, ни другое. Зарго учреждено в чрезвычайно удобный момент. Наместник—человек еще не совершенных лет. Происшедшие по смерти его отца „колебания“ в калмыцком народе, обычные при смене власти, заставили его искать опоры в русском правительстве, почему оно и дало калмыкам суд Зарго. Польза от Зарго уже сказывается: наместник ханства имеет сейчас меньше власти, а владельцы стали чувствовать себя свободнее в сознании, что им нет причин опасаться таких действий со стороны наместника, которые вызывали у них неудовольствия и огорчения. Владельцы могут делать свои представления в Зарго против наместника, да они уже иногда и выступают с такого рода представлениями. Для Замьяна открыта возможность требовать возвращения его подвластных чрез посредство Зарго, но если он рассчитывает, что общий законный порядок будет обойден лично для него в виду желания обоседлиться, одобренного правительством, то тем более необходимо показать владельцу и всем калмыкам, насколько правительство озабочено укреплением среди них законности учреждая Зарго, действующее по их древним правам. Покровительственное отношение к Замьяну должно выражаться лишь в одном--в помощи ему на самом деле получить от Зарго удовлетворение законных претензий.

Включение хошоутовского зайсанга в состав Зарго составило бы нарушение того древнего порядка, по которому у калмыков Зарго всегда составлялось из восьми человек. Различие теперешнего калмыцкого Зарго от древнего заключается в том, что в него входят не одни зайсанги ханского улуса, как это бывало раньше, но и зайсанги из владельческих улусов, пропорционально численности того, или другого улуса. Расширить наличный штат Зарго,—значило бы вызвать тем „примечание во всем калмыцком народе“. У хошоутов—три владельца; наиболее знатным и сильным из них является Тукчи. Когда происходили выборы в Зарго, то хошоутовцам было предложено сговориться на одном каком-нибудь зайсанге, который являлся бы представителем всего их рода; при невозможности сговориться добровольно, им было предоставлено выбрать в Зарго зайсанга посредством жребия. Но к жребию не пришлось прибегать,—хошоутовцы избрали зайсанга из улуса Тукчи. Этот зайсанг заседает теперь в Зарго; за ним нет никаких преступных деяний; поэтому, он не может быть беспричинно удален от должности и заменен лицом, угодным Замьяну. Поправки в структуре Зарго всегда возможны в направлении дальнейшего расширения его компетенции и власти, но при всяких поправках следует руководиться интересами дела, а отнюдь не сообразоваться с честолюбивыми желаниями владельцев, хотя последние, может быть, и стали бы обнаруживать податливость по части выполнения правительственных планов и намерений. Нельзя ставить рядом и связывать одно с другим такие два правительственные предприятия, как „приведение в толь твердейший порядок калмыцкого правительства и первый опыт заведения из калмыцкого народа поселений“. Это значило бы создавать лишний повод к тревоге и волнениям среди калмыков, способных вообразить здесь какую то великую опасность для себя.

Выбор места, где поселить [illegible]мьяна с его калмыками, коллегия решила предоставить Бекетову, в ближайшее распоряжение которого переходили все вообще калмыцкие дела. Ему поручалось избрать пункт, удовлетворяющий нуждам поселенцев, но рекомендовалось, по возможности, найти место где-нибудь ближе к Астрахани, чтобы удобнее было держать их под личным наблюдением губернатора. С своей стороны, коллегия проектировала отвести под поселение „урочище на нагорной стороне р. Волги, в 60 верстах выше Астрахани, против приверха Круглого острова, называемое Крымской затон“. Напротив этого урочища, на Круглом острове и на луговом берегу Волги, имеется достаточное количество лугов и сенокосов. Перебираться с берега на берег не составит особого затруднения для калмыков, так как Волга в этом месте не широка, при том переправа против Круглого острова хорошо им известна,—обычно они именно здесь перебираются через реку. Тут же переходили Волгу киргиз-кайсаки в 1738 году, когда в зимнюю пору они учиняли разорительный набег на улусы, кочевавшие тогда на Куме. Теперь на Круглом острове стоит застава [2]: в ней минует нужда, раз вся эта местность будет занята калмыцкими поселками.

Коллегия находила целесообразным поселить калмыков вместе с русскими, так как от них калмыки могли бы брать примеры по части лучшего устройства поселков, могли бы даже прямо пользоваться их помощью в хозяйственных делах. Глядя на русских, калмыки начали бы „скорее привыкать к поселенному житью, и к приготовлению себе дров и сена, и к заведению садов“. Но кого же поселить вместе с калмыками? Внимание коллегии останавливается на астраханских казаках. При Астрахани их 500 человек. Волга, особенно широкая в половодье у города, разобщает казаков с правым берегом, где собственно они только и нужны для разъездов по степи и для погони за неприятелем. Фактически теперь они лишены возможности быстро выполнять свою службу. Другое дело, если одну их половину в 250 человек перевести к Крымскому затону, а другую половину поставить „на урочище по Волге выше Астрахани в 30 верстах, называемое Коровья Лука“. В этих двух пунктах казаки всегда могут быть готовыми к службе. Коровья Лука и Крымский затон расположены недалеко от кизлярского тракта и крымской дороги; поэтому, можно и оттуда посылать казачьи разъезды. Если бы для Крымского затона и Коровьей Луки понадобилось меньше намечаемого числа казаков, то в этом случае усмотрению Бекетова предоставлялось распределить излишек казаков в трех подходящих пунктах по берегу Волги „выше и ниже Енотаевской крепости, а особливо—между оной и города Черного Яра“. Казаки должны оберегать здесь почтовые станции и, в качестве конвоиров, защищать проезжих по Волге от налета кочевников. Казаков надо поселить с таким расчетом, чтобы в каждой станице было их не меньше 80 человек, так как лишь при условии достаточной численности станичников поселениям не могут грозить набеги с кубанской стороны.

---

[2] В ту пору за заставой на Круглом острове осталось одно стратегическое значение. В XVII веке на ней подлежали явке товары, направлявшиеся к Астрахани из верховых городов. *П. А. Бирюков*, „История Астраханского казачьего войска“ III. Саратов. 1911“, стр 449, примеч. 1.

Место, какое калмыки имели занять поселками, можно было бы просто только отгородить. Но так как рядом с калмыками водворялись казаки, то коллегия находила необходимым создать возле казачьих станиц „порядочные укрепления с небольшим числом пушек". Подобные же укрепления с пушками она намечала устроить и при всех вообще казачьих станицах, для защиты их от кубанских татар и горцев в случае войны с Турцией.

На устройство дворов для поселенцев-калмыков, на необходимое оборудование жилищ и особенности на заготовку на первое время дров, сена и корма для лошадей и скота, коллегия считала достаточным ежегодное ассигнование в 3 тысячи рублей из местных астраханских доходов, при чем из названной суммы отделяла некоторую часть на издержки по переводу казаков из Астрахани на новые места жительства, на выдачу казакам пособия при переезде и на устройство укреплений в казачьих станицах.

Доклад коллегии ин. дел с изложенными в нем соображениями и предположениями был конфирмован Екатериной II 5 июля 1764 года [3].

21 августа того же года датируется грамота на имя калмыцкого наместника Убуши, членов суда Зарго и всего калмыцкого народа, специально посвященная такому выдающемуся событию в калмыцкой жизни, каким мыслилось обоседление хошоутовского владельца Замьяна. В грамоте говорится, что решение перейти на оседлость окончательно сложилось у Замьяна после разговора с астраханским губернатором Бекетовым, который обращал внимание владельца на разные неудобства кочевой жизни, в особенности—зимой. С рассуждениями Бекетова Замьян согласился, а затем уже по собственному побуждению и по доброй воле обратился к губернатору с просьбой о постройке домов, как лично для себя, так и для тех подчиненных ему калмыков, которые хотят жить по домам в зимнюю пору. Замьян просил поставить эти дома в удобном месте у Волги и при этом выговорил условие, что дома будут служить для калмыков жилищем только на зиму, а в летнюю пору они по-прежнему станут кочевать в степи. Правительство всегда, прежде чем издавать распоряжение по тому или другому поводу, входит в подробное рассмотрение обстоятельств дела, при чем оно оберегает подданых от каких бы то ни было стеснений в принятом образе жизни и в исполнении их природного закона. Просьбу Замьяна о постройке дворов у Волги оно признало подлежащей удовлетворению, так как от этого можно ждать приобретения калмыками таких жизненных выгод, каких они теперь не имеют. Но в то же время наместнику Убуши, прочим владельцам и всему калмыцкому народу дается знать, что обоседление хошоутовского владельца не поведет за собой никаких общих перемен в быте народа. Все калмыки обнадеживаются сохранением за ними прежних их обычаев и порядков. Замьян, как был до сих пор, так и теперь остается под ведением учрежденного для калмыков

---

[3] Доклад напечатан в Полн Собр. Законов (ПСЗ), т XVI, № 12198, стр 827—832. В официальном списке доклад имеется в деле Калм. Обл. Архива (КОА) за 1764 год, № 313, лл. 261—270. Печатный текст не везде совпадает с рукописным. Взгляд правительства на кочевничество и оседлость калмыков отчасти повторен в рескрипте Бекетову от 3 августа 1770 года; КОА, л 1770 года, № 360, л. 29 и об.

правительства: он подчинен этому правительству в делах, касающихся наряда на службу и на охрану, также в судных делах и в делах по взаимным искам. Однако, и он имеет свои права: из его ведения не могут быть исключены подчиненные ему улусные калмыки, как поселяющиеся с ним, так и отказывающиеся от поселения. По владельческому праву, он собирает с них подати и наряжает подвластных калмыков на службу. Дальше в грамоте подчеркивается добровольный характер поселения калмыков и определенно высказывается, что хотя каждому калмыку, желающему обоседлиться, будут предоставлены к тому некоторые средства и способы, тем не менее всякий поселенец в дальнейшем не лишен права поступать, как ему заблагорассудится: он может оставлять свой дом на время летних кочевок и возвращаться в него обратно к зиме, может и совершенно покинуть дом и навсегда уйти из него в степь [4].

О том, какое впечатление произвела грамота на калмыков, мы узнаем из доклада, присланного Бекетову бригадиром А. Бехтеевым и подполковником П. А. Кишенским, состоявшими при калмыцком наместнике. Они сообщали, что наместник Убуши, заседавший в Зарго владелец Цебек-Дорджи, и все члены Зарго не только „с неудовольствием“, но и „с немалой прискорбностью“ относятся к известию о позволении Замьяну поселиться отдельно. Бехтеев и Кишенской писали, что все их раз'яснения остаются безрезультатными: калмыки твердят одно, что „издревле в калмыцком народе обыкновения того не бывало, дабы калмыки поселение имели“, и отсюда выводят определенное заключение, что Замьян с его улусом рано или поздно будет освобожден от подчинения общенародному калмыцкому правительству. Наместник, кроме того, высказывает неудовольствие на Замьяна за его непочтительное письмо, в котором хошоутовский владелец заявлял, что он не хочет теперь слушать никаких распоряжений калмыцкой власти, а будет повиноваться одним только верховным приказаниям. В частных разговорах зайсанги проводят мысль, что если бы Замьян поселился где-нибудь вдали,—например, в Ставрополе,—то его обоседление не произвело бы такого неприятного впечатления, но именно всем и „прискорбно“ то, что он будет жить в центре калмыцких кочевий и станет переманивать к себе калмыков из других улусов, от чего можно ждать самых печальных последствий: „от времени до времени калмыцкий народ умалиться или вовсе истребиться может“. Бехтеев и Кишенской винят Замьяна в излишней болтливости: он настолько ослеплен вниманием верховного правительства, что чересчур много вообразил о себе и начал говорть лишнее, а письмо к наместнику действительно составил „в неучтивых речах“. Бекетов препроводил доклад Бехтеева и Кишенского ко двору и получил в ответ грамоту от 4 июля 1765 года, в которой правительство с своей стороны признавало, что данное Замьяну позволение поселиться оседло „вообще весь калмыцкий народ в страх привести может“, и что на калмыков неприятно подействует обособленность Замьяна. Им не легко будет примириться с фактом выделения хошоутовского владельца с его улусом из общей массы, да без сомнения, и сам Замьян „разглашает“ всем о своем привиллегированном положении. И раньше нечто подобное замечалось за калмыцкими владельцами в случае внимательного отношения к ним высшей власти. Во времена, например, Волынского

[4] КОА, д 1764 года, № 313, лл. 271—274.

и Барятинского стоило сделать что-нибудь полезное какому-нибудь владельцу отдельно от других, он сейчас же, не считаясь с секретом, начинал хвастаться своим успехом. У правительства вовсе нет намерения разделить калмыков „на разные части“,— с государственными интересами это „сходствовать не может“; поэтому Бекетов уполномочивался правительством сделать Замьяну „крепкий выговор“ за его бестактное поведение и внушить ему, что он остается в полной зависимости от наместника и Зарго и должен это твердо помнить [5].

Без сомнения, расчет на выгоды привиллегированного положения толкал Замьяна к обоседлению. Он сознавал трудность положения, возникавшего вследствие той общей позиции, какую избирал, и принужден был искать опоры у представителей русской власти. Он видел, что его кровные связи с калмыками разрушаются, и ему остается одно—окончательно перейти на русскую сторону в качестве слуги правительства. Подобное настроение едва ли было присуще двум торгоутовским владельцам, родным братьям Яндыку и Бусурман-тайджи, из которых первый в конце 1764 года, а второй в начале 1765 года тоже заявили письменно Н. А. Бекетову о готовности последовать его совету—поселиться оседло, по примеру Замьяна, и просили о постройке деревянных домов для себя и для некоторых из своих подвластных. Конечно, оба владельца, руководились личными расчетами. Это было понятно правительством, и оно довольно холодно отнеслось к реляциям Бекетова от 2 декабря 1764 года и 19 января 1765 года о Яндыке и Бусурмане. В рескрипте от 26 марта 1765 года внимание Бекетова было обращено на то, что в заявлениях обоих владельцев явно проглядывает намерение „подбиться“ к губернатору, в котором они подметили стремление привлекать калмыков к оседлости, и хотят извлечь из этого пользу. Между калмыцкими владельцами нередки взаимные иски, иногда ни с чем несообразные; это и может служить для Яндыка и Бусурмана побуждением искать покровительства у губернатора, а то и просто хотя бы выманить у него какие-нибудь подарки по случаю заявленного решения перейти на новую форму быта. Весьма сомнительно, находило правительство, чтобы эти легкомысленные люди выполнили решение, или довели свое обоседление до конца. Бекетову дается указание вообще соблюдать осторожность в деле обоседления и не особенно увлекаться широкими планами. Если бы среди калмыков оказались не одни только притворные, но и действительные охотники изменить образ жизни, все же излишняя настойчивость в доказательствах превосходства оседлого быта пред кочевым может подать повод к толкам в народе, что калмыков хотят принцевошить к оседлости и лишить их природного закона. Последнего калмыки больше всего боятся, и среди них уже не раз, да и совсем еще недавно, ходили тревожные слухи о предстоящей у них перемене закона [6]. Впрочем, правительство ничего не имело против постройки деревянных домов для Яндыка и Бусуран-тайджи в Коровьей Луке. Оно позволяло Бекетову взять средства на это из тех 3 тысяч рублей, которые положено было ежегодно выделять из астраханских доходов на обоседление калмыков, при чем рекомендовало строить дома небольших размеров, частью потому, что нет уверенности

[5] КОА, д. 1765 года, № 323, лл. 219—221.

[6] Речь идет, очевидно, о толках, связанных с возвращением в степь семьи Дондуковых в 1762 году; *Н. Пальмов*, „Очерк истории Калм. народа за время пребывания его в пределах России. Астрахань. 1922“, стр. 61—63.

в успехе обоседления, а частью—в виду калмыцкого суеверия, по которому ни один владелец и ни один знатный человек „в тех покоях“, где „кто-нибудь из их фамилии умрет, жит уже не может“,—он бросает тот дом и ищет себе нового жилища [7].

Догадка, что Яндык и Бусурман-тайджи „подбивались“ к астраханскому губернатору, относительно Бусурмана нашла подтверждение в его письме к Бекетову от 4 ноября 1764 года [8]. Указывая на происхождение от Чакдоржапа, старшего сына хана Аюки, Бусурман говорит, что им было получено в наследство от отца 200 кибиток. По просьбе брата, хана Дондук-Даши, он отдал ему зайсанга Даши-Дондука с его кибитками, в виду обещания наделять кибитками в двойном количестве, но хан не сдержал слова, а только предоставил ему пользоваться своим ханским коштом. По смерти Дондук-Даши, Бусурман обратился в Зарго с жалобой на свою обиду. Наместник Убуши поддержал обиженного владельца, и на суде было постановлено выделить ему 120 кибиток цатанов и 80 кибиток керетов, по определенному реестру и с обычным „заездом“. 120 кибиток он получил, но 80 самых богатых кибиток он лишился. Их отобрали у него обратно посланец наместника Менкони-гелюнг, при содействии ученика Петра Самсонова, командированного бригадиром Бехтеевым. Теперь Бусурман ищет заступничества у Бекетова и просит у него распоряжения о возврате отнятых 80 кибиток, при чем с своей стороны обещает отдать по принадлежности излишние кибитки, попавшие к нему при „заезде“. Бекетов поручил Бехтееву сделать для Бусурмана „надлежащее удовольствие и к тому наместника убедить“ [9]. Надо полагать, что владелец, получив свои кибитки, удовлетворился достигнутыми результатами и перестал говорить об обоседлении. Ни он, ни его брат Яндык в Коровьей Луке не поселились.

Туго шло дело и с обоседлением Замьяна. Вероятно, после рескрипта от 26 марта 1765 года и в виду отказа Яндыка и Бусурман-Тайджи селиться, Бекетов считал неудобным производить давление на хошоутовского владельца и не требовал от него с настойчивостью выполнения давнего им обещания. Продолжая, однако, покровительствовать Замьяну, Бекетов в 1766 году выхлопатывает ему поездку в столицу с женой Ользе-Орошиху и с малолетним пасынком Тюменем. Там при дворе Замьян сумел добиться внимания и от 28 марта того же 1766 года подал вице-канцлеру особую записку по поводу своего обоседления. Он указывал на недостаточность команды из 80 казаков, предназначенных к месту его будущего поселения: это место, писал он,—открытое, и казаки, занятые службой и хозяйством, не будут в состоянии оказать защиту калмыкам в минуту какой-нибудь серьезной опасности. В помощь казакам Замьян просил отрядить еще человек 40—50 драгун, при офицере и переводчике, с барабанщиком; просил дать пушку и, лично для себя, свинцу и пороха; высказывал желание иметь в распоряжении шлюпку и карету; хлопотал о двух поварах, умеющих приготовлять столичные кушанья для почетных гостей и для русских, которые постоянно будут находиться при владельце. Касаясь угодий будущего калмыцкого поселка, Замьян заявлял о необходимости отвода кал-

[7] КОА, д. 1765 года, № 319, лл 32—37.
[8] По калмыцкому счету, „месяца хулугуны, 21“.
[9] КОА, д. 1764 года, № 313, лл. 365—367.

мыкам рыболовных вод и назначения определенных мест для кочевий по займищам. К изложенным представлениям и просьбам владелец присоединяет еще одно пожелание: иметь двух кречетов, так как „до птиц он—великий охотник“, и у него есть уже на примете кундровской татарин, который с родственниками соглашается быть у него птичником [10].

Несомненно, в Петербурге забавлялись Замьяном, который попав в придворную обстановку, вообразил себя важной персоной. Ему давали возможность шире развернуться, чтобы с любопытством заглянуть в его внутренний облик и потешиться мелким, довольно пустым честолюбием знатного степняка. Не могут не вызывать улыбки такие желания Замьяна, заявленные в официальной записке, как—иметь европейских поваров при доме, шлюпку, карету, кречетов. Конечно, некоторые из подобного рода безобидных его желаний, могли получить удовлетворение, но едва ли правительство сочло нужным считаться с такими более серьезными требованиями хошоутовского владельца, как дать ему драгунский отряд, назначить калмыкам рыболовные воды и отмежевать урочища для кочевий. По крайней мере, драгун при Замьяне никогда мы не видим, а о размежевании Замьяновской дачи пришлось хлопотать впоследствии, уже по смерти Замьяна, его пасынку Джиргал Тюменю.

Постройка дома для Замьяна производилась медленно. Может быть, это зависело от того, что Бекетов решил поселить хошоутовского владельца после окончательного водворения в станицах на правом берегу Волги казаков, выведенных из Астрахани. Из письма Замьяна к Бекетову от 28 декабря 1769 года видно, что дом все еще строился и приводил в досаду калмыцкого наместника, посылавшего угрозы по адресу будущего его обитателя. Наместник и калмыки ненавидят меня за то,—писал Замьян,—что „я к российской стороне склонен, и что для меня строится дом“; однако, заявил владелец, несмотря на угрозу разорения, решение жить в этом доме остается твердым,—это он готов подтвердить даже присягой, и с нетерпением ожидает теперь достройки дома [11]. 9 апреля 1770 года Бекетов получил из Лебяжинской станицы от Замьяна известие о разорении, какому тот подвергся. При свидании с наместником, последний требовал у него заявления об отказе поселиться в строющемся доме и настаивал на том, чтобы владелец кочевал при нем, наместнике. Замьян отверг требование и подтвердил свое решение переменить кочевой быт на оседлый. После крупного разговора с наместником, к Замьяну явился Хара-мурза и об'явил ему приговор о передаче его улуса во власть Бокбона, при чем пояснил, что такой приговор вынесен наместником и его ближайшими советниками в виду [illegible]новения владельца. С Бокбоном, сыном от Данары, Замьян был в ссоре. Выслушав приговор, владелец поспешил уехать из ставки наместника, но на пути подвергся нападению того же Хара-мурзы, посланного с отрядом в 200 человек в погоню. Караван Замьяна был разбит, сам он не ждал себе пощады, но подоспели на выручку казаки Лебяжинской станицы и спасли владельца от неминуемой смерти. Так передавал происшествие Замьян [12].

---

[10] КОА, д. 1823 года, № 1183, лл. 55—56.
[11] КОА, д. 1769 года, № 352, лл. 16—17.
[12] Там же, лл. 58—59.

В апреле 1770 года дом для Замьяна, наконец, был достроен. Сообщая об этом в коллегию ин. дел 17 апреля, Бекетов писал, что в новопостроенный дом Замьян „жить перейти имеет в скорости“ [13]. Дом стоял на правом берегу Волги, в местности, называвшейся Крымский затон. Возле дома расположились своими жилищами казаки. Бекетов присвоил название поселку „Замьян-городок“ [14]. Против городка находился Песчаный остров—Шамбай. На нем кочевали калмыки в числе 110 кибиток из разных улусов; лес, какой рос на острове, калмыки „почти без остатка вырубили“ [15] Считая Шамбай принадлежащим к своим владениям, Замьян обратился к Бекетову с просьбой о распоряжении выслать с острова всех посторонних калмыков, согласно составленного им реестра. Бекетов исполнил просьбу Замьяна и 27 апреля отдал соответствующее приказание казачьему старшине Замьян-городка Кожину, послав при этом информацию об этом распоряжении полковнику Н. А. Кишенскому, находившемуся при наместнике. С поселением Замьяна в городке его имени,—объяснял Бекетов,—при этом же городке должны быть и угодья хошоутовских калмыков. До сих пор они пользовались пастбищами на правом берегу Волги, теперь эти пастбища отходят к калмыкам других улусов. В возмещение потери, угодья Песчаного острова необходимо предоставить в исключительное пользование калмыков Замьяна, и поэтому не надо допускать на остров калмыков из других улусов [16].

Не известно, в какую форму вылились бы отношения между Замьяном и наместником Убуши, но большая часть калмыцкого народа с наместником во главе откочевала на Д. Восток 5 января 1771 года. Тогда же Бокбон увел за собой почти весь улус Замьяна, фактически состоявший под начальством Бокбона, в силу упомянутого распоряжения Убуши. Из письма Бекетова к канцлеру Н. И. Панину от 5 июня 1771 года видно, что при Замьяне осталось только 63 кибитки [17]. Надо полагать, что это были те кибитки, которые не удалось захватить Хара-мурзе при вышеуказанном нападении на Замьяна. Они составили первое калмыцкое поселение Замьян-городка. Интересно, с другой стороны, и то, в какой мере, при серьезном отношении к делу, удалось бы Замьяну справиться с нелегкой задачей обоседления, если бы хошоутовский улус остался в его ведении. Район, назначенный под поселение, все же имел довольно ограниченные размеры и был бы недостаточен для хозяйственных надобностей охотников обоседлиться из довольно большого по числу кибиток хошоутовского улуса. Правда, от ухода хошоутовцев Замьян мало потерял,—Бекетов постарался снова создать для него значительную группу подвластных. Ее составили бродячие кибитки, задержавшиеся на переправах по случаю ледохода на Волге и от того лишившиеся возможности своевременно примкнуть к своим улусам и аймакам, покидавшим астраханские степи. Представленный осколками разных племен и родов [18], новый улус Замьяна только по племенному проис-

---

[13] КОА, д. 1769 года, № 353, л. 63.
[14] Там же, л 49.
[15] Там же, л. 48 об.
[16] Там же, лл. 49—50.
[17] КОА, д. 1771 года, № 360, л. 55 об.
[18] О составных частях хошоутовского улуса см. у *П. И. Небольсина*, „Очерки быта калмыков хошоутовского улуса. СПБ. 1852“, стр. 17—19.

хождению владельца, к которому пришлось попасть под начальство калмыкам других улусов, удержал за собой название Хошоутовского. Управление сборным улусом требовало от Замьяна известного искусства и не обязывало его стараться об обоседлении чужих для него калмыков, а так как с уходом калмыков распоряжение Бекетова от 27 апреля 1770 года о предоставлении правого берега под кочевья калмыкам других улусов теряло свое значение, то и на этом берегу Волги свободно и без стеснений могли расположиться новые подвластные Замьяна.

В феврале 1771 года Замьян задумал воспользоваться огородом калмыцкого наместника в Коровьей Луке и превратить его в сад для себя. Замьян, обращаясь о том с просьбой к Бекетову, указывал, что огород и раньше „в порядке не был", а теперь, когда за ним нет уже никакого присмотра, он может окончательно погибнуть. Бекетов удовлетворил просьбу владельца. От 7 марта он писал Замьяну, что, в виду его „верности и усердия", расположенный на правом берегу Волги в Коровьей Луке „наместничий сад" передается в его ведение, и что ему же „препоручаются" приставленные ухаживать за садом тогмутские татары „все без остатку", но,—прибавляет при этом Бекетов, „сии татары не в вечное владение отдаются, а до воспоследования впредь о всех таковых высоч-шей резолюции». 21 марта Бекетов разрешает татарам-садовникам нарубить 1 тысячу жердей в казенном лесу для подвязки винограда. От 25 апреля Замьян жалуется губернатору на татар: они „садовой работы не исправляют, и винограда не вырывают, (а) который хотя отрыт, не привязывают, и так весь (виноград) пропадает напрасно". Замьян заподозревал у татар намерение бежать в Крым к „родственникам и свойственникам", чем об'яснял неповиновение татар их старшине. В предотвращение побега, он рекомендовал Бекетову установить надзор за татарами, по крайней мере до осени, а главное—теперь же отобрать у них оружие, потому что иначе нельзя будет удержать их на месте. „Сей край закрывал калмыцкий народ, коего уже нет", напоминает Замьян, почему дорога в Крым чрез опустевшие степи теперь свободна татарам. Подозрение хошоутовского владельца разделял и А. П. Воронин, ближайший сотрудник Бекетова по управлению калмыцкими делами. Бекетов приказал сотнику Лебяжинской станицы Алексею Алееву разоружить татар, что тот и исполнил [19].

Коровья Лука нравилась Замьяну больше, чем заселяемый казаками Замьянгородок, и он постарался скоро перебраться туда. В докладной записке, которую 1 декабря 1858 года представил гл. попечителю калмыцкого народа В. Н. Струкову внук Замьяна по бабке Ользе-Орошиху, подполковник Церен-Джап Тюмень в связи с ходатайством о признании его в княжеском достоинстве, между прочим, сказано, что Замьян оставил первоначальное место своего поселения Замьян-городок после того, как увеличилась численность казаков в том городке, и что, по доброй воле уступив казакам свой земельный участок, он переехал в Коровью Луку. Таким образом, Замьян-городок перестал существовать, и вместо него появилась Замьяновская казачья станица. Имея в виду Коровью Луку, как новое местопребывание Замьяна, Церен-Джап упоминает о „фруктовом саде" и деревянном доме,—они находились „на самой большой Московской дороге, между Дурновскою и Лебяжинскою казачь-

[19] КОА, д. 1771 года, № 361, лл. 1—9.

ими станицами“ [20]. „Фруктовый сад“—это, очевидно, „огород“ или „сад“, раньше принадлежавший калмыцкому наместнику. Деревянный дом, скорее всего, есть тот самый дом, который был построен для Замьяна в Крымском затоне, а отсюда был перенесен в Коровью Луку, отстоявшую от Замьян-городка в 30 верстах вниз по течению Волги. „Старый деревянный дом с пристроями к нему“ в Коровьей Луке упомянут в одном прошении Эльзен-Цок, вдовы Церен-Норбо, родного брата Церен-Джан Тюменя, поданном ею в хошоутовское улусное управление 29 октября 1875 года. До этого времени дом считался нераздельным имуществом всех наследников Тюменя, но в 1875 году, по оценке его в 300 рублей, он поступил во владение Эльзен-Цок и его сына Батыки Тюменя [21]. К сожалению, Церен-Джан точно не указывает года переезда Замьяна в Коровью Луку. Замьян умер в феврале 1773 года; в Коровьей Луке он прожил, следовательно, не долго. Устроиться там он мог летом 1772 года, если допустить, что дом владельца начали переносить из Замьян городка весной этого года. Что касается Замьяновских калмыков, то о поселении их в Крымском затоне нет никаких сведений, всего вероятнее; что к поселению они так и не приступили [22].

Незадолго до смерти, Замьян, уже тяжело больной, прислал Бекетову письмо с выражением последней воли, чтобы Ользе-Орошиху и насынок Джиргал Тюмень были признаны в правах наследников всего его имущества [23]. 28 февраля 1773 года датирован приказ Бекетова зайсангам и знатным лицам хошоутовского улуса: „Вам известно, что владелец ваш Замьян умре, по смерти которого оставшийся его улус, со всеми прочими его подвластными людьми [24], впредь до высоч-шей ее и в-ства резолюции, препоручен, по принадлежности, в точное правление и распоряжение на всех тех правах, каковые имел владелец Замьян, жене его Ользе-Орошихе. Итак, будучи вам о сем известным, сим повелевается: наблюдая между собою спокойствие и доброе согласие, владелице Ользе-Орошихе, яко вашей госпоже, отдавать надлежащее почтение, и быть у нее в должном повиновении и послушании, и отнюдь ей никакой противности и озлобления не показывать, опасаясь в противном сему случае, если в чем от нее справедливые жалобы произойдут, неопустительного достойного штрафа“ [25]. В приказе не упомянут Джиргал Тюмень. Это—не только потому, что он тогда не достиг еще совершеннолетия и состоял под опекой у матери, но, также, кажется, в виду намерения Бекетова произвести реформу в управлении хошоутовским улусом: Бекетов хотел передать этот улус в казенное ведомство.

Джиргал Тюмень выступает на сцену позже. Учитывая ту роль, какую он сыграл в вопросе о земельном наследстве вотчима, необходимо несколько познакомиться с личностью Джиргала. В 1766 году он был привезен Замьяном и Ользе-Орошиху в Петербург на показ двору, болел в столице оспой и, по приказанию Екатерины II, пользовался лечением придворных медиков. Тогда он был ребенком.

[20] Остатки фамильного архива Тюмень, собранные в КОА, д. № 4 л. 30.

[21] КОА, ф. 24 (Хош, Алекс. ул.), д. 1874 года, в. 16, № 45, л. 93.

[22] *И. А. Бирюков*, цит. изд.—I, стр. 67.

[23] Письмо было написано в месяце Бара. Переводчик письма, Ипат Федотов определил соответствие этого месяца январю, но затруднился установить число месяца.

[24] В данном случае могли разуметься тогмутские татары.

[25] КОА, д. 1828 года, № 1183, лл. 70—71.

Затем, по приказанию той же Екатерины, Джиргала обучали русскому языку в Астрахани. Впоследствии он участвовал в качестве командира 6-тысячного калмыцкого войска в военных операциях против закубанских татар и, по словам его сына, вышеупомянутого Церен-Джан Тюменя, особенно отличился в битве, окончившейся поражением „известного шаха, мнимого пророка и предводителя войск", за что 20 мая 1786 года получил производство в чин секунд-майора. Джиргал Тюмень усиленно хлопотал о более или менее точном определении границ дарственных Замьяну земель в Хошоутовском улусе и достиг в этом случае крупного успеха, сумев воспользоваться силой законов 1782 года относительно раздачи помещикам земель, пустовавших в Астраханском крае. С именем этого же Тюменя соединяется „Геометрический специальный план" земель, отведенных в районе между Замьяновской и Сероглазинской казачьих станиц, по размежеванию 27 февраля 1792 года. В общем, Джиргал получил тогда 17.985 десятин 275 кв. саж. земли, при чем, „за исключением рек, речек, озер, болот, ериков, оврагов, песков, солонцоватой земли, дорог, бичевников, что под строением ватаги", в его владении оказывалось 5769 десятин 1420 кв. саж. удобной земли [26]. Обмежевание земель диктовалось необходимостью, между прочим, гарантировать их от захвата казаками соседних станиц, но собственно говоря, основанием к обмежеванию не могли служить вышеупомянутые указы 1782 года, и если все же они были применены к Джиргалу, то это приходится об'яснять, с одной стороны привиллегированным положением калмыцкого владельца, а с другой стороны—податливостью лиц, ближайшим образом ведавших раздачей земель. Указы касались помещиков, владевших крестьянами и получавших пустопорожние земли для заселения их своими крестьянами, которые у себя на месте испытывали недостаток в земле. По „азиатству", Джиргал Тюмень не имел права владеть крестьянами и, казалось, не мог рассчитывать на приобретение земель в порядке указов 1782 года. Позже, как это мы увидим, сыну Джиргала, Сербеджапу Тюменю, опять-таки по его „азиатству", стоило не малых хлопот закрепить за собой и за подвластными калмыками в 1822 году земли Черной Гряды—Табун-Арал, довольно неосторожно купленые им у помещика Сушкова у 1819 году. Единственным основанием к обмежеванию 1792 года мог послужить доклад коллегии ин. дел по поводу обоседления Замьяна, вступавший в силу после конфирмации его Екатериной II с 5 июля 1764 года. Тюменю в 1792 году отмежевывались земли и предоставлялись с той же целью, с какою назначался Крымский затон Замьяну, т. е. для обоседления калмыков. Следовательно, земли отводились столько же в пользу владельца, сколько и в пользу подвластных ему хошоутовских калмыков на случай их обоседления. Правда, в „Геометрическом специальном плане" 1792 года калмыки не упомянуты в качестве своего рода „совладельцев" Джиргал Тюменя. По этому плану, земельным владельцем являлся один Тюмень, но это составляет юридический промах в редактуре заголовка на плане, об'ясняемый или недостаточной осведомленностью в положении вещей, как тем же можно об'яснить и титулование Тюменя не принадлежавшим ему званием князя, или же—другими причинами прямо уже предосудительного свойства. Конечно, титулование здесь не так важно, но присвоение одному Тюменю

---

[26] КОА, д. 1907 года, ст. I. Упр. Калм. нар., в. 70, № 23, л. 16 и об; см. в Приложении

отмежеванных земель составляет крупный промах. Может быть, в свое время этот промах резко не бросался в глаза, но он сказался серьезными последствиями спустя сто с лишним лет, о чем речь—впереди. В более близкое к 1792 году время если же самое отмежевание земель в пользу Тюменя вызывало сомнение, то другие обстоятельства поставили пред краевой администрацией иной вопрос, при том вопрос кардинальной важности,—о правах Тюменей вообще на владение Хошоутовским улусом. В 20-х годах XIX века по этому поводу возникло большое и сложное делопроизводство. Оно тянулось длинный ряд лет. Чиновники разных ведомств, канцелярий и комиссий ломали голову над трудным вопросом, требовали заключений от калмыцкого Зарго, справлялись с многочисленными архивными документами, но при всех усилиях никак не могли добраться до бесспорного решения темного и запутанного дела.

II

Споры наследников Замьяна с претендентами на Хошоутовский улус.

В приказе Бекетова по Хошоутовскому улусу от 28 февраля 1773 года сказано, что управление улусом поручается вдове Замьяна, Ользе-Орошиху впредь до резолюции царицы. Бекетова занимал не только этот особый случай перехода Хошоутовского улуса в подчинение владельческой фамилии другого, хойтского племени. С уходом большей части калмыков в Джунгарию и с ликвидацией ханской власти, явилась нужда решить сложную задачу, в каком виде целесообразнее организовать управление группой калмыков, оставшихся без национальной власти. В реляции от 17 февраля 1772 года Бекетов пишет Екатерине II, что он наметил созвать наличных калмыцких владельцев на совещание с тем, чтобы выслушать их мнение относительно постановки суда и расправы для калмыков при создавшемся положении, и обещал доложить об этом особо [27]. Повидимому, само правительство склонялось к мысли дать калмыкам особого начальника и прочило на эту должность сына хана Дондук-Омбо, кн. А. Ф. Дондукова, крещеного владельца Багацохуровского улуса. От 13 мая 1771 года канцлер Н. И. Панин, в намерении „предварительно изъясниться", пишет Бекетову о Дондукове, что его следует ввести в состав временного управления калмыками, так как он „по природе своей—владелец калмыцкой, а по усердию и закону своему—наш человек", и что на первых порах ему „препоручено быть может беспримѣтное над прочими владельцами надзирание, а потом и явное, с утверждением его и главным над ними начальником» [28]. Бекетов едва ли разделял такой проект. Он был далек от мысли дать калмыкам особого начальника из их же национальной среды; по крайней мере в письме к Панину от 28 января 1773 года, касаясь устройства управления в улусах умерших владельцев Яндыка и известного нам Замьяна, не оставивших после себя прямых наследников, и ссылаясь на свое письмо в январе 1772 года [29], он предлагал признать улусы Яндыка и Замьяна государственными. По его мнению, покибиточный сбор с обоих

---

[27] КОА, д. 1771 года, № 360, л. 163 об.

[28] Там же, л. 84.

[29] Это письмо нам неизвестно.

улусов следует обращать в доход казны, общее же наблюдение за ними надо предоставить калмыцкому Зарго, с правом суда и расправы по важным судебным делам, в мелких же спорах и ссорах,—полагал он,—калмыки могут по-прежнему разбираться у своих зайсангов. Положение последних Бекетов считает необходимым сохранить в том виде, в каком оно оставалось в аймаках в действительности, потому что,—рассуждал он,—только при сохранении власти за зайсангами калмыки не почувствуют перемены в правлении и не будут „тревожиться". Сбор в казну с государственных калмыков Бекетов рекомендовал производить „с рассмотрением": он говорил, что следует определять размеры сбора, учитывая экономическую мощь калмыков в данный момент, и что, во всяком случае, сбор всегда должен быть посильным для них, так как только при этом условии они поймут большую выгоду для себя состоять в ведении казны, нежели находиться в подчинении у владельцев, обременяющих подвластных непомерными налогами. Если установится такой порядок, и если калмыки увидят своих сородичей в лучших, чем они, материальных условиях жизни, то,—с уверенностью высказывал Бекетов,—и из владельческих улусов „всякий почитать будет себе за счастье войтить в число сих государственных калмык". Самое лучшее было бы,—находил астраханский губернатор,—вообще изъять калмыков из подчинения владельцам: тогда нечего будет опасаться их „измены", так, как недавние события показали, что калмыки свой побег „учинили единственно по насилию своих владельцев"[30].

К голосу Бекетова правительство прислушивалось. По крайней мере, в рескрипте от 30 апреля 1774 года П. Н. Кречетникову, с 1773 года заменившему Бекетова по губернаторской должности в Астрахани, но в калмыцком вопросе склонному, повидимому, держаться иных взглядов, чем Бекетов, было написано: „Надобно здесь еще рассмотреть и решить, на каком основании с лучшею пользою содержаны быть имеют два улуса, принадлежащие двум умершим владельцам: торгоутскому Яндыку и хошоутову Замьяну, коих князья Дондуковы, бригадир[31] и полковник[32], требуют себе по праву наследства, а равно такое же требование успел учинить и владелец Асархо, здесь жизнь свою окончивший, своим и племянника своего владельца Маши именем. Напротив того, предместник ваш, г.-п. Бекетов, по долговременной своей в Астрахани бытности, совсем другого мнения находится, предполагая больше в том прочности и пользы, когда оные улусы и впредь в ведомство владельческое отданы не будут". Правительство обещает снабдить Кречетникова определенными директивами по части дальнейших действий в отношении обоих улусов, пока же вменяет ему в обязанность наблюдать за порядком управления в обоих улусах, „чтоб ничего к обиде и к отягощению сих калмык никто предпринять не дерзал»[33]. Кажется, обещанные директивы так и не были даны Кречетникову; по крайней мере, следов их не видно в делопроизводстве времен Кречетникова, да он и не долго служил в Астрахани (1773—1775).

---

[30] КОА. д. 1784 года. № 491, лл. 301 об.—302.

[31] Иона Федорович Дондуков.

[32] Алексей Федорович Дондуков.

[33] Там же, л. 303.

По смерти Ользе-Орошиху, Астраханская губ. канцелярия постановила назначить Джиргал Тюменя правителем Хошоутовского улуса 4 августа 1774 года Кречетников выразил свое согласие с постановлением канцелярии, весьма возможно, учитывавшей в данный момент надобность в Тюмене, который в ряду прочих калмыцких владельцев призывался к выступлению против Пугачева [34]. Из письма Тюменя к Кречетникову от 13 августа видно, что хошоутовский владелец уже был готов с калмыками к походу и он только ожидал распоряжений губернатора [35]. Предоставление Тюменю власти над хошоутами крайне досадовало А. Ф. Дондукова, считавшего себя единственным законным наследником улусов Асархо и Замьяна. Сначала вместе с братом, а потом один, этот багацохуровский владелец донимал коллегию ин. дел и астраханского губернатора просьбами о передаче ему улусов Асархи и Замьяна. Он подчеркивал нарушение калмыцких законов создававшимся порядком передачи улусов в управление разным лицам по усмотрению администрации и указывал на проистекавшие отсюда печальные последствия для калмыков. В прошении на имя губернатора И. В Якобия (1776—1780) от 4 июля 1780 года Дондуков касается, между прочим, и Тюменя. Незаконность его назначения управлять Хошоутовским улусом Дондуков видит в том, что оно состоялось в обход законных наследников Замьяна, Теки и его сына Лирюна, принадлежавших к роду хошоутовских владельцев: оба они были еще живы, когда назначался Тюмень, и умерли позже, один за другим, а Тюмень при том происходит даже из другого племени,—он „зенгорский владелец", так что по родопроисхождению чужд хошоутам. Тюмень уже успел создать себе дурную славу тем, что собирает подать в улусе „с большим отягощением" для подвластных. Так писал Дондуков [36].

Права Тюменя, которые не хотел признавать за ним Дондуков, оказались не ясны и для правителя Кавказским наместничеством И. С. Алексеева (1786—1789). В 1788 году Алексеев запросил Калмыцкую канцелярию, на каком основании Тюмень владеет калмыками,—„родовые ли они его, или как-нибудь иначе ему принадлежат". Канцелярия обратилась за сведениями к самому Тюменю. Тот не дал прямого ответа, а только заявил, что по своему делу имеет лично об'ясниться с Алексеевым в Астрахани [37]. Нам неизвестно, в чем состояли об'яснения Тюменя, но, повидимому, администрация перестала беспокоить его запросами. Он умер в 1815 году. После смерти Джиргал Тюменя, в правление улусом вступил старший его сын, Сербеджап Тюмень. При нем то и развернулось большое дело по вопросу о законности владения Тюменями Хошоутовским улусом.

Дело началось с того, что в августе 1820 года хошоутовский владелец Убуши заявил генералу А. П. Ермолову, главноначальствующему в крае, о своих правах на Хошоутовский улус и писал, на чем основываются его права. Хошоутовским улусом,—рассказывал Убуши,—в свое время владели три лица: Замьян, Теке и Джиргал. Замьян умер бездетным. Теке оставил двух дочерей, из которых на одной женился торгоутовский владелец Цагалай и в приданное получил половину кибиток Теке. Другая дочь Теке умерла незамужней; в правление ее подвластными

[34] КОА, д. 1828 года, № 1183, л. 30.
[35] КОА, д. 1771 года, № 361, л. 225.
[36] КОА, д. 1784 года, № 494, л. 327.
[37] КОА, д. 1828 года, № 1183 л. 30 об. и л. 53 об.

почему то вступил Тюмень, а между тем у хошотов ничего нет общего с Тюменем,—он для них просто „пришелец". После Цагалая осталась вдова с дочерью. Теперь Сербеджан Тюмень задумал подчинить себе калмыков Цагалая и лишить его вдову и дочь законных прав на владение калмыками. Для Убуши непонятно, как могло случиться то, что отец Сербеджана, Джиргал Тюмень, этот „с зюнгарским народом пришедший сирота", вдруг принял на себя звание хошоутовского владельца, „вступил в наследство" Замьяна и заставил калмыков повиноваться себе. После Джиргала улус перешел к Сербеджан Тюменю, но „по каким правам и кем утвержден за ним подвластный народ тот, мне неизвестно", заявляет Убуши. Джиргал, третий из хошоутовских владельцев, теперь забыт, а между тем он оставил наследника в лице просителя—Убуши, которому и должны быть предоставлены все права на Хошоутовский улус. „По калмыкому закону", пишет Убуши, „кроме меня" Хошоутовский улус „в наследство никто получить права не имеет",—других родственников Замьяна, Теке и Джиргала нет. Если во владение частью Цагалая следует вступить кому-либо из его родственников, то среди торгутов можно найти его племянника [38]. А что касается Сербеджана Тюменя, то он не только не вправе распоряжаться кибитками Теке и Цагалая, но некоторые из нас,—уверяет проситель,—даже „обижаются" тем, что ему так „несправедливо" позволено владеть хошоутовскими калмыками, оставшимися после Замьяна [39].

14 сентября 1820 года Ермолов приказал председателю Астраханской судебной палаты Кузнецову, исправлявшему должность гражданского губернатора в Астрахани, собрать справки по содержанию прошения Убуши и высказать соображения, насколько справедливы столь смелые заявления владельца, и в какой мере вообще они заслуживают внимания [40]. Между тем, еще раньше, чем Убуши послал изложенное прошение Ермолову, Сербеджан Тюмень уже успел предпринять свои шаги по укреплению за собой цагалаевских калмыков, а гл. калмыцкого пристава В. Д. Смолина он известил, что, за смертью Цагалая, считает себя единственным наследником его кибиток, почему и вступает во владение ими. Смолину, однако, было известно, что после Цагалая осталась вдова Бодога 37—38 лет с пятилетней дочерью, что имеется в живых брат Цагалая, Зодбо-гелюнг, и что, кроме того, есть несколько племянников Цагалая, в том числе Буюнтук. О самом Цагалае имелись сведения, что он происходил от торгоутовского владельца Арабжюра, и что первой его женой была дочь хошоутовского владельца Теке, по смерти которой он женился на родственнице Тюменя, которая тоже умерла; в третий раз Цагалай был женат на Бодоге, дочери простого багацохуровского калмыка Мойнока и имел от нее дочь. 4 мая 1820 года Смолин изложил все эти сведения в докладе в азиатский департамент министерства ин. дел, при чем, обращая внимание на допущенное Тюменем умолчание о родственниках и семье Цагалая, он высказал подозрение и относительно прав самого Тюменя на владение Хошоутовским улусом. „Статься может", писал Смолин, что этот улус, сделавшийся владельческим „по каким-либо обстоятельствам", следует передать в ведение казны, так как Замьян,

[38] Убуши имел в виду владельца Боджу, происходившего от брата Цагалая, Нохоин-Кюбюня; там же. л. 72.
[39] Там же, лл. 26—27.
[40] Там же, л. 25.

последний хошоутовский владелец, не оставил после себя потомства. владелец же „майор Тюмень Джиргалов, отец настоящего владельца, полковника Тюменева, происходит из рода зюнгаров, а не хошоутов“ [41]. Вскоре после того Смолин был отрешен от должности гл. пристава, и временное заведывание калмыцкими делами принял на себя председатель судебной палаты Кузнецов. К нему то и поспешил обратиться по своему делу Тюмень. 3 июня 1820 года он заявил Кузнецову о правах на цагалаевских калмыков в составе 54 кибиток по ревизским сказкам, в силу сделанного Цагалаем еще при жизни завещания в пользу его, Тюменя, и согласно желания самих этих калмыков, выраженного в прошении их к астраханскому гражданскому губернатору И. Я. Бухарину (1819—1820). Завещание Цагалая Тюмень передал Бухарину в подлиннике: Кузнецову он мог представить только перевод этого завещания, а также и перевод упомянутого прошения цагалаевских калмыков. В завещании говорилось: „Цагалай, по болезни, приключившейся ему в общем собрании калмыцких владельцев, возвращаясь восвояси, обязывается не прекословить в том, на что, в случае каких-либо предписаний местного начальства, Тюменев изъявит согласие, и чтобы подвластными его, завещателя, если (он) умрет, никому из родственников, кроме Тюменева, не заведывать. При сем поручено сему последнему иметь попечение о дочери Цагалая и, воспитав ее, когда достигнет возраста, выдать за-муж“. Цагалай умер в 1818 году. Его завещание нигде и никем не было засвидетельствовано. По неграмотности Цагалая, его завещание писал торгоутовский владелец, майор Ахши Нашхаев. Под прошением цагалаевских калмыков имелось 12 подписей: они были сделаны одной рукой. Кузнецов сначала не усмотрел фальши в деле Тюменя и 15 июля вошел в азиатский департамент с представлением об утверждении его в правах владельца цагалаевскими кибитками, при чем давал Тюменю, как администратору, самую лучшую аттестацию. Но хотя Тюмень уверил Кузнецова и Бухарина, что оставшаяся после Цагалая вдова есть „женщина низкого звания“, и что поэтому она не может иметь никаких претензий на наследство, но затем Кузнецов, подробнее ознакомившись со всеми наличными материалами по делу о цагалаевских калмыках и обнаружив там данные о других возможных наследниках Цагалая, упомянутых в докладе Смолина от 4 мая, скоро сознал свою оплошность по части ходатайства за Тюменя пред азиатским департаментом и должен был исправлять допущенный промах. 5 августа он направляет в департамент новый доклад, в котором пишет уже о необходимости передать дело Тюменя по принадлежности на рассмотрение и решение калмыцкого Зарго, как всецело относящееся до его компетенции. С своей стороны, и Тюмень 18 августа посылает в азиатский департамент просьбу об утверждении его в правах владельца цагалаевскими калмыками, а позже, в июне 1822 года, и они сами подают в тот же департамент прошение о признании их подвластными Тюменя. Азиатский департамент не давал ответа ни по докладу Смолина, ни по докладам Кузнецова, ни по прошениям Тюменя и цагалаевских калмыков [42]. В Астрахани известно было только то, что министр ин. дел граф К. В. Нессельроде в личном разговоре с Ермоловым в 1821 году высказывался за передачу цагалаевских калмыков в казенное ведом-

[41] Там же, лл. 44—45.
[42] Там же, лл. 45—7об.

ство, а вдове Цагалая с ее дочерью находил „справедливым“ положить содержание в виде сбора по 2 рубля серебром с каждой цагалаевской кибитки [13].

3 июня 1821 года Сербеджап Тюмень представляет астраханскому уголовных дел стряпчему Сыромятникову подробное об‘яснение по содержанию жалобы Убуши. Усматривая в ней одну только ложь, он настаивает на привлечении жалобщика к законной ответственности и на строгом расследовании его предосудительных действий. Тюмень начинает речь с своих ближайших предков, Дежида и Джиргал Тюменя; он говорит об их заслугах, не умалчивая и о собственных, а затем переходит к сведениям о лицах, так или иначе прикосновенных к возникшему делу. Нет надобности останавливаться на первой части об‘яснения, посвященной предкам Тюменя и ему самому: то, что пишет здесь Тюмень, с фактической стороны вообще довольно хорошо известно, при чем,—необходимо отметить,— в значительной мере проникнуто элементом восхваления и расчитано на определенное впечатление в пользу автора об‘яснения, в особенности—при сопоставлении его с противниками, которым он дает самые нелестные характеристики.

Отец жалобщика Убуши, владелец Джиргал,—пишет Сербеджап Тюмень,—происходит из Джунгарии, откуда он, подобно Дежиду, прикочевал на Волгу во время джунгарских междоусобий [14]. Сначала Джиргал рассчитывал встретить радушный прием у владельца Еремнеля и отрекомендовал ему себя в качестве родственника, но тот не признал своего родства с ним. Приютил его у себя владелец Замьян, который выпросил у Бекетова 50 кибиток в пользу Джиргала при дележе 1771 года. По смерти Джиргала, этими кибитками распоряжался старший его сын Цебек, а после него стал владеть ими Убуши. На каком основании Убуши владеет кибитками, Сербеджапу Тюменю не известно, и он просит истребовать сведений об этом от самого Убуши. О происхождении его он говорит так: Убуши родился от связи Джиргала с дочерью простого калмыка Бюрбе. Первый муж, тоже простой калмык, прогнал ее, и она сошлась с Джиргалом. Любовные связи владельцев с калмычками-простолюдинками, правда, не составляют редкости, но сыновья, происшедшие от таких связей, хотя бы их и называли браками, „по древним нашим правам и узаконениям“,—говорит Тюмень,—„именуются бага-табунук“; это—не владельцы в собственном смысле слова, „а сравнение должны иметь с зайсангами“. Уже на одном этом основании Убуши не имеет права требовать никакого наследства себе, но должен состоять в ведении Тюменя, которому, по закону, собственно должны принадлежать даже и кибитки, находящиеся теперь во власти Убуши. Напрасно он говорит о родстве с Замьяном,—родства между ними не было; иначе, Джиргал и Цебек заявили бы об этом и стали бы требовать каждый свою долю из улуса Замьяна, а они не заявляли подобных требований. Джиргал состоял под командой Замьяна, когда тот ходил против киргиз-кайсаков с тремя сотнями подвластных калмыков; ни тогда, ни в течение последующих 10 лет после смерти Замьяна он не предявлял начальству претензий на права владения Хошоутовским улусом. Цебек управлял своими кибитками больше 10 лет, но и он никогда не претендовал на улус

---

[13] Там же, л. 50 об.

[14] Ср. *Н. Пальмов*, „Этюды по истории Приволжских калмыков“, II, стр 204, примеч. 17.

Замьяна. Это позволяет себе делать только Убуши, а между тем за ним нет никаких заслуг, а одни лишь „шалости, пьянство и другие распутные действия“. За изрядные деньги он снимает земли у казаков и крестьян, передает их в пользование калмыкам и наживается на этой неприличной владельцу спекуляции, своих же подвластных доводит до разорения. Тюмень несколько раз убеждал его бросить дурные привычки и коренным образом изменить поведение; даже предлагал ему кочевать вместе с собой и с Хошоутовским улусом, но Убуши не внимал добрым советам, чем показывал „явное ослушание“ своему законному начальнику, каким является для него он, Тюмень, в качестве владельца всего улуса. Убуши—не молодой человек: ему уже около 50 лет: но он ведет себя зазорно. В военных походах он не участвовал под предлогом болезни, между тем „к хищничеству, пьянству и к картежной игре всегда является здоровым“. Что делать с таким человеком? По мнению Тюменя, нельзя оставить его без наказания, как вообще за непристойный образ жизни, так и за оскорбление законного владельца в жалобе, поданной высшему начальству. Наказание, какому будет подвергнут Убуши, вразумит и других, подобных ему. Такого рода поступки, какие позволяет себе Убуши, „по нашим калмыцким правам“,—пишет Тюмень,—„весьма строго наказываются, и даже есть много примеров, что в торгоутовых, дербетевых, хошоутовых и зюнгарских улусах многие владельцы были лишены своего звания“ и причислены к простому народу.

Теке и его сын Люрюп,—продолжает Тюмень,—действительно принадлежали к числу хошоутовских владельцев. Замьян считался с ними родством. После смерти Замьяна, они прожили больше 10 лет, но они не заявляли прав на его улус, довольствуясь своей долей кибиток. По смерти Теке, на одной из двух его дочерей женился Цагалай, торгутовский владелец и, с разрешения начальства, стал называться хошоутовским владельцем, так как по жене к нему перешла половина кибиток, какие были у Теке. Жена Цагалая, дочь Теке, умерла; во второй раз он женился на Торе, приходившейся племянницей Джиргал Тюменю. Еще при жизни Торе, Цагалай „впал в излишние роскоши и, ведя распутную жизнь, начал отягощать калмык поборами и даже самих их продавал семьями и по одиночке в разные руки“. Своих подвластных он разорил в конец, и те стали расходиться от него по разным местам. В свое время Джиргал Тюмень вынужден был довести об этом до сведения начальства и, по распоряжению власти, не только принял в свои руки управление улусом Цагалая, но и его самого взял под свою опеку. Джиргал стал выплачивать долги Цагалая и привел улус в такое благоустройство, что калмыки „совершенно обогатились“. В каком состоянии находился улус Цагалая раньше и каким он стал при Джиргал Тюмене, это известно всем, и в частности,—говорит Сербеджап Тюмень,—это может засвидетельствовать начальник духовенства в Цагалаевском улусе, Габун-Шаран-бакши. В 1801 году Цагалай вздумал было завладеть и другою половиною улуса Теке, поступившею к Джиргал Тюменю. Он подал об этом просьбу калмыцкому наместнику Чучею Тундутову (1800—1803), но проиграл процесс. Оказалось, что Люрюп, прежний владелец этой половины улуса пред смертью, последовавшей в Астрахани от оспы, завещал свои кибитки сестре Цаган, а та сама и добровольно отдала их Джиргал Тюменю. Чучей мало того, что решил спор в пользу Тюменя, но приговорил Цагалая еще и к уплате штрафа Тюменю за обиду. Но Цагалай выпросил прощение у Тюменя, и они помирились. Вторая жена

Цагалая умерла в бытность его во французском походе; он взял тогда „побочную жену“, от которой „прижил одну дочь“. Пред смертью, Цагалай передал свои кибитки по завещанию Сербеджан Тюменю. Это завещание, вместе с заявлением цагалаевских калмыков об их желании состоять под начальством Тюменя, было представлено в 1820 году и. д. астраханского гражданского губернатора, председателю палаты Кузнецову и было отослано им в коллегию ин. дел. Изложив эту историю и снова возвращаясь к жалобщику Убуши, Сербеджан Тюмень выражает удивление, почему Убуши, раз он считает себя родственником Замьяна, не выступал с своими претензиями в ту пору, когда судились Цагалай и Джиргал Тюмень. В глазах Сербеджан Тюменя, это служит еще одним из доказательств лжи, допущенной Убуши в его жалобе. Никаких прав на владение улусом он не имеет. Его „неск—ложный“, как неосновательно и то его уверение, будто бы „я“,—говорит Тюмень,—„подложным и усильным образом владею теперь улусами, оставшимися после смерти отца моего, ибо как в нынешнее, так и в прежние времена насильства и усилия терпимы быть не могут, и местное начальство никого к таковой дерзости, противной государственным законам, не допустит“.

Убуши указывает на владельца Боджу, как на законного, по его мнению, наследника Цагалаевского улуса. Сербеджан Тюмень дает этому Бодже такую аттестацию: „Сей владелец ведет самую распутную жизнь, как то: обращается в пьянстве, в картежной игре и, за всем тем, имеет еще привычку к грабежам и воровству“. Он уличен в этом, как и в подделке фальшивой печати, которую прикладывал к подложным письмам. Он состоит под судом в Астраханской палате, но пользуется свободой. У калмыков, подвластных Тюменю, он отогнал в прошлую зиму „довольное количество конского табуна“ и некоторое время укрывался на Дону. Там он был пойман, но бежал из-под стражи, и неизвестно, где теперь находится. В прошлом году Боджа, познакомившись в Астрахани с женой Цагалая, сошелся с ней и имел от нее сына, который умер. Вероятно, по научению Боджи она забрала себе все бумаги Цагалая. Назвавшись его женой, она подделала печать и с этой фальшивой печатью выдала за подлинное явно подложное завещание Цагалая, которое пред'являла в суд, чтобы получить наследство, а в конце концов неизвестно, куда скрылась. Такова жена, вернее—наложница Цагалая. Раньше она была женой подвластного Сербеджан Тюменю простого калмыка Очира. От него, она, „по распутству своему, отбилась“ и сошлась с Цагалаем.

Сербеджан Тюмень уверен, что успехи, достигнутые им по части благоустройства в подвластном ему Хошоутовском улусе, и почетное положение, какое он сумел создать себе трудами на разнообразных поприщах, возбудили зависть к нему со стороны „непросвещенных и необразованных“ калмыцких владельцев и зайсангов и толкают их на ябеды. Убуши действует не самостоятельно. Он в руках известных лиц: багацохуровского зайсанга Онкора, женатого на дочери Убуши, владельца Боджи, своего шурина, и свояка—багацохуровского зайсанга Чиджип Бапрова, который осрамил себя и свое войско бегством из похода в 1807 году. Главный же их „учитель и поощритель—к. а. Михайло Везелев“, человек уже бывший под

судом за свои преступные деяния [45]. Все это—люди развратные и распутные. Онкора, Боджу и Чиджин Баирова связывают узы родства, Везелев же близко знаком с Онкором. Названные лица „настаивали и научили ветреного пьяницу и картежника Убуши взойти на меня с просьбою и без причины оклеветать пред главным начальством“, пишет Тюмень и при этом высказывает уверенность, что если бы Убуши был подвергнут по этому поводу специальному допросу, то назвал бы тех, кто подбил его выступить против своего владельца, а калмыки, подвластные ему, Тюменю, да и калмыки Убуши и Цагана, могли бы удостоверить присягой, что Убуши „даже в прислуге у себя имеет знатных воров“.

В конце своего объяснения Сербеджап Тюмень просит стряпчего Сыромятникова произвести „строгое следствие“ по возбужденному делу, вызвать Убуши на допрос по месту производства следствия, „дабы он не мог пользоваться и еще какими-либо внушениями от учителей своих“, и о результатах следствия со всей обстоятельностью доложить начальству, в целях защитить „честь и достоинство“ оскорбленного владельца, с обидчиками же его „поступить по законам“. Тюмень прилагает к объяснению несколько документов в копиях, в том числе письмо Цаган, дочери Теке к Джиргал Тюменю [46].

Чрез некоторое время после подачи Тюменем изложенного объяснения, он, однако, помирился с Убуши. Об этом в апреле гражданский губернатор И. И. Попов (1821—1824) докладывал генералу Ермолову, и при этом упоминал о письме Убуши, в котором тот сознался, что его подстрекнули родственники к подаче жалобы на Тюменя [47]. Казалось, тем дело и должно было бы закончиться, но вышло не так. В сущности, дело только еще завязывалось. По всем видимостям, дело раздул по особой причине тот же губернатор Попов.

Весной 1822 года калмыцкие владельцы были созваны на собрание в с. Зинзили на побережье Каспийского моря, *клм* в 110 от Астрахани к югу, для пересмотра древнего монголо-ойратского судебного уложения с последующими дополнениями к нему джунгарского Галдан-хун-тайджи и приволжского хана Дондук-Даши. На собрании владельцы перессорились и разбились на две неравные группы. Из них одна, меньшая группа держалась позиции, угодной Попову, другая большая—шла вразрез взглядам губернатора [48]. К последней группе принадлежал Сербеджап Тюмень. Попов, старавшийся вообще дискредитировать в глазах высшего начальства группу независимых участников Зинзилинского собрания, 23 июня посылает Ермолову доклад о Тюмене и свои представления связывает с ликвидированной, казалось бы, жалобой на него владельца Убуши. Губернатор указывает, что заявление Убуши об отсутствии у Тюменя прав на Хошоутовский улус „осталось без дальнего пояс-

---

[45] Об отрешении М. Везелева от должности улусного пристава и предании суду, по жалобам калмыков на его „непомерные поборы“ с них и вообще за „обиды“, какие они терпели от него, говорится в п. 3 ответа Екатерины II от 18 октября 1789 года на рапорт гр. И. П. Салтыкова (1730—1805); ответ издан в ПСЗ, т. XXIII, № 16810, стр. 8 и переиздан в ж. „Русский Архив“ за 1892 год, кн. 9, в статье: „Из Мятлевского архива“, стр. 83.

[46] КОА, д. 1828 года, № 1183, лл. 58—71.

[47] Там же, лл. 28—29.

[48] Подробности см. *Н. Пальмов*, „Очерк истории Калм. народа“, цит. выше, стр. 107 и дал.

пения и розыскания“ только вследствие примирения Убуши с Тюменем. Таким исходом дела обижены некоторые владельцы, а архивные справки, поступившие в распоряжение губернатора, заставляют и его самого склоняться к мысли, что Тюмень на самом деле „едва ли имеет законные права на владение калмыками Хошоутовского улуса“. Документы показывают, что у владельца Замьяна „наследников не осталось“, что после Замьяна улусом управляла по смерть вдова Замьяна, Ользе-Орошиху, и что губернатор Кречетников согласился с постановлением губ. канцелярии о назначении пасынка Замьяна, Джиргал Тюменя „в виде правителя“ Хошоутовского улуса после матери, Ользе-Орошиху, но „уже не значится“ в архивных материалах, „по какому поводу владелец Тюмень и наследники его присвоили право именовать себя владельцами Хошоутовского улуса“. Правда, оговаривается Попов, в одном архивном деле не хватает многих листов, в которых, возможно, и содержались искомые сведения, но теперь налицо их не оказывается. Упомянув затем об известном нам рескрипте Кречетникову от 30 апреля 1774 года и о запросе Алексеева в 1788 году, не давшем осязательных результатов, Попов считает необходимым потребовать от Сербеджап Тюменя „ясные доказательства“ прав на Хошоутовский улус. Губернатор полагает, что в случае отсутствия необходимых документов власть, в соответствии с рескриптом Кречетникову, остающемся все еще без исполнения, обязана войти в рассмотрение, какое управление полезнее ввести в том или ином улусе, по из'ятии его из подчинения владельцу. Не решаясь лично взяться за расследование Тюменевского дела и вообще за реформу управления в Хошоутовском улусе, Попов просит на этот счет указаний Ермолова [49].

Как отнесся Ермолов к рескрипту на имя Кречетникова, обещавшему особую резолюцию по делам Хошоутовского улуса и имевшему за собою уже 78-летнюю давность, а также какое распоряжение главноначальствующий в крае сделал по поводу представления И. И. Попова,—из наших материалов не видно. Несомненно, однако, что производство по делу Тюменя началось, но только оно имело какую-то странную судьбу. В приказе на имя гл. калмыцкого пристава А. А. Смирнова от 6 сентября 1828 года о мерах к скорейшему окончанию Тюменевского дела астраханский гражданский губернатор А. С. Осипов (1825—1830), преемник Попова, между прочим пишет, что „дело сие, в Зарго производившееся, пропадало“, и что его пришлось возобновлять уже по специальному предписанию графа И. Ф. Паскевича-Эриванского [50]. Совершенно непонятно, как мог произойти такой казус, и кто мог быть виновником пропажи дела. Ясно только одно, что губернатору Попову Сербеджап Тюмень не представлял документов, относившихся до прав на владение Хошоутовским улусом; часть их он представил в комиссию калмыцких дел 23 октября 1826 года, а часть—11 мая 1829 года [51].

С именем губернатора Попова в наших документах соединяется доклад его в министерство ин. дел от 31 января 1823 года по непрекращавшимся жалобам вдовы Цагалая, Бодоги на ее бедственное положение. Она подавала начальству просьбы о том, что Сербеджап Тюмень присвоил себе улус ее мужа и подчинил

[49] КОА д, 1828 года, № 1183 лл 28—31.
[50] Там же, л. 1.
[51] Там же, л. 40 и лл. 54—71.

своему влиянию цагалаевских калмыков настолько, что они „действуют по его внушению", почему она была вынуждена бросить дом и все имущество, чтобы бегством к Буюнтуку, племяннику Цагалая, спасти свою жизнь и жизнь дочери. Бодога старалась доказать Попову, что Сербеджап Тюмень не имеет права владеть кибитками Цагалая, и что законным наследником последнего является Боджа, племянник Цагалая, пусть он и не имеет даже формального акта на усыновление дядей Сербеджап Тюмень происходит из джунгарского рода, и поэтому никаких владельческих прав нельзя признать за ним Попов, передавая содержание жалоб Бодоги и указывая на отсутствие распоряжений из азиатского департамента по представлениям Кузнецова от 15 июля и 5 августа 1820 года, сообщает министерству, что в виду тяжелого положения Бодоги, оставшейся „без призрения, пропитания и одежды", он приказал гл. приставу отдать вдову Цагалая с дочерью на попечение кого-либо из владельцев или зайсангов „хорошего поведения", с тем, чтобы ей было отведена кибитка, а цагалаевские калмыки доставляли бы ей „приличное содержание", впредь до окончания ее спора с Тюменем [52].

В азиатском департаменте сложилось решение о цагалаевских калмыках в направлении мыслей, высказанных К. В Нессельроде Ермолову в 1821 году, именно— взять улус Цагалая в казенное ведомство, а Бодоге с дочерью положить содержание в размере 2-х рублевого сбора с каждой цагалаевской кибитки. 17 сентября 1823 г. директор департамента К. К. Родофиникин просит главноуправляющего астраханским краем дать согласие на такое решение и провести его в жизнь [53]. Но дело затормозилось с передачей калмыков в 1825 году из ведения министерства ин. дел в ведение министерства вн. дел, где взялись за его пересмотр, показавший недостаточную выясненность всех его обстоятельств. Кроме того, в министерстве обратили внимание на то, что подобного рода дела подлежат предварительному рассмотрению калмыцкого суда Зарго и уже после того, с отзывом гл. калмыцкого пристава и астраханского гражданского губернатора, поступают на утверждение высших правительственных инстанций. В виду всего этого, министр вн. дел обратился к главноуправляющему в астраханском крае за сведениями: имеется ли за Сербеджап Тюменем достаточное и не подлежащее спору право на владение той частью улуса, какая досталась ему от отца, и какова ее численность; если такое право принадлежит Тюменю бесспорно, то не следует ли передать ему и кибитки Цагалая; не может ли принадлежать цагалаевская часть улуса, равно как и та часть, которою владеет Тюмень, кому-либо из родственников Цагалая; из каких источников и в каком размере может быть назначено содержание вдове Цагалая с ее дочерью, в соответствии с количеством кибиток, каким владел ее муж. В министерстве интересовались также сведениями, к кому поступили в подчинение те кибитки торгоутов, которыми Цагалай должен был владеть, как происходивший из торгоутского рода. Наконец, если бы часть Хошоутовского улуса, или весь он, были признаны подлежавшими переходу в казенное ведомство, то,—спрашивал министр,—„на каком основании учредиться должно управление оными". К своему отношению министр присоединял, для све-

---

[52] Там же, лл. 47 об.—49.

[53] Там же, л. 50 об. По отзыву гр. А. Х. Бенкендорфа (1829), К. К. Родофиникин, пользовался исключительным покровительством гр. Нессельроде и был весьма не популярен в обществе; см. ж. „Красный Архив" за 1930 год, т 38, стр. 128.

дения и соображений главноуправляющего, просьбу цагалаевских калмыков, поданную в ноябре 1825 года, об утверждении Сербеджап Тюменя в правах владельца. В своей просьбе, говоря об известных нам проделках Бодоги и ее соучастника Боджи, калмыки вносят в рассказ некоторые подробности. Они, например, передают, что Бодога и Боджа, по задержании их на Дону, были направлены под конвоем сначала в Енотаевскую крепость, а потом в Астрахань, и что они бежали с дороги на обратном пути оттуда в крепость. С тех пор они разгуливают по степи, и никому не удается изловить их. Боджа по-прежнему занимается воровством и отгоном лошадей у цагалаевских и тюменевских калмыков, а обиженные им калмыки не имеют возможности получить удовлетворение по своим искам [54].

Главноуправляющий краем поручил рассмотреть дело Тюменя комиссии калмыцких дел, находившейся в Астрахани и состоявшей под председательством астраханского гражданского губернатора (1825—1836). Комиссия занялась сначала собиранием документальных данных, относившихся к правам Тюменя на Хошоутовский улус и на Цагалаевскую часть его, а также—сведений о родословии возможных наследников Цагалаевской части улуса. К заседанию 23 октября 1826 года в распоряжении комиссии имелись такие документы, представленные в копиях Тюменем: письмо калмыцкого хана Дондук-Даши к хошоутовскому владельцу Замьяну от октября 1759 года с одобрением его решения жениться на Ользе-Орошиху, вдове джунгарского владельца Дежида; определение коллегии ин. дел от 4 августа 1766 г., где было сказано, что вице-канцлер внушал Замьяну и его жене, Ользе-Орошиху, в бытность их в Петербурге, чтобы, по возвращении домой, они отдали своего сына Тюменя в обучение русской грамоте и русским обращениям: об'яснение Тюменя, поданное им астраханскому уголовных дел стряпчему Сыромятникову 3 июня 1821 г.; письмо Замьяна к губернатору Бекетову от 21 января 1773 года, в переводе ученика Ипата Федотова, и приказ Бекетова по Хошоутовскому улусу от 23 февраля того же года [55]. Сведения о живых и умерших родственниках Цагалая, как и о нем самом, были затребованы комиссией от знатока калмыцких родословий, торгоутовского владельца Эрдени-Цаган Кичикова, который поименно назвал всех лиц, так или иначе прикосновенных к делу. Между прочим, он сообщал, что из двух дочерей владельца Теке, Цаган-Кюкюнь и Хара-Кюкюнь, на первой женился Цагалай и, по усыновлению Теке, стал владеть всеми его кибитками после того, как Теке умер. Хара-Кюкюнь рассорилась с Цагалаем, „дошла до суда", и суд присудил ей половину улуса Теке, в количестве 45 кибиток. Она вышла замуж за старшего брата Цагалая, Джамбо, при чем тогда, «по калмыцкому закону, снабжена была пристойным званию ее приданым и имением»; с тем вместе, тогда же «состоялось предписание, чтоб владелец Цагалай подвластным и заведывал обще» с нею. Дочерей Теке и Цагалая, а также и Джамбо теперь нет уже в живых. Э.-Ц. Кичикову было известно, что калмыки, состоявшие в свое время в подчинении у Хара-Кюкюнь, теперь „находятся в сословии хошоутовском", но кто у них сейчас владельцем, он этого не знает [56]. Дополнительные сведения о детях старшего брата Цагалая,

---

[54] КОА д, 1828 года, № 1183 лл. 51—53.

[55] Там же, лл 54—71.

[56] Там же, лл. 71 об.—72.

Бальника комиссия получила, за смертью Э.-Ц. Кичикова от багацахуровских зайсангов. [57]. По заслушанию всего этого материала, комиссия постановила передать его на заключение калмыцкого Зарго. Там материал пролежал два года.

В 1827 году, по особому указу Николая I, Калмыцкую степь ревизовал сенатор Ф. И. Енгель. Громкому делу Сербеджап Тюменя он уделил внимание в той мере, в какой обязывали его к тому, с одной стороны, материалы в виде жалоб Тюменя на Боджу, изложенных в отношениях министра вн. дел к главноуправляющему в крае генералу Ермолову от 23 августа 1823 года и 17 января 1825 года, а с другой стороны—обстоятельства, ставшие известными Енгелю при ревизии на месте. В конце 1826 или в начале 1827 года Боджа был пойман в кочевьях своего родственника, торгоутовского владельца Э.-Ц. Кичикова и доставлен в Астрахань. Вскоре однако, «по настоянию гражданского губернатора», он был освобожден из-под стражи и отдан на поруки другого родственника, багацохуровского зайсанга Онкора. Когда об этом стало известно Тюменю, тот обратился в комиссию калмыцких дел с просьбой снова взять Боджу под стражу, как человека, запятнавшего себя многими преступлениями, виновных же в 4-х летнем укрывательстве его подвергнуть взысканию. Свою просьбу Тюмень повторил еще раз, а 15 января вошел в комиссию с особым представлением, в котором доказывал, что Боджа — важный преступник, и что поэтому он не может пользоваться свободой. На требование комиссии указать, в чем именно состоят преступления Боджи, Тюмень сообщил, что преступления Боджи состоят: в отгоне 41 лошади у калмыков: в изготовлении фальшивого свидетельства на сбыт этих лошадей; в поручительстве за 6 человек калмыков, обвинявшихся в нападении на обоз с товарами армянина Парманова, в грабеже этих товаров и в совершенном при этом убийстве, в задержании московской почты и в ограблении чиновницы Мамерхановой; в ограблении царицынского мещанина Никульченка; в подделке фальшивой печати, о чем производится следствие в Зарго, и в убийстве Мамик-гецюля, за что Боджа был присужден к денежному штрафу. Енгель, рассмотрев пред'явленные к Бодже обвинения и ознакомившись с фактическим материалом, имевшимся в комиссии, признал, что по одним делам на Боджу падает лишь подозрение, а по другим делам даже имя его не упоминается, и прикосновенность его к ним составляет одну только догадку Тюменя. Можно сильно подозревать Боджу в ограблении Никульченка, так как владелец согласился заплатить убытки потерпевшему. По делу о фальшивой печати комиссия запрашивала Зарго и 14 сентября получила от него ответ, что дело не закончено производством. По поводу решения Зарго—наложить штраф на Боджу по разбиравшемуся в 1817 году делу об ограблении гелюнгом Эркетеневского улуса Даши Явашиевым калмыка Яндыковского улуса Баян Убуши и об убийстве гецюля в 1813 году, гл. калмыцкий пристав, рассматривавший определение Зарго, ограничился отметкой от 4 июля 1818 года, что дело недостаточно расследовано; на том оно и остановилось. Обращая внимание на личность багацохуровского зайсанга Онкора, которому Боджа был отдан на поруки, Енгель нашел, что сам Онкор „прикосновенен к делам, о коих следствие не окончено", и при том выразил удивление, почему Боджа проживает не в Багацохуровском улусе, как следовало бы по месту кочевий его поручителя, а в Астрахани.

[57] Там же, л. 73.

23 октября 1827 года Енгель, препровождая в комиссию копии вышеуказанных отношений министра вн. дел к главноуправляющему краем предложил ей однако, „неукоснительно войти в строжайшее исследование“ всех обстоятельств, изложенных в жалобе Тюменя на Боджу, и немедленно об'яснить причину „толь непростительной медленности“ в производстве дела [58].

23 октября к Енгелю поступило удивительное прошение от Боджи. Выставляя себя „сирым и убогим“ страдальцем, которому выпало на долю все время спасаться от преследований Сербеджап Тюменя, и взывая к правосудию, владелец касается таких вещей, передача которых была бы особенно рискованной в его положении, если бы все, что он написал, составляло сплошную выдумку. Прежде всего, он набрасывает тень подозрения на владельческое происхождение Ользе-Брошиху, матери Джиргал Тюменя. По приходе из Джунгарии в калмыцкие улусы с малолетним сыном, „она самопроизвольно сообщилась и жила с хошоутовским владельцем Замьяном“. Никому не было известно, из какого она рода, и только сама она утверждала, „будто она -зюнгарского владельца Дежида жена, а Тюмень—действительно ее сын“. На каком основании Тюмень по смерти Замьяна завладел его подвластными и принял звание хошоутовского владельца, это—составляет „тайну“ для всех калмыков, и эта тайна „не только удивительна, но даже ужасна“. После Тюменя его сын Сербеджап, несмотря на сомнительность родопроисхождения, „осмелился возложить на себя сам титул княжеский“, стал именоваться „сиятельным“ и впал в такую гордость, которая неприлична даже „самым великим особам“. Он действует, ни с кем и ни с чем не считаясь. Так,—пишет Боджа, —„дядя мой родной, хошоутовский владелец Цагалай, по неимению у себя детей мужского пола, из среды многих племянников своих избрал и усыновил меня, совершил на то духовное завещание“ и засвидетельствовал его в Зарго. По этому завещанию, Цагалаевский улус должен был бы перейти во владение его, Боджи, но Тюмень не допустил этого. По своей привычке отнимать чужие кибитки, он и на этот раз „с жадностью“ набросился на улус Цагалая, насильственным образом захватил его себе, а вдову Цагалая с дочерью выгнал из улуса. Тюмень присвоил себе скот, дом и все имущество умершего владельца. В надежде осуществить свои права на наследство законным порядком я,—говорит Боджа,—„принес верховному начальству на бумаге исковую просьбу“, но она оказалась безрезультатной. „Сильный владелец Сербеджап“ озлобился такой смелостью; он „чистое качество мое очернил всякими изветами и повергнул меня осуждению“. В клевете на Боджу и в намерении уронить его в глазах начальства, Тюмень не останавливается ни пред чем; в его расчет входит даже „истребление“ законного наследника Цагалая; у него одна цель—укрепить за собой Цагалаевский улус. Целый год продержали Боджу в енотаевской тюрьме, заставляли терпеть там „несноснейшия страдания“. Боджа писал к высшему начальству, просил о правде и справедливости к себе, но,—с горестью заявляет проситель,—„писания сии не имели ни силы, ни желаемых действий; изнурения превосходили терпение и близили меня к смерти,—я бежал“, бежал „единственно для того, чтобы избавиться Сербеджаповой силы, настигании его и самой смерти“. Послав по почте просьбу о своем деле Александру I. Боджа принял затем решение отправиться в Таганрог и лично подать там прошение царю, но успел доехать только до Ростова, где узнал о смер-

[58] КОУ. д. 1827 года, № 158', лл 19—28

ти царя, почему и возвратился назад. В 1826 году Боджа обращался с заявлением к астраханскому губернатору как о своих наследственных правах, так и об обидах от Тюменя. Заявление стало рассматриваться в комиссии, теперь собраны все необходимые справки, производство по делу закончено, но решения все нет. Тем временем Тюмень продолжает всюду преследовать своего соперника в намерении „истребить“ его и подает начальству „изветы“ на него. Боджа просит Енгеля затребовать законченное дело из комиссии и вообще взять „под высокое покровительство“ сирого и бедного „страдальца“, иначе—не миновать ему погибели „от угнетений и наглостей“ Тюменя. Владелец сам поехал бы в столицу и сам стал бы просить по своему делу при дворе, но у него нет средств на поездку [59].

К составленному на калмыцком языке и лично переписанному прошению Боджа приложил особую бумагу, содержавшую в одиннадцати пунктах „в сокращенной мере“ описание „поступков“ Сербеджап Тюменя, именно:

1. Тюмень насильственно захватил кибитки Цагалая, принадлежащие по закону Бодже, и владеет Хошоутовским улусом, не имея на то права, как это выяснил Убуши Джиргалов в своей просьбе поданной начальству. Управление Тюменя— „весьма жестоко, железу подобно“. Все калмыки „трепещут“ пред ним, а прямые подвластные „ужасно страшатся“ его „могущества“. Они „сидят“, будучи „лишены способов достигнуть к начальству“ и пожаловаться на Тюменя.

2. Тюмень без всякого суда, по одному только своеволию, „низложил с седалища“ ламу Даянчу, которого народ уважал за строгое соблюдение закона. Хотя лама не совершил никакого преступления, тем не менее Тюмень отнял у него имущество, скот и деньги и заставил его скитаться; в скитальчестве лама и умер.

3. Сербеджап Тюмень еще при жизни своего отца в течение пяти месяцев держал у себя под арестом зайсанга Джальцюма, состоявшего в должности дарги, за то, что он будто бы утаил деньги, чего на самом деле не было. Тюмень подвергал Джальцюма жестоким истязаниям, без суда отнял у него скот и деньги, лишил его зайсангства и отдал в услужение его же айчачному калмыку, Чона-Холтону, находившемуся в неприязненных отношениях с бывшим своим зайсангом.

4. Несмотря на повсеместную отмену пыток при судебных допросах, Тюмень допускает их в своем улусе. Он поднимает допрашиваемых калмыков на виселицу и учиняет им истязания. Калмык из шабинерова рода, по имени Манджи Ширинов, которому предстояло подвергнуться допросу на суде у Тюменя, предпочел пыткам смерть: он, „устрашась, сколол себя ножом и лишил себя жизни“.

5. При Джиргал Тюмене, хошоутовским калмыкам дозволялось переправляться через Волгу в чьих угодно лодках; Сербеджап Тюмень, „по пристрастию к деньгам“, требует, чтобы калмыки переправлялись непременно на его лодках и берет за переправу столько, сколько ему вздумается. Лодок мало, переправа задерживается; скот, собранный в одном месте, изнуряется и даже погибает в значительном количестве из-за недостатка кормов.

---

[59] Там же, лл. 30—31, калмыцкий текст на лл. 31—35. Перевод сделан небезызвестным в свое время Игн. Сем. Максимовым и датирован 23 октября 1827 года.

6. Тюмень отнимает скот у калмыков-продавцов, а деньги, вырученные ими от продажи, забирает в свою пользу. Весной и осенью он производит сбор податей, которые до такой степени тяжелы и изнурительны его подвластным, что те стонут под их бременем. Некоторых калмыков, считавшихся „именитыми“ при Джиргал Тюмене, Сербеджап довел поборами до совершенного обеднения,—они теперь „живут в островах при Волге, питаются рыбой и (кормятся) своей работой“ на промыслах.

7. В целях обогащения, Тюмень собирает у себя калмыков и заставляет их бесплатно производить всякие работы. Калмыки косят ему сено, а зимой он продает это сено самим же калмыкам косарям „за великие деньги“. Вблизи Астрахани, возле Калмыцкого Базара кочует много калмыков из других улусов. Об'явив Калмыцко-базаринские кочевья своими, Тюмень требует от калмыков уплаты денег за пользование этими кочевьями. При неуплате денег, он посылает эльчей, которые захватывают скот, а калмыков сгоняют с кочевий. Тюмень заставляет калмыков работать в своем саду. Отказывая калмыкам скотоводам в кормах зимой, он доводит их скот до того, что тот гибнет, так как не все калмыки в состоянии платить владельцу деньги за сено, заготовленное при том трудами их же самих.

8. В походе против французов в 1812 году Сербеджап Тюмень „силою действий“ калмыцкого полка „получил чины и знаки отличий“. С Тюменем ходил в тот же поход владелец Э.-Ц. Кичиков, командовавший двумя с половиной сотнями торгоутов. Сербеджап не только не давал фуража, продовольствия и денежного жалованья этим калмыкам, но даже присвоил себе всю их военную добычу, за что Кичиков пред'явил к нему судебный иск, но до сих пор эта справедливая его претензия не удовлетворена.

9. Тюмень беззаконно овладел кибитками Цаган и кибитками владельца Джирана.

10. В 1815 году командированный с Дона чиновник нашел в улусе Джиргал Тюменя 11 кибиток донских базовых калмыков и приказал им возвратиться обратно на Дон, но они бежали с дороги. И сейчас в Хошоутовском улусе много беглых с Дона калмыков,—они проживают там кибитками с ведома Тюменя. Бослжа уверен, что если бы произвести „тайные розыски“, то беглецов, укрываемых Тюменем, всегда можно было бы сыскать в его улусе.

11. Много, вообще, нашлось бы злоупотреблений в Хошоутовском улусе, если бы произвести следствие „через благонадежных чиновников“, но при условии отстранения Сербеджапа Тюменя с его братьями от следствия и временного перевода их на жительство в какое-нибудь другое место. „Буде поступлено так не будет“, замечает Боджа, то, „боясь жестоких его (Тюменя) поступков, едва ль кто может осмелиться обнаружить и описанные здесь его деяния“, хотя они далеко не все представлены. О „пассажах“ Тюменя,—прибавляет владелец,—могут дать сведения „всего калмыцкого народа почетные люди и в близости кочующие улусы“; они слышали и знают о его преступных деяниях [60].

[60] Там же лл. 32—33; калмыцкий текст на лл. 36—37.

25 октября Енгель передал прошение Боджи в комиссию в качестве дополнительного материала по делу торгоутовского владельца, при чем обращал внимание на его собственное сознание в побеге из под стражи: по поводу же „известов" Боджи на Сербеджапа Тюменя Енгель предлагал комиссии войти „в надлежащее исследование их справедливости" [61].

Дело о правах Тюменя на Хошоутовский улус, направленное из комиссии в Зарго еще до ревизии Енгеля, продолжало лежать там и после ревизии без движения до тех пор, пока не пропало. Дело было на 47 листах [62]. О пропаже бумаг губернатор А. С. Осипов доложил главноуправляющему краем; тот приказал восстановить утерянные материалы и продолжать судопроизводство. Того же потребовал и министр вн. дел, которому стало известно о потере документов. В сентябре 1828 года Осипов, имея сведения, что некоторые материалы собраны, и что нет уже особых препятствий приступить к разбору дела в Зарго, поручает гл. калмыцкому приставу А. А. Смирнову оказать воздействие на частного пристава Дидакторова, состоявшего при Зарго, чтобы тот настоятельно потребовал от членов Зарго рассмотрения и решения дела „в самоскорейшем времени". „Частный пристав", писал Осипов, „обязан каждый день наблюдать за сим и ни под каким предлогом не дозволять суду делать откладок, а тем паче (допускать) бездействия, в каковом пребывал он доселе и по всем вообще делам, ему порученным" [63]. 12 сентября Осипов высказывает Смирнову недовольство по поводу бездействия приставов, последовательно назначавшихся к суду Зарго. Все они старались только получать жалованье, „а за порядком и успешным производством дел не имели должного смотрения" [64]. 13 сентября, в виду предписания от министра—немедленно отыскать пропавшее дело о Тюмене и рассмотреть его в срочном порядке, Осипов напоминает Смирнову прежнее свое распоряжение и требует отправки всех бумаг в Зарго непременно с первой же тяжелой почтой, предупреждая, что за „всякую медленность" ответственность падет на него, как на гл. пристава; кроме того, Осипов ставит в обязанность Смирнову „неотлагательно" принять „строжайшие меры к непременному отысканию пропавшего дела [65]. Повидимому дело пропало бесследно, и найти его не удалось, но все же, так или иначе, оно было восстановлено. Того же 13 сентября Смирнов поспешил доложить Осипову, что все необходимые к производству документы получены от Тюменя еще 31 июля, но так как они—„ в значительном пространстве", и нужно было время для перевода их с калмыцкого языка на русский „со всею основательностью", то только теперь открылась возможность направить их в Зарго [66].

6 октября Зарго, рассмотрев наличные материалы, относившиеся к делу Тюменя, установило следующие факты:

1. На брак хошоутовского владельца Замьяна с Ользо-Орошиху, в результате

[61] Там же, л 29.
[62] КОА, д. 1828 года, № 1183, л. 10 об.
[63] Там же, л. 1.
[64] Там же, л. 5.
[65] Там же, л. 7.
[66] Там же, л 6.

которого было усыновление Замьяном его насынка Тюменя, действительно дано разрешение от хана Дондук-Даши, и на то имеется формальный документ.

2. Прямым наследником Замьяна должен был бы явиться ближайший его родственник Теке, дочь которого вышла замуж за владельца Цагалая, получившего при женитьбе одну часть кибиток Теке и ставшего с тех пор именоваться хошоутовским владельцем, по праву усыновления.

3. Претензия Убуши Джиргалова на Хошоутовский улус—неосновательна; да при том он заявил свою претензию недавно, находясь под чьим-то сторонним влиянием, между тем, когда были живы оба усыновленные владельцы, Джиргал Тюмень и Цагалай, он молчал и ни кому не заявлял о своих наследственных правах, почему „претензию его нельзя считать правильною“.

4. Что касается до притязаний калмычки Бодоги, то если бы она действительно была законною женою Цагалая, то не вела бы себя распутно и не чинила бы побегов, а ожидала бы терпеливо окончательного решения дела. Вместо этого, „подражая владельцу Бодже“, она „действовала противно порядку, и подверглась наконец суду, и где ныне находится, доселе слухов нет“. Относительно духовного завещания Цагалая в пользу Боджи, сына Нохоин Кюбюнева, Зарго наводило справки у торгоутовских владельцев: запрашивались о том же и хошоутовские калмыки. Данные оказались таковы, что Зарго должно было признать все заявления Бодоги „фальшивыми“.

5. Владелец Боджа-Нохоин Кюбюнев, „по распутству его“, причастен к воровству и грабежам. Он замешан в подлоге печати и в других „предосудительных поступках“. Он укрывался от суда бегством, был пойман и содержался в Астрахани под караулом. По распоряжению сенатора Енгеля, владельца доставили под стражей из Енотаевска в Астрахань. Имея в виду преступления, совершенные Боджой, Зарго признает все вообще дела владельца „фальшивыми“, а претензию его на Хошоутовский улус считает „ложною“. К нелестной характеристике Боджи Зарго относит и недавнее поведение Боджи. Он не явился на торжество вручения калмыкам жалованной царской грамоты, привезенной ст. сов. Путятиным в Енотаевск, по месту нахождения Зарго [67]. На торжество собрались владельцы, духовенство, зайсанги и простые калмыки. Всем было предложено „увеселение“, но Боджа не захотел принять участие в общем калмыцком празднике. Только в день от'езда Путятина хошоутовский владелец Сербеджап Тюмень увидел „ходящего“ Боджу, „писал о нем в суд Зарго и получил от него уведомление“. По сведениям Зарго, исправлявший должность гл. калмыцкого пристава Еф. Еф. Бец-Харченко тогда же поручил частному приставу Дидакторову отыскать Боджу. „По нашим законам“—рассуждали члены Зарго,—„ таковые действия не только владельцу, но и простому неприличны и предосудительны“, в виду чего, как и вообще „по причинам, изобличающим

---

[67] Речь идет о грамоте 21 апреля 1828 года, напечатаной в ПСЗ, 2 собр., т. III № 1976, стр. 456—457. Вместе с грамотой, суду Зарго была дана золотая печать. После закрытия Зарго печать была отправлена в 1858 году в министерство, „для хранения в государственном древлехранилище“, как сообщается в книжке М. Г. Новолетова, „Калмыки. СПБ. 1884“, стр. 68, примеч. 41.

Боджу, нельзя дать веры по делам его, приняв основанием древние законы, изложенные в нашем уложении".

6. Снова возвращаясь к умершим хошоутовским владельцам Замьяну и Теке, Зарго признает уравнение Замьяном Джиргал Тюменя в наследственных правах, на ряду с собственными сыновьями владельца, за факт, удостоверенный ханским „письмом с печатью".

7. По смерти сына Теке Люрюна, младшая его сестра Цаган дала письменное завещание Джиргал Тюменю и отказала ему свои кибитки.

8. Владелец Замьян пред смертью составил засвидетельствованное губернатором Бекетовым завещание о передаче всего имущества и подвластных калмыков в пользу Ользе-Орошиху и Тюменя.

9. Владелец Цагалай отдал свои кибитки Сербеджаб Тюменю по завещанию, почему подвластные Цагалая и обратились с просьбой о признании Тюменя во владельческих правах над ними.

10. Усыновленные Замьяном Тюмени в течение почти 70 лет правили Хошоутовским улусом; высшая власть всегда считала их законными наследниками Замьяна, а „по действиям и качествам" находила „отличными".

Основываясь на приведенных данных и руководясь древними узаконениями и обычаями, содержавшимися в калмыцком уложении, Зарго вынесло решение по делу Тюменя в том смысле, что как раньше, так и теперь кроме Тюменей нет ближайших родственников Замьяна и Теке, имеющих право воспользоваться наследством того и другого, и что оно всецело должно принадлежать Тюменям. Письмо Цагалая, представленное торгоутовским владельцем Боджой в доказательство прав на наследство, а равно и завещание Цагалая, представленное женщиной Бодогой, суд Зарго признал „фальшивыми и недействительными". По древним узаконениям, всякий усыновленный и его собственные сыновья, а также родственники должны разделить доставшееся наследство „по равной части" между собой; при отсутствии сыновей и родственников, усыновленный владеет наследством один. В применении к Тюменям, усыновленным Замьяном, древний закон должен найти выражение в том, чтобы и подвластные Цагалая поступили во владение сыновей Джиргал Тюменя [68].

18 октября гл. пристав И. А. Захаревич, представляя в комиссию решенное в Зарго дело о Тюмене, докладывал, что Зарго признало неосновательным домогательства Убуши Джиргалова, Боджи и Бодоги по части устранения Тюменей от власти над Хошоутовским улусом, и что „законное усыновление владельцем Замьяном пасынка его, владельца Тюменя Джиргалова дает сыновьям последнего, нынешним владельцам Тюменевым, полное право на владение улусом Хошоутовским" [69].

Теперь, согласно Правил об управлении калмыками от 10 марта 1825 года, к рассмотрению дела должна была приступить комиссия, но прошло еще добрых

---

[68] КОА. д. 1828 года, № 1183, лл. 73 об.—77 об.
[69] Там же, л. 22.

полгода, прежде чем состоялось это рассмотрение. 15 декабря 1828 года комиссия поручила гл. приставу пригласить к разбору дела дербетовского ламу Гению Цембеля.—Тот не принял приглашения, сославшись на болезнь—подагру, мешавшую ему приехать в Астрахань. Торгоутовский лама был дряхлый и больной старик,—комиссия не захотела его тревожить. Обсудив положение и применяясь к одному из параграфов правил о Зарго, что духовные лица входят в обсуждение гражданских дел лишь при недостатке доказательств и улик, когда суду надо бывает обращаться к убеждениям совести, комиссия признала возможным при разборе данного дела обойтись без участия представителя от духовенства и решить его наличным составом присутствия [70]. 11 мая 1829 года, по требованию комиссии, Тюмень представил документы: подлинное письмо хана Дондук-Даши к Замьяну с круглой суриковой печатью, от октября 1759 года, и перевод письма за подписью чиновника Федора Кондратьева; копию завещания Замьяна, написанного 21 января 1773 года и адресованного астраханскому губернатору Бекетову, с переводом ученика Ипата Федотова; подлинный приказ Бекетова от 28 февраля 1773 года, на калмыцком языке с переводом: подлинное письмо Лоюна за четырехугольной суриковой печатью, писанное Шара-Нохо-Джиря Бар-Саран 17-го к сестрам Акле и Цаган из Астрахани, где он заболел оспой, чтобы, в случае его смерти, Цаган с подвластными ей калмыками находилась в распоряжении Тюменя: подлинное письмо Цаган к Тюменю, помеченное Шара-Така-Дерия Укюр-Саран 29-м, о том, что она поручает ему управление подвластными ей калмыками. Завещания Цагалая Тюмень не мог представить в комиссию, так как оно в подлиннике было передано им астраханскому губернатору Бухарину 3 июня 1820 года, а 15 июня того же года направлено председателем палаты Кузнецовым в азиатский департамент министерства ин. дел. В завещании говорилось о передаче Тюменю прав на кибитки, доставшиеся Цагалаю по браку его с Авлей [71]. 14 мая, вследствие полученного пред тем предписания министра вн. дел от 20 апреля, Осипов предлагает комиссии „озаботиться поспешнейшим рассмотрением“ вопроса о правах Тюменя на Хошоутовский и Цагалаевский улусы и учинить решение по залежавшемуся делу [72].

Наконец, 17 мая 1829 года состоялось заседание комиссии по этому делу. В докладе гл. калмыцкого пристава пред глазами членов комиссии прошла вся последовательная история дела, с момента его возникновения в 1820 году и кончая решением Зарго от 6 октября 1828 года. Доложив весь многогранный материал, гл. пристав всецело присоединился к решению Зарго, признавшего права Тюменя на весь Хошоутовский улус, вопреки домогательств Боджи и Бодоги, и с своей стороны поделился с членами комиссии впечатлением, какое вынес он из личного знакомства с улусом Тюменя. „Владелец сей“, сказал гл. пристав Захаревич, „попечением о благосостоянии своих подвластных снискал не только их любовь, но и всеобщее уважение в калмыцком народе“. Далее Захаревич отметил, что Тюмень, не чуждый образованности, „уже ведет жизнь соответственно российским помещикам“ и располагает своих зайсангов и калмыков к перемене кочевого образа жизни

---

[70] Там же, лл 35—37.
[71] Там же, лл. 40—41.
[72] Там же, л. 38.

на оседлый: в его улусе „многие зайсанги и простые калмыки поселились домами и занимаются хлебопашеством, чего в других владельческих улусах доныне еще не видно“. Касаясь административных способностей хошоутовского владельца, Захаревич говорил, что за его подвластными не числится в производстве дел по раздорам, насилию, воровству; тем более нет и не было междоусобий в улусе. Все это—результат „доброго управления“ нынешнего владельца. Зарекомендовав себя заслугами на войне, он и в мирной обстановке продолжает полезную для государства деятельность: закупка в казну верблюдов, наряд вожатых, наряд калмыков на кордоны и выполнение других повинностей проходят в Хошоутовском улусе всегда так успешно, что этот улус ставится обычно в пример прочим улусам, в коих общество менее благоустроено и навлекает местному и даже вышнему начальству большие затруднения“ [73]. Панегирик по адресу Тюменя, каким Захаревич закончил свой доклад, как бы подготовил членов заседания к определенному решению дела в пользу хошоутовского владельца. Восхваляя своего героя, гл. пристав счел совершенно лишним останавливаться на известных им его „поступках“, которые „в сокращенной мере“ изображал торгоутовский владелец Боджа в бумаге, поданной сенатору Енгелю и требовавший, по его резолюции, сенатора, „надлежащего исследования“. Оратор лишь вскользь заметил при передаче определения Зарго о Бодже, что тяжкие преступления этого владельца известны комиссии „из журнала, состоявшегося во оной в 8-ой день декабря 1827 года“—больше того он не сказал ни слова. Очевидно, касаться „поступков“ хошоутовского владельца Тюменя значило бы затрагивать материи довольно щекотливого свойства, и Захаревич заблагорассудил совершенно игнорировать их; он не позволил себе даже войти в опровержение изветов Боджи, чтобы не внести тем диссонанса в стройную симфонию хвалебной речи.

Выслушав доклад гл. пристава, комиссия нашла, что ее решению подлежат собственно два вопроса: о правильности перехода части Хошоутовского улуса, состоявшей во владении Замьяна, в род Тюменей и о правильности притязаний беспоместного торгоутовского владельца Боджи-Нохоин Кюбюня на часть Цагалая. Данные для решения первого вопроса определенно говорят за Тюменей. У Замьяна было два сына: Теленгут и Бокбон; первый умер, второй в 1771 году откочевал с калмыками „в китайские пределы“. При Замьяне остался один только усыновленный им пасынок, Джиргал Тюмень. О его правах говорят: письмо хана Дондук-Даши от 1759 года и определение коллегии ин. дел от 1766 года. В определении коллегии в обязанность Замьяну и Ользе-Орошиху вменяется то, „чтобы они малолетнего сына своего Тюменя отдали для обучения российской грамоте и обращению“ [74]. Отсюда следует такой вывод: „Приняв сие за первое основание, и когда подобное усыновление у калмыцкого народа законно, (то) весьма очевидно, что теперешние лица из роду Тюменя есть, и должны быть, непосредственные наследователи части Замьяновой“.

Второй вопрос был гораздо сложнее. При его решении приходилось учитывать ряд таких обстоятельств, как семейное положение владельца Теке, правившего

---

[73] Там же, лл. 80—83.
[74] Слова: „они“ и „сына своего Тюменя“ подчеркиваются.

частью Хошоутовского улуса,—то, что сын Теке, Лорюп завещал свою часть сестре Цаган, а она передала своих подвластных калмыков Тюменю, и что от Авли у Цагалая детей не было, как не было их и от Торе, приходившейся двоюродной сестрой Сербеджап Тюменю. Кроме того, следовало обратить внимание на заинтересованность в Цагалаевской части улуса не одних только споривших из-за нее лиц из калмыцкой среды: часть Цагалая „из 70 или 80, а может быть и более кибиток, счет коим никогда не точен: по известному у калмык суеверию", правительство склонно было признать „выморочною" и на этом основании предполагало „обратить в казенное ведомство". Комиссия, вслед за Зарго, нашла, что сделать этого нельзя, так как Цагалаевская часть имеет наследников в лице тех же Тюменей, за которыми признано право владения улусом Замьяна. Первая жена Цагалая близка Тюменям, поскольку их связывает друг с другом Хошоутовский улус, а вторая жена Цагалая приходится еще и двоюродной сестрой Сербеджап Тюменю. Что касается Бодоги, то она „никогда не была женой Цагалая"; простая багацохуровская калмычка, она была только его наложницей, почему она не может заявить права „даже и на пособие какое-либо от Хошоутовского улуса". Боджа, племянник Цагалая, основывает свои претензии на завещании Цагалая, который будто бы отписал свой улус ему. Но если бы даже было так, все равно—завещание Цагалая не имеет силы. Для Цагалая, как для торгоутовского владельца, хошоутовские кибитки были чужими, и если они находились в его повиновении, то только лишь потому, что он был женат на действительной их владелице. А так как кибитки, называемые именем Цагалая, составляли не его, но „чужую собственность" и находились в его пользовании „временно, единственно по жене только, умершей бездетною от него", то распоряжаться ими Цагалай не имел права. Боджа ссылается на свое родство с Цагалаем, но у того были и другие родственники; таков, например, „мелкопоместный" владелец Мукукень Бальников, присутствующий в комиссии в качестве депутата. Он, „будучи так же, как и Боджа в числе многих Цагалаевых племянников, чистосердечно в комиссии, при суждении о сем, признавал, что сколь ни желал бы он поправить бедное свое состояние хотя и малою частью наследства после родного дяди своего Цагалая, но, держась строго справедливости, не смеет о том и думать, считая себя из другого рода, а имение чужим и в род их не принадлежащим". Зарго признало фальшивым завещание Цагалая, представленное Боджой; но,—повторяет комиссия,—раз „Цагалай не мог распоряжаться чужим—жены своей, следовательно, хошоутовским имением", то завещание „и без признания даже фальшивости не могло иметь места" в ряду данных при обсуждении вопроса, кому должна принадлежать Цагалаевская часть Хошоутовского улуса. Свое окончательное постановление комиссия формулировала так: „Хошоутовская и Цагалаевская части, по всем правам и без всяких со стороны чьей-либо притязаний на оные, принадлежат роду владельцев Тюменевых, имеющих неоспоримые на оные права, коих Боджа никогда не имел. Самая семидесятитрехлетняя давность состояния части собственно Замьяновской и десятилетняя—Цагалаевской во владении Тюменевых подкрепляет их право". Сказав затем несколько слов о заслугах Тюменей, отметив их „примерное управление народом" и противопоставив им Боджу, который „представляется по делам, доселе известным, в сомнительном положении относительно его поведения и способностей", на что в свое время обратил внимание сенатор Енгель, комиссия

находила, что „во всяком случае Тюменевы должны предпочитаемы быть, и они то именно достойны в сем отношении особенного высокомонаршего е. и. в-ства воззрения“ [75].

Таким образом, при явной симпатии к Тюменям, комиссия все же довольно серьезно считалась с торгоутовским владельцем Боджой, которого хотел игнорировать гл. калмыцкий пристав Захаревич. Но комиссия обнаруживала склонность поставить вопрос о Бодже несколько в иную плоскость. До сих пор говорилось только лишь о подложности завещания Цагалая в пользу Боджи. Фальшивость завещания признало и Зарго, но свой приговор оно основывало больше на общем характере поведения Боджи: действия владельца, говорило Зарго, настолько „неприличны и предосудительны“, что ни в чем нельзя ему верить. Комиссия придает решающее значение другому обстоятельству: отсутствию самого права у Цагалая делать завещание и распоряжаться кибитками, не принадлежавшими ему.

В самом деле,—при юридическом подходе к вопросу с меркой того времени,—владел ли Цагалай правом собственности на улус, доставшийся ему от жены, точнее—обладал ли он владельческими правами на этот улус? Еще в 1790 году Калмыцкая канцелярия интересовалась такого рода вопросом и обращалась за разрешением его в Кавказское наместническое правление, а то, в свою очередь, просило указаний сената, который дал раз'яснение, изложенное в указе наместнического правления в Калмыцкую канцелярию от 28 августа 1790 года. Сенат, опираясь на дозволение, полученное Цагалаем от астраханского губернатора М. М. Жукова (1781—1786) владеть половиной кибиток, принадлежавших Теке, нашел, что, при наличии такого дозволения, не следует и теперь лишать Цагалая права владения ими [76]. О том, что право владения усвоялось Цагалаю лишь пожизненно, и что он не мог передавать своего права кому бы то ни было, в сенатском раз'яснении не говорилось. Повидимому, и Зарго не отказывало Цагалаю вообще в праве делать завещание; оно только признало фальшивым завещание, пред'явленное Боджой. Кажется, не отрицал такого права и Тюмень, раз он с своей стороны пред'являл по начальству завещание того же Цагалая, дарившего ему кибитки. Но комиссия устанавливала иную точку зрения на дело. Если же так, если Цагалай не имел права распоряжаться кибитками жены, а владел ими только пожизненно, то, казалось бы, следовало признать его улус выморочным и, как таковой, надо было бы передать в ведение казны, о чем и поговаривали. Однако, комиссия, отвергнув усыновление Боджи Цагалаем, присуждает Цагалаевские кибитки роду Тюменей, тоже не природных хошутов, но лишь усыновленных Замьяном.

В деле фигурирует два завещания Цагалая: одно, составленное в пользу Тюменя, другое—в пользу Боджи. Последнее завещание Зарго признало фальшивым. Было ли оно таковым, трудно теперь сказать. Но бесшабашный и разгульный характер Цагалая обрисовывается в наших документах с такой определенностью, что невольно возникает предположение, не наделил ли Цагалай завещаниями однородного содержания обоих заинтересованных в наследстве лиц—Тюменя и Боджу.

---

[75] Там же, лл. 85—90.

[76] Там же, лл. 32—33.

Во всяком случае, пункт о завещании Цагалая являлся весьма уязвимым в производстве Зарго и комиссии. Главноуправляющий краем, граф И. Ф. Паскевич-Эриванский, к которому поступил „в благоусмотрение" протокол заседания комиссии от 17 мая 1829 года с приложением четырех, наиболее важных документов [77], 8 августа 1830 года вернул протокол обратно в комиссию для пересмотра дела, так как нашел в нем ряд упущений и со стороны Зарго, и со стороны самой комиссии. Замечания Паскевича по поводу протокола, изложенные в 8 пунктах, как можно предполагать, в известной мере были вызваны жалобой Боджи, потому что в них уделено ему не мало внимания, и едва ли не из его жалобы извлечены заинтересовавшие главноуправляющего краем данные, не фигурирующие в протоколе комиссии. В частности, по поводу завещания Цагалая в пользу Боджи Паскевич запрашивает комиссию, действительно ли сделанное Цагалаем при жизни завещание, которым он предоставлял Бодже своих подвластных и имущество, было засвидетельствовано судом Зарго; кто приложил руку к этому завещанию; сам ли Цагалай ездил для засвидетельствования завещания в суд Зарго, или оно было представлено туда Боджой по смерти Цагалая; почему не все члены Зарго подписались под завещанием при его засвидетельствовании; где Цагалай учинил рукоприкладство к завещанию—в судебном ли учреждении, или в своем доме; когда это было; кто присутствовал при этом; к каким улусам принадлежат свидетели [78]. Паскевич останавливается и на письме хана Дондук-Даши к Замьяну; он не находит в нем прямого упоминания об Ользе-Орошиху, а только вообще о какой то жене владельца Дежида: „была ли Ользе-Орошиху женой владельца Дежида",—спрашивает Паскевич,—„или она простая женщина, прибывшая как показывает Боджа, за любовником своим, калмыком Амхай-гецюлем, ибо хан писал в письме о вдове Дежида". Самая печать на письме своей круглой, необычной для ханских печатей формой вызывает недоумение у Паскевича, и он требует сличить ее с другими печатями на подлинных бумагах хана Дондук-Даши [79]. Мы не будем передавать других замечаний Паскевича, так как существа спорного дела они почти не затрагивают. На замечания главноуправляющего краем комиссия дала ответ очень не скоро; протокол с ее об'яснениями датируется 14 апреля 1834 года. Нельзя, кажется, предложить другого об'яснения такой медлительности, кроме общей в то время канцелярской манеры оттягивать рассмотрение всякого более или менее замысловатого дела. По некоторым отдельным замечаниям Паскевича не трудно было навести дополнительные справки и представить необходимые пояснения. В доказательство, например, того, что жена Дежида и Ользе-Орошиху есть одно и то же лицо, достаточно было сослаться на документы, относившиеся к приезду Дежида и Ользе-Орошиху в Калмыцкую степь, и тем покончить с сплетней, подхваченной Боджой. Но об'яснение формата печати на письме Дондук-Даши, предложенное комиссией, довольно проблематично. Комиссия признала, что круглая печать действительно „не

[77] Это были в подлинниках: письмо Дондук-Даши к Замьяну 1759 года, письмо Замьяна Бекетову от 21 января 1773 года, приказ Бекетова от 28 февраля того же 1773 года и письмо Люрюпа к сестрам Авле и Цаган с письмом, на обороте, Цаган к Тюменю „Для соображений при нужных случаях", Сербеджап Тюменю были выданы и копии с этих документов, засвидетельствованные гл. калмыцким приставом Там же, л. 99.

[78] КОА, Журналы комиссии калмыцких дел за 1834 год, лл. 418 об.—419.

[79] Там же, л. 417.

согласна с другими, имеющимися печатями того же хана", всегда квадратными; однако, это обстоятельство говорило комиссия лишь о том, что „печатей хан мог иметь и не одну", но не наводило на сомнение в подлинности документа, тем более, что другие свидетельства подтверждали факт брака Замьяна с Ользе-Орошиху. Конечно,—заметим на это,—документы подтверждают, что „Ользе-Орошиха подлинно была вдова после зюнгарского владельца Дежида и законная супруга владельца Замьяна", но письмо Дондук-Даши имело свою важность. В то время, как цитируемые комиссией документы выражают русскую точку зрения на брак Замьяна с вдовой Дежида, признававшейся законным, без чего семья Замьяна не получила бы доступ ко двору в 1766 году,—письмо Дондук-Даши заключало в себе официальное разрешение Замьяну на этот брак, обусловливавшее в глазах калмыков возможность усыновления Замьяном его пасынка, Джиргал Тюменя. Этот то документ и оказался с необычною для калмыцкого хана круглою печатью. Параллелей такой печати комиссия не могла отыскать в архивных документах: официальные письма Дондук-Даши — все с квадратной печатью.

Паскевича интересовало оформление завещания Цагалая в пользу Боджи, но комиссия обошла молчанием этот запрос главноуправляющего и ограничилась повторением мотивов, выставленных в протоколе от 17 мая 1829 года, по которым она считала единственно возможным отрицательное отношение к притязаниям Боджи. Ничего нового к сказанному в том протоколе комиссия не прибавляла. Зарго—писала комиссия,—признало завещание „фальшивым и недействительным", да если бы оно оказалось даже и действительным, все равно „не могло бы иметь места", так как Цагалай не в праве был завещать подвластных хошутов в посторонние руки. Оставив запросы Паскевича без ответа, комиссия переходит затем к характеристике Боджи, в чем, повидимому, и полагает центр тяжести дела: Боджа—„порочнейший человек"; он уличался в подлоге документов и несколько раз судился „за многие законопротивные поступки"; он был даже приговорен судом к ссылке на поселение, но освободился от этого наказания по манифесту [80].

Пересмотр дела, произведенный по распоряжению Паскевича, не заставил комиссию отступиться от прежнего ее решения. Она твердо стояла на том, что Хошоутовский улус и Цагалаевская его часть должны быть признаны за Тюменями. Протокол комиссии [81] был отправлен „на благоусмотрение" министра вн. дел и получил от него утверждение. На долю Тюменей выпал крупный успех. Хошоутовский улус, даже с Цагалаевской частью, остался владельческим, тогда как, при ином обороте дела, он мог бы быть взят в казенное ведомство, как это случилось с Багацохуровским улусом по смерти его владельца, кн. А. Ф. Дондукова. Тем и кончилось на этот раз дело. Управление калмыцким народом, сменившее собою комиссию калмыцких дел и возглавлявшееся с 1848 года гл. попечителем М. И. Тагайчиновым, усвоило определенный взгляд на дарственные земли в Хошоутовском улусе, как на земли, лично принадлежавшие Тюменю. К такому взгляду располагала Управление, между прочим, и „Выписка, составленная из ведомости о розданных по Астраханской губернии на основании высоч-шего рескрипта, данного

---

[80] Там же, лл. 438—439.
[81] Там же, лл 416—439.

в 3 день мая 1785 года правившему должность Кавказского генерал-губернатора Потемкина об отведенных в двух местах землях собственно калмыцкому владельцу премьер-майору князю Тюменю". Эта Выписка была прислана в канцелярию гл. попечителя из Астраханской казенной палаты 11 ноября 1849 года в ответ на запрос, „когда именно, по чьему распоряжению и на какой предмет начально отмежеван остров Круглинский" Тюменю.

Сведения, заключающиеся в выписке, расположены по графам. В графе о времени, когда земли назначены в отдачу показано 7 мая 1787 года. В графе, „в каких урочищах и кому именно" даны земли, значится. „Калмыцкому владельцу. премьер-майору князю Тюменю, остров Жамбай или Песчаный, от приверха реки Кичкаберки до речки Песчаной, и на луговой стороне до реки Ахтубы". Это—один земельный участок; он—мерой в 5769 дес. 1460 саж. удобной и 12215 дес. 1255 саж. неудобной земли, а всего в нем 17.985 десятин 275 саженей. Участок смежен с землей казачьих станиц Сероглазинской и Замьяновской.

Другой участок земли, мерой в 691 дес. 1939 саж. удобной и 1243 дес. 1645 саж. неудобной земли, всего в 1935 десятин 1184 саж., тому же Тюменю отведен „на нагорной стороне Волги и по речке Лебяжей с островками Круглым, Большим и Малым Бирючьими". С нагорной стороны он соприкасается с Лебяжинской казачьей станицей, а по луговой стороне—с оброчными казенными землями.

Обмежеванье первого участка обошлось Тюменю в 539 рублей 55 коп., обмежеванье второго—в 58 рублей $5^{1}/_{2}$ коп.

В графе о времени отмежевания земель и о документах, выданных на владение землями, сказано: „Оные земли, состоящие в двух дачах, по силе высочшего соизволения 764 года августа 21 дня, в указе иностранной коллегии изображенного, жалованы владельцу калмыцкому Замьяну, а потом по смерти оного, достались в наследство сыну его, князю Тюменю, который уже по открытии Кавказского наместничества просил правившего должность кавказского генерал-губернатора графа Потемкина об отмежевании за ним пожалованных ему земель, на что воспоследовало от оного предложение 787 года мая 30, вследствие коего оному Тюменю отмежевано: 1) остров Жамбай в 792 году февраля 27-го, 2) при Коровьей Луке в том же году марта 23 дня. На сии две дачи выданы ему, князю Тюменю, из бывшего наместнического правления при владенных указах планы и межевые книги 794 года июля 22 дня".

В следующей графе: „Когда шестилетний срок кончился", поставлено: „1800 года июля 28 дня".

В графе: „Сам ли взявший землю владеет или кто другой по покупке"—владельцем обоих земельных участков назван Тюмень.

Наконец, в последней графе: „Сделано ли какое поселение или хозяйственное заведение", читаем: „На сих землях имеются дома князя Тюменя, в коих поселено несколько семейств собственных его калмык. Сверх того, имеет на оных как в летнее, так и в зимнее время кочевье. Также имеет фруктовый виноградный сад и хлебопашество".

Ознакомившись с выпиской, Тагайчинов нашел, что она „удостоверяет право бесспорной принадлежности" хошоутовских земель Тюменю, и распорядился считать вопрос исчерпанным [82].

III

Земельная тяжба Тюменей с казаками.

Поставив задачей изложить историю пользования земельными участками, предназначавшимися для обоседления хошоутовских калмыков, мы не без причины долго останавливались на споре Тюменя с претендентами на Хошоутовский улус. Признание за Тюменем владельческих прав определяло положение его относительно дарственных земельных участков Все они: и Крымский затон, и Коровья Лука, и остров Шамбай с принадлежавшей к нему дачей на левом берегу Волги, и Сушковская земля—Черная Гряда, приобретенная Сербеджап Тюменем в 1822 году, по смыслу правительственных актов, не составляли личной собственности Тюменей,—они могли находиться только в частичном пользовании хошоутовских владельцев, при наличии у них известных прав, обязывавших их, однако, заботиться об обоседлении подвластных калмыков. Отказ Тюменям в правах на улус ставил под сомнение самую возможность того широкого использования ими общекалмыцких земельных угодий, при котором владельцы позволяли себе отодвинуть задачу обоседления на второй план и вместо того преследовать цели личного обогащения.

Не окончилось еще дело, возбужденное Боджой, как Тюменям пришлось вступить в земельную тяжбу с казаками Сероглазинской станицы Предметом спора был северный участок, вошедший потом в состав Шамбаевской или Тюменевской дачи. Этот участок, известный под именем Большого луга или Цацы, находился на луговом берегу Волги между коренной Ахтубой, Кирпичным ериком и рекой Митиной и обнимал пространство в 6871 дес. 239 саж. удобной земли и 1092 дес. 1117 саж. неудобной земли. Он славился сенокосами. В 30-х годах XIX века компетентные лица утверждали, что сенной покос мог давать там в год 490 р. 26 к. дохода. Этот то сенокосный участок сероглазинские казаки и задумали отбить у калмыков в свою пользу. Земельный спор начался еще при жизни отца Сербеджап Тюменя, Джиргал Тюменя. Надо пояснить, что когда сероглазинские казаки только еще поселились на правом берегу Волги и получили в пользование земельные угодия по тому и по другому берегу Волги вместе с калмыками, тогда споров у них не возникало. Порядок совместного земельного пользования был санкционирован 30 апреля 1788 года правителем кавказского наместничества И. С. Алексеевым. При генерал-губернаторе П. С. Потемкине сероглазинские казаки получили определенный земельный надел, из расчета по 15 десятин на рядового казака и по 60 десятин на чиновника. В 1795 году произошла фактическая нарезка земли для казаков; тогда на их долю на луговой стороне Волги пришлось 2500 десятин 120 саж. удобной и 15752 дес. 180 саж. неудобной земли. К казакам попал и Большой луг—Цаца. В 1803 году Джирал Тюмень, прикрывавшийся заботой

[82] КОА, д. 1849 года по канцелярии гл. попечителя, № 30, лл 1—9.

о калмыках, но на самом деле округлявший свои „владения“, выступил с доказательствами принадлежности названного луга калмыкам. Он опирался на приказ Алексеева и указывал также на беспрерывность калмыцкого пользования Большим лугом как до размежевания земель сероглазинским казакам, так и после того. Казаки, наоборот, утверждали, что право сенокоса там всегда принадлежало им, и что они дозволяли калмыкам пасти скот на Большом лугу только после уборки сена, взамен чего они, казаки, с дозволения Тюменя рубили лес на острове Шамбае для своих надобностей. Возникший между казаками и калмыками спор вызвал проверку земель, нарезанных сероглазинцам в 1795 году. Оказалось, что казаки получили тогда больше, чем следовало соответственно их численности, именно: 16860 десятин 749 саж., удобной и 3887 дес. 1701 саж. неудобной земли, всего—20748 десятин 56 саж. А так как казаков по 7-ой ревизии насчитывалось всего 238 человек, то на их долю должно было причитаться удобной земли 3615 десятин. В 1826 году Астраханская казенная палата, рассматривавшая этот земельный спор, не стала ни на сторону казаков, ни на сторону калмыков, а решила передать спорный участок в казну. Палата нашла, что калмыки и без того достаточно обеспечены землей по размежеванию 1806 года, что же касается калмыцкого молитвенного дома, стоявшего на лугу и служившего в глазах калмыков наглядным признаком принадлежности им спорного угодия, то палата постановила уничтожить этот молитвенный дом, тем более, что размеры его были совсем не велики. Он занимал площадь в 3 кв. сажени,—„немногим разве больше калмыцкой кибитки“. С постановлением палаты согласился и астраханский гражданский губернатор. Не возражал против постановления и министр финансов, он только предлагал оставить молитвенный дом на прежнем месте и отвести к нему небольшой земельный участок. В сенате, куда пошло дело на окончательное утверждение, было, однако, решено предварительно запросить мнение военного министа графа А. И. Чернышова. Тот счел необходимым списаться с гр. И. Ф. Паскевичем-Эриванским, как с командиром отдельного кавказского корпуса, к которому было причислено Астраханское казачье войско. Так как оно вообще жаловалось на свое малоземелье, то Паскевич придал серьезное значение претензии казаков и счел необходимым увеличить им земельный надел до 30 десятин на рядового казака и до 300 дес. на офицера, по примеру земельного надела линейным казакам. „Земли Астраханской губернии“, рассуждал Паскевич, „по качеству своему, едва ли не менее еще хлебородны, нежели в области Кавказской, рыбные же воды принадлежат всему обществу Астраханского войска, и доходы с оных обращаются на войсковые потребности, а не в пользу частную“. Оставляя за собой окончательный ответ, Паскевич предлагал временно удовлетворить сероглазинских казаков принятым раньше подушным земельным наделом, но произвести его по числу казаков в настоящее время, т. е. дать землю 5 офицерам, 142 урядникам и казакам, а кроме того еще 166 малолеткам; земельный излишек он рекомендовал пока не передавать в казну. Относительно калмыцкого молитвенного дома Паскевич согласился с мнением министра финансов. Сенат положил привести в исполнение мнение Паскевича о наделе казаков Сероглазинской станицы землей соответственно действительной их численности, но спорный Большой луг постановил взять в казенное ведомство. Относительно молитвенного дома сенат поручал Астраханскому военному губернатору сообразить, нельзя ли оставить этот дом на месте.

Указ сената от 18 декабря 1834 года на имя военного министра был сообщен в копии астраханскому военному губернатору И. С. Тимирязеву (1834—1844) [83].

29 апреля 1835 года помощник гл. калмыцкого пристава Бец-Харченко рапортует в комиссию калмыцких дел, что молитвенный дом на урочище Большой луг построен из камня и занимает 6 саженей и 2 арш. земли, а с оградой имеет в окружности 10 кв. саженей. Перенести цацу на другое место Бец-Харченко признавал неудобным: это значило бы оскорбить религиозное чувство калмыков, так как в ней „много лет хранятся пеплы их ламов и лучших людей, что они, по вере своей, считают святынею", да и кроме того, все урочище необходимо калмыкам, потому что на нем „уже устроены и другие заведения". Имея в виду эти „заведения", Бец-Харченко приводит такие цифровые данные: 206 кибиток, 2 тысячи лошадей, 3090 овец, 991 корова и 200 верблюдов. На крайний случай, если бы оказалось невозможным передать калмыкам все урочище, то, по мнению Бец-Харченко, следовало бы там „нарезать нужное число десятин по количеству кибиток и скотоводства" [84].

Не столько, конечно, цаца на Большом луге, сколько заселение его значительным количеством скотоводов говорило в пользу калмыков, но казаки постарались ослабить значение факта. Войсковая казачья канцелярия от 8 июня 1835 года доказывала казенной палате, что на Большом луге при „надгробном знаке" прежде не наблюдалось такого, как теперь, стечения калмыков. Цацу сторожил один бездомный калмык в своей убогой кибитке, теперь же владелец Тюмень, в расчете придать урочищу характер „значительности" и тем удержать Большой луг за собой, собрал калмыков и приказал им кочевать при цаце в таком большем количестве, в каком они кочевали раньше только по всему урочищу. Указывая на это, казаки, находили, что Тюмень поступил „несправедливо" [85]. Комиссия калмыцких дел,—на что обращала внимание в докладе губернатору от 22 ноября 1835 года палата, заинтересованная сохранением урочища за казной,—отказывалась брать на себя ответственность за сведения, представленные Бец-Харченком о прочном заселении Большого луга калмыками и ждала отзыва от самого Тюменя [86]. Понятно, какой отзыв мог дать, и дал, Тюмень. Дело пошло снова в сенат. К концу 30-х годов оно было решено там в пользу Тюменя и подвластных ему калмыков,—владеть Большим лугом стали они [87].

С конца двадцатых годов XIX века хошоутовские калмыки ведут земельный спор с замьяновскими казаками из-за юго-восточной границы так называемой „Тюменевской дачи". Калмыки остались недовольны решением Астраханской палаты уголовного и гражданского суда, установившей земельную границу не к выгоде калмыков. Их представитель, калмык Матвей Дахаев подает апелляционную жалобу в палату, и та от 5 сентября 1827 года обращается в Комиссию калмыцких дел за выкопировкой спорного места, как оно показано на плане калмыцких

[83] КОА, д. 1835 года, № 1457, лл. 3—8.
[84] Там же, лл 17—22.
[85] Там же, л. 29 об.
[86] Там же, л. 44.
[87] *И. А. Кирюков*, цит. изд., т. II, стр. 591 в примечании. У *Небольсина*, цит. изд., стр. 31, говорится, что одна часть Большого луга—Цацы принадлежит казакам Сероглазинской станицы, а другая часть—Хошоутовскому улусу.

земель от 28 апреля 1806 года. Сообщая, что спорный участок был снят на план в 1805 году, палата определяет его ситуацию так: он лежит „по левой стороне р. Волги по меже, начиная от поставленного на нагорной стороне в 1792 году, 27 февраля, на правом берегу р. Кичкиберки уездным землемером Кудашевым, столба, по живым урочищам, а именно: вверх по р. Песчаной до приверха оной, где вытекает из р. Волги, а оттуда чрез р. Волгу на приверх ерика Наседкина, он же и Полковничий, от сего-ж пункта чрез займище прямою линиею до ухвостья ерика Казачьего, где оный впадает в р. Ахтубу“ [88]. В этом именно направлении проходила юго-восточная граница Тюменевской дачи, соответственно меже 1792 года.

Упомянутая в тексте река Песчаная названа по имени островка, отделявшегося ею от Шамбая в южной его части. Замьяновские казаки, кажется, хотели запутать дело. В 1835 году двое из них, Игнат Журавлев и Андрей Гоглазин пытались вырыть собственную межевую яму в спорной части Шамбая. Калмыки захватили казаков на месте, но те отреклись от намерения вырыть межевую яму и об'яснили свои действия тем, что просто искали клад [89]. Земельная тяжба тянулась долго; дело доходило до сената и государственного совета. По поручению последнего, от 27 октября 1847 года, сенат от 20 января 1850 года, предписывает Астраханской палате гос. имуществ проверить план 1792 года, выданной Тюменю на остров Шамбай и на принадлежавшую к нему дачу, так как линии, положенные на этом плане, оказывались во многих местах несходными с натурой. Работу по освидетельствованию Шамбая и по поверке плана производил землемер Сурвилло и закончил ее 14 декабря 1850 года [90]. Составленный им новый план полагал конец спорам замьяновских казаков с хошоутовскими калмыками; обе стороны должны были удовлетвориться размежеванием землемера.

IV

Шамбайское дело.

Прошло после этого 56 лет, и около Шамбая загорелся новый спор. На этот раз хошоутовские калмыки спорили не с казаками, а с своими бывшими владельцами Тюменями, от зависимости которым они освободились в 1892 году. Правительство, возместив Тюменям, как и другим владельцам, потерю албанного сбора с их подвластных выдачей солидного единовременного денежного вознаграждения из сумм Калмыцкого общественного капитала, упустило из виду определить земельные права хошоутовских нойонов. Между тем, это необходимо было сделать не только потому, что прочие калмыцкие владельцы не имели подобных прав, но еще и потому, что Тюмени пользовались земельными правами на своеобразных началах. Как мы не раз уже говорили, в их распоряжении состояли земли, данные в совместное пользование с хошоутовскими калмыками. В 1892 году Тюмени, как и прочие калмыцкие нойоны и зайсанги, потеряли власть над калмыками; последние всецело перешли в ведение русской администрации. Казалось бы, что с потерей владель-

---

88 КОА, д. 1827 года, № 1145, лл 1—2.
89 КОА, д. 1835 года, № 1459, л. 1.
90 КОА, д. 1850 года по I ст., в 5, № 16, лл. 1—4 и 34.

ческих прав хошоутовские нойоны должны были лишиться и права пользования дарственными землями, поскольку новый порядок изменял отношение владельцев как к калмыкам, так и к дарственным землям, а калмыки должны были получить широкий доступ к этим землям. Однако, вникнуть в`серьезный вопрос администрация не позаботилась. Правда, в Управлении калмыцким народом по временам возникали сомнения в правах Тюменей на единоличное пользование дарственными землями. Так, в октябре 1891 года гл. попечитель П. С. Картель запрашивал межевую канцелярию о документальных данных, которые могли бы выяснить права Тюменей на Круглинский остов, Коровью Луку, а также и на Шамбай. Картель писал: „Неведение Управления калмыцким народом существа владения Тюмень вышеназванными тремя дачами составляет их пользу, так как, в случае открытия права участия калмыков, последние получат возможность пользоваться угодиями, не находясь в арендной зависимости наследников Тюмень", и освободятся „от излишних налогов". Но преемник Картеля, В. А. Башкиров, рассмотрев выписку из ведомости о землях, розданных в Астраханской губернии на основании рескрипта от 3 мая 1785 года [91], а также познакомившись с некоторыми другими документами и с копиями планов на Тюменевские дачи, каковые копии были присланы в Управление калмыцким народом из Московско-Тверского управления гос. имуществами в 1893 году, не нашел этот материал достаточным для возбуждения дела. 20 сентября 1894 года Башкиров решил: „Усматривая из копии раздельного акта, составленного 19 января 1876 года и засвидетельствованного в Астраханской палате уголовного и гражданского суда, что дача 1) остров Круглинский, 2) Шамбай и 3) Коровья Лука вместе с другими дачами умерших владельцев Тюмень разделена между сонаследниками, и в раздельном акте ничего не говорится о праве калмыков на пользование землею, хотя в планах генерального межевания дач Коровья Лука, остров Круглинский и Шамбай упоминается, что во время межевания их на них имели оседлость и кочевали со своим скотом подчиненные князьям Тюмень калмыки, но точного указания на права пользования землею не сделано. В виду вышеизложенного, я не нахожу оснований к продолжению дальнейшей переписки по вопросу о праве пользования калмыками означенными дачами, а потому полагаю настоящее дело производством прекратить" [92].

Потомки Тюменей, произведя в 1876 году упомянутый наследственный раздел, совершенно укрепились в представлении, что они являются собственниками дарственных земель, и,—надо сказать,—даже на карте Астраханской губернии, изданной в 1909 году, эти земли фигурируют с именем Тюменей. Так основательно было забыто юридическое положение этих земель! Трактуя дарственные земли своей собственностью, Тюмени сдавали их в аренду не только посторонним лицам, но даже и калмыкам. Только спустя 14 лет после правительственного акта 1892 года, хошоутовских калмыков озарило, наконец, сознание неправильности действий их бывших владельцев, и они решили заявить протест. Обрисовав свое бедственное

---

[91] Выписка приведена у нас выше, на стр 61.

[92] КОА. д по Делопроизводительскому столу УКН за 1891 год, в. 4, № 20, лл. 1—3, 30 и об Копии планов, полученные из Московско-Тверского Управления гос. имуществ, были сданы на хранение землемеру при Управлении калмыцким народом под расписку; там же, л. 30 об.

положение в петиции на имя астраханского губернатора, калмыки ждали от него, как от гл. попечителя, защиты своих интересов. Калмыки были из района Шамбайской дачи и в петиции говорили только о своих нуждах, не касаясь положения сородичей в других участках Тюменевских владений. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных судить, как калмыки дошли до сознания своих законных прав. Может быть, в данном случае сыграли роль общие аграрные движения того времени, натолкнувшие калмыков на мысль о необходимости пересмотреть земельные права Тюменей и выяснить свои собственные права; может быть, шамбаевцам до боли стали нестерпимы нажимы на них Тюменевских арендаторов, с которыми им приходилось иметь дело; может быть,—даже вероятнее,—влияло то и другое. Но замечательно, что калмыки оказались до некоторой степени осведомленными в первоначальном назначении дарственных земель и хотели добиться восстановления земельных прав в легальном порядке.

По раздельному акту 1876 года, та часть Шамбайской дачи, которая с севера была ограничена речкой Курбатовской Прорвой и Поперечным ериком, с юга—землей казаков Замьяновской станицы, с запада—кочевьями калмыков Багацохуровского улуса и с востока—рекой Волгой, или остров Шамбай в собственном смысле слова, со всеми при нем водами, кроме коренной Волги, общей мерою в 1591 десятин 1198 саж. удобной и 1510 десятин 1890 саж. неудобной земли, отошла к сыну Церен-Джап Тюменя, А. А. Тюменю [93]. По смерти А. А. Тюменя, во владение указанной частью Шамбайской дачи вступили его дети и вдова. Одна из дочерей А. А. Тюменя вышла замуж за П. М. Першина и получила фамилию мужа. В первые годы, когда Шамбай стал сдаваться в аренду посторонним лицам, калмыки, повидимому, не испытывали особых неудобств, но затем положение их изменилось к худшему. С 1904 года в аренду вступил некий Н. П. Лукинский. Он пред'явил калмыкам требование или удалить скот с острова, или платить за его выпас деньги. С этого то времени, по словам Першина, прекратилось мирное и спокойное течение жизни на острове.—Калмыки отказались принять условия Лукинского, и тот стал с ними бороться, действуя обычными в подобных случаях приемами: захватывал калмыцкий скот и отпускал его лишь по уплате штрафа калмыками—владельцами скота. Калмыки не оставались в долгу. В ответ на притеснения арендатора, они заранее вытравляли луга скотом, мешали рабочим косить траву в период сенокоса, разбирали и делили между собой стога скошенного сена. Лукинский, в конце концов, должен был отказаться от аренды и пред'явил к Тюменям иск за убытки, причиненные ему калмыками [94]. В дальнейшем отношения между калмыками и арендаторами еще больше обострились. Новый арендатор Авершин стал применять к скотоводам-калмыкам особенно жесткие меры воздействия. При нем то и разыгралась история, которая в 1904 году только еще завязывалась.

С первым прошением об обидах от арендаторов шамбайские калмыки выступили в декабре 1906 года. Этого документа в архивном деле не оказывается. Жалоба калмыков или не дошла до губернатора, или была им игнорирована. Обращаясь к губернатору во второй раз 27 июня 1907 года и ссылаясь на свое

[93] КОА, ст. I, в. 70, д. 1907 года, № 23, л. 36 и лл. 70—72.
[94] Там же, л. 22.

прежнее прошение, уполномоченные шамбаевцев [95] заявляли, что калмыки до сих пор „не имеют счастья“ получить ту или иную резолюцию по своему делу, между тем их „нужды“ изложены в поданном прошении „ясно и подробно“. Сто с лишним лет,—пишут теперь шамбаевцы,—мы, в числе более 100 кибиток, живем на острове Шамбае—на рескриптной даче, предоставленной Сербеджап Тюменю, бывшему хошоутовскому нойону [96], „для совместного пользования на равных правах с духовенством, зайсангами и подвластными ему калмыками“. Но потомки нойона окончательно присвоили эту дачу себе, а наследники Александра Тюменя сдали ее в аренду енотаевским мещанам, братьям Лукинским, которые прогоняют с острова Шамбая калмыков, исконных обитателей его. Калмыки в числе более 500 человек вынуждены побросать свои мазанки и базы и отойти на песчаный берег, где нет не только удобств для устройства жилья людям и загонов для скота, но нельзя собрать ни одного снопа сена,—так эта местность бедна растительностью Мы находимся „в самом критическом положении“, жалуются калмыки губернатору, и поэтому „осмеливаемся обратиться к стопам в. п-ства и всепокорнейше просить милостивой защиты нас и наших семей от незаконного утеснения со стороны наследников покойного нойона Александра Тюмень и их арендаторов“. Калмыки считают необходимым истребовать от Тюменей дарственную грамоту и генеральный план на Шамбайскую дачу, так как, по их мнению, по этим документам вполне возможно будет восстановить нарушенные земельные права [97].

Заведывающий калмыцким народом А. П. Подковский препроводил прошение шамбаевцев к П. М. Першину, управляющему делами наследников Тюменя, и предложил ему об'яснить, на каком основании калмыки—жители Шамбая ограничиваются в своих земельных правах, предоставленных им указом наместнического правления 1792 года и сохраняющих силу до настоящего времени. Першин не без гонора ответил: „Мои доверители, как владельцы земли, по отношению к калмыкам, временно кочующим по участку „Остров Шамбай“, им принадлежащему, осуществляют лишь свое неоспоримое право собственности чрез арендатора своего Лукинского“. Резолюция Подковского на этот ответ расходится с его содержанием и, как будто, показывает, что заведывающий Калмыцким народом имел дополнительный разговор с Першиным, заставивший того смягчить тон: „Об'явить чрез заведывающего Александровским улусом [98] просителям, что, как заявил доверенный по делам наследников Тюмень, калмыков с острова Шамбая никто не гнал и не гонит, а поэтому они могут жить там, где жили до последнего времени; что же касается пользования сенокосами и прочим совместно с владельцами, то вопрос этот, за утратою калмыками прав на подобное пользование вследствие многолетнего неосуществления фактически и вследствие отказа наследников Тюмень от совместного поль-

---

[95] Это были старшины родов: Шебенерова—Церен-Убуши Надбитов, Хойтова, Босхомджи Убушев, Ики-Хошутова—Хулхайчи Гобкиев, Уронхусова,—Абя Манджиев и Чига-Чинерова рода—Саранг Зарахаев

[96] Калмыки неправильно указывают имя нойона—Сербеджап Тюмень: не ему, а его отцу, Джиргал Тюменю была отмежевана дача. Время отмежевания определяется также неправильно „в начале десятых годов“ XIX века.

[97] Там же, л. 1 и об.

[98] Хошоутовский улус был переименован в Александровский в 1878 году.

зования, подлежит разрешению судом", для чего необходимо достать грамоту 1792 года [99]. Та часть приведенной резолюции, где говорится о потере калмыками прав на совместное с Тюменями пользование сенокосами и другими угодьями Шамбайской дачи „вследствие многолетнего неосуществления" этих прав, не отвечала действительности. По словам самих калмыков, как и по словам Першина, калмыки стали испытывать стеснения только с 1904 года, до того же времени,—выходит,—они могли терпеть только такие ограничения со стороны Тюменей, которые не отражались особенным ущербом на экономическом состоянии калмыков и пока еще не вынуждали их позаботиться о восстановлении нарушенных земельных прав.

Развертывалось крупное дело. Опять понадобились исторические справки. Но странно, что Управление калмыцким народом обратилось за справками не в свой архив, где имелось все, что было нужно, а на сторону. О присылке документов, относившихся к обстоятельствам надела Джиргал Тюменя землей, оно просит канцелярию наместника на Кавказе [100], межевую канцелярию в Москве [101], собственную канцелярию царя [102] и, наконец, сенат. Обращения не дали желательных результатов [103]. Только из сената была прислана справка, извлеченная из дела 1806 года № 270 и содержавшая сведения касательно отмежевания хошоутовскому владельцу майору Тюменю в 1792 году острова Шамбая и земли при Коровьей Луке, а также—относительно выдачи планов, межевых книг и владенных указов на эти дачи от 24 июля 1794 года. Сообщая эти сведения, обер-прокурор 1 департамента сената высказывал предположение, что необходимые для Управления калмыцким народом документы могут отыскаться или в архиве Астраханского губ. правления, ведавшего в свое время поселенными в губернии кочевниками, или в Московском архиве министерства юстиции, куда переданы все дела сената по 1796 год включительно [104]. Надо полагать, что по этому указанию Управление калмыцким народом обратилось в Астраханский губ. архив, и там действительно нашлись сведения, касавшиеся отмежеванья Тюменю земель в 1792 году в виде записей в межевой книге, но следов предполагаемой грамоты не оказалось и в этом архиве. В межевой книге было записано только то, что „1792 года, февраля 27, по указу ее в-ства (титул), учинена межа Кавказской губернии в Астраханском уезде из пустопорожних казенных земель пашенным землям, сенным покосам, лесным и прочим угодьям, которые даны по указу Кавказского наместнического правления во владение калмыцкому владельцу г. премьер-майору князю Тюменю" и пр., после чего следует плановое описание местности и смежных с нею земель. Выражение: „по указу Кавказского наместнического правления" скорее всего говорит за то, что отмежевание было произведено не в силу специальной грамоты на имя Тюменя, а по

[99] Там же, л. 3 и об.

[100] Запрос от 17 августа 1907 года, ответ от 18 января 1908 года; там же, л. 5 и л. 8.

[101] Запрос от 8 февраля 1908 года, ответ от 7 марта того же года; там же, л. 9 и л. 10.

[102] Запрос от 7 апреля 1908 года; там же, л. 11.

[103] Относительно межевой канцелярии отрицательный ответ особенно удивителен; см. прим. 92.

[104] Запрос от 7 июля 1908 года, ответ от 21 августа того же года; там же, л. 17 и лл. 19, 12—16.

распоряжению наместнического правления, которое имело в виду зафиксировать на плане земли, состоявшие в пользовании хошоутовского владельца Замьяна и перешедшие от него к его пасынку Джиргал Тюменю. Выше мы уже указали на неточность, допущенную в заголовке описания отмежеванных земель и состоявшую как бы в признании этих земель за собственность Тюменя, тогда как в его распоряжение переходили от Замьяна земли, предназначенные для совместного пользования хошоутовского владельца и подвластных ему калмыков, желавших обоседлиться После, когда то и другое стало ясно для Управления калмыцким народом, оно, естественно, обратилось к документам времен Замьяна и астраханского губернатора Бекетова, хранившимся в архиве Управления. Эти документы [105] определенно показали, на каких началах были отведены земли в свое время Замьяну и его калмыкам, а с тем вместе определили и принципиальный взгляд на дарственные земли в Хошоутовском улусе, присвоиваемые Тюменями себе.

Пока в Управлении, не торопясь, собирали исторические справки, и пока устанавливался правильный взгляд на „Тюменевские" земли, Шамбайское дело развертывалось своим чередом. 30 сентября 1907 года аймачные старшины подают жалобу заведывающему Александровским улусом на новую обиду шамбайским калмыкам со стороны Тюменей. Поставленный ими полесовщик запрещает калмыкам рубить колья и собирать хворост в лесу для устройства мазанок и небольших плетневых изгородей к загонам. „С незапамятных времен", пишут аймачные старшины—представители калмыков, „отцы, деды наши и мы проживали, и в настоящее время проживаем, на острове Шамбае, и во все время проживания наших предков и нас, мы ежегодно пользовались из имеющегося на этом острове леса кольями и хворостом для устройства себе небольших зимних жилищ, т. е. мазанок или турлушек, а также и небольших плетневых изгородей для своего небольшого скотоводства. В настоящее же время на остров Шамбай, вот уже 3-ий год, поставлен полесовщик, который в течение всех 3-х лет не давал нам пользоваться ни одною, как говорится, палкою", а это приводит к полному разрушению жилищ. Подходит зима, необходим заблаговременный ремонт жилищ, а материалов нет. Ремонтом озабочено 70 домохозяев, для каждого из них требуется 50 штук кольев и 15 пучков хвороста. Старшины просят заведывающего улусом восстановить право калмыков на порубку кольев и сбор хвороста в лесу и дозволить то и другое поскорее, иначе,— предупреждают они,—если разрешение запоздает, или если оно совсем не будет дано, то калмыки и сами воспользуются нужными для них материалами; „до законного восстановления наших прав на владение Шамбаем", говорят калмыки устами старшин, „мы должны очутиться зимой на открытом воздухе", а этого мы не хотим, хотя вообще „крайне опасаемся", как бы „не пострадать со всеми семействами, в особенности—с малолетними детьми, „живя в своем развалившихся хижинах" [106]. Была ли удовлетворена просьба калмыков, из делопроизводства не видно. Вероятнее всего, Тюмени должны были сделать на этот раз уступку и допустили калмыков в лес нарубить кольев и собрать хворост; в противном случае, калмыки сделали бы это сами, если на самом деле их мазанки перестали быть пригодны для житья в них зимой.

---

[105] Там же, лл. 23—29.

[106] Там же, лл. 6—7.

Наступила весна 1909 года, а с нею начались и новые тревоги для шамбаевцев. „Полесовщик доверенного наследников Тюмень, владельцев острова Шамбай, Першина, Харламий Усынин уже два раза приезжал к нам с требованием от имени Першина немедленно убраться с калмыками с острова Шамбай и не пускать скот свой на выпас", жалуются аймачные старшины заведывающему улусом 19 марта 1909 года и просят его о защите. Передавая жалобу в Управление калмыцким народом, заведующий с своей стороны считает необходимым войти в переговоры с Першиным относительно оставления калмыков на прежнем месте их жительства, при чем упоминает о своем разговоре с Першиным в бытность его в ставке улуса в январе месяце; тогда Першин определенно заявлял, что „считает себя в праве принимать меры к удалению с острова Шамбая калмыков"[107].

Действительно, Першин серьезно замыслил избавиться от калмыков. 17 марта 1909 года он подает прошение от имени Тюменей астраханскому губернатору И. Н. Соколовскому и негодует на „дерзость" шамбаевских калмыков, препятствующих нормальному ведению хозяйства на даче, принадлежащей Тюменям. Наше положение—„слишком тягостное", заявляет он. Бывший арендатор сенокосных лугов на Шамбае Лукинский, разоренный калмыками, пред'явил к нам иск за понесенные им убытки. Теперь калмыки распространили слух, будто „до покосов они никого не допустят и косить будут сами", а если кто-нибудь даже и пожелал бы взять Шамбаевский участок в аренду, то „будет ими разорен: они сожгут сено и всякие постройки". Нельзя этому не верить, так как нечто подобное калмыки один раз уже проделали. Результатом распространяемых ими слухов явилось то, что в нынешнем году никто не решился взять в аренду остров Шамбай. Обрисовав „тяжелое положение" Тюменей и указав на „произвол" и на „незаконные действия" кочующих на острове калмыков, Першин просит губернатора сделать распоряжение о выселении с Шамбая всех кочующих и проживающих на нем калмыков Александровского улуса[108]. Ответ получился, однако, не тот, какого ждали Тюмени. К тому времени в Управлении калмыцким народом уже имелись нужные для ориентировки в замысловатом деле исторические справки, показывавшие, на чьей стороне больше правды. 9 апреля 1909 года Управление поручает заведующему Александровским улусом В. В. Архангельскому раз'яснить калмыкам, проживавшим на Шамбае, что „выселять их никто не имеет права иначе, как по решению судебного места, вошедшему в законную силу"; к сведению калмыков Управление посылало при этом списки с доклада коллегии ин. дел по поводу обоседления Замьяна и с грамоты от 21 августа 1764 года к калмыцкому наместнику Убуши[109]. Того же числа Управление чрез полицию давало знать Першину, что, по существующим законам, его просьба об удалении калмыков, проживающих на острове Шамбае с 1764 года, не может быть исполнена в административном порядке, и что за просителем остается лишь право пред'явить свой иск в подлежащем судебном установлении[110].

---

[107] Там же, л. 21 и об.
[108] Там же, л. 22 об.
[109] Там же, л. 45.
[110] Там же, л, 47 и об.

Исторические документы, свидетельствовавшие о правах калмыков на дарственные земли, подняли настроение шамбаевцев, а когда наступила пора сенокоса, они решили осуществить свои права. Шамбаевцы приступили к покосу сена на лугах, сдававшихся Тюменями в аренду. Заведывающий улусом, 13 апреля приехав на Шамбай, пытался остановить работу калмыков. Те сначала дали согласие прекратить покос, но чрез 3—4 дня по от'езде заведывающего снова принялись косить. Калмыцкий скот кормился на пастбищах Шамбая. Першин был до крайности возмущен „дерзостью" калмыков. Потребовав от заведывающего улусом составления протокола на самовольный выпас скота и на самовольное сенокошение калмыками, он снова обратился с жалобой и к губернатору. Заведывающий улусом не отказал Першину в требовании, составил протокол и даже направил его в суд в порядке уголовного разбирательства. Поступок заведывающего, однако, не был одобрен Управлением, да и калмыков протокол не устрашил. Они твердо заявили, что „никакая сила" не удержит их и не заставит прекратить начатый сенокос, и что скот по прежнему будет пастись на Шамбаевских лугах. В своем докладе в Управление от 19 июля заведывающий улусом хотя и отмечает, что до сих пор, „к счастью, столкновений не было", тем не менее он указывает, что на всякий случай, по телеграмме вице-губернатора Н. Н. Максимова, исправлявшего в то время губернаторскую должность в Астрахани, он уже обратился к енотаевскому исправнику с просьбой прислать стражников „для принятия мер к удалению самовольников-калмыков". С тем вместе, заведывающий улусом просит Управление об указании, следует ли допускать к поселению на острове Шамбае тех крестьян, которым, в числе 150 человек, Першин сдал в аренду Шамбай, и которые уже начали с'езжаться сюда, продав на родине свое имущество, или—следует удалить крестьян [111].

Вице-губернатор Максимов не только дал вышеупомянутое распоряжение о стражниках, но приказал заведывающему Калмыцким народом С. А. Козину выехать на Шамбай для разбора дела на месте. Тот немедленно исполнил приказание, а 25 июля представил Максимову доклад о результатах поездки. Козиным, прежде всего, было установлено, что на пространстве приблизительно одной трети острова, сданной Тюменями в аренду А. Н. Авершину, покос сена производится беспрепятственно арендатором, остальная же часть острова, за исключением непросохших мест, сплошь выкошена калмыками, живущими на этом острове в числе 140 кибиток, и калмыками с лугового берега Волги, в числе 212 кибиток. По подсчету, ими накошено 99 350 снопов, на сумму 1485 рублей. На сено был наложен арест, и оно было сдано на хранение полесовщику Усынину и старшинам Аичик Эрдениеву, Айвя Манджиеву и Церен-Убуши Надбатову, при чем для содействия названным лицам по части лучшей охраны сена и вообще для поддержания порядка в трех пунктах было поставлено по два стражника. После этого Козин собрал калмыков в составе 12 хотонных групп на сход и, об'явив им о своих распоряжениях, потребовал от калмыков прекращения дальнейшего покоса сена, под страхом уголовной ответственности, а также категорически запретил им продавать, свозить и травить скотом накошенное сено и луга, впредь до особого распоряжения губернатора. В ответ на эти речи, сход калмыков единогласно заявил, что „остров Шам-

[111] Там же, лл. 53—54.

бай (Крымский затон тож) искони находится в общем пользовании калмыков с наследниками нойонов Тюмень,—что проживающие на острове Шамбай калмыки всегда косили для себя сено в тех местах, где скосили и в сем году, и что калмыки 7-ми хотонов, проживающие против острова на левом берегу Волги, искони пользовались сенокосом на острове в неурожайные и тяжелые для рыболовного промысла годы". Першин, находившийся тут же на сходе, наоборот, утверждал, что остров всецело принадлежит наследникам Тюмень, и что проживающие на острове калмыки сели и пользовались угодьями в его пределах, то лишь как суб'арендаторы арендаторов имения Тюменей. При этом Першин прибавил, что с 17 июня остров, за исключением одной его трети, арендуемой Авершиным, сдан 34 семействам крестьян, имеющих здесь же и поселиться. Наличие исторических документов о праве калмыков пользоваться дарственными землями совместно с Тюменями побудило Козина предложить сторонам войти в „миролюбивое соглашение" относительно раздела скошенного калмыками сена. Предложение не было принято Першин и поверенный арендаторов, крестьян с Половинки, Шеманаев настойчиво требовали „в первую очередь" удаления калмыков с острова; Першин и Шеманаев не хотели считаться с распоряжением Управления от 9 апреля, призывавшим их терпеливо ожидать решения спорного вопроса в соответствующей судебной инстанции и подчиниться этому решению. Что касается калмыков, то те тоже „отказались от всяких переговоров с Першиным". Стараясь вникнуть в суть аренды, Козин узнал из частных разговоров, что хотя Першин действительно сдавал остров арендаторам, но сами они „отнюдь не эксплоатировали" угодий острова, а оставляли их в пользовании шамбаевских калмыков „за поборы" с отдельных состоятельных калмыков, в последнее же время и таких „арендаторов" на острове не стало. Козин заканчивал свой доклад Максимову следующими предположениями, выработанными им совместно с управляющим гос. имуществами в Астраханской губернии: 1) об'явить Першину, в ответ на его ходатайство о снятии ареста с сена, „яко-бы самовольно скошенного калмыками на острове Шамбай", что, „в виду оседлого проживанья калмыков на острове Шамбай с давнего времени и совместного пользования с наследниками Тюменей этим островом", по силе имеющихся на то документов и узаконений, „он, Першин, имеет обратиться с соответствующим иском в подлежащий суд, получив из Управления калмыцким народом копии с актов осмотра и оценки скошенного сена; 2) о том же об'явить чрез заведывающего Александровским улусом калмыкам, скосившим на острове Шамбай сено, сняв охрану таковаго и лишь оставив стражников для поддержания порядка и спокойствия; 3) об'явить Першину и доверенному его арендаторов, крестьянину Шеманаеву, что поселение на острове Шамбай, населенном калмыками, допущено быть не может, впредь до разрешения вопроса о правах сторон в судебном порядке". Вице-губернатор согласился с предположениями заведывающего калмыцким народом [112]. Шамбаевские калмыки и Першин были поставлены в известность об этом [113].

Того же 25 июля и доверенный Тюменей Першин обратился с прошением к вице-губернатору Максимову. Прежде всего Першин старается обратить внима-

---

[112] Там же, лл. 74—75.

[113] Там же, лл. 73 и 76.

ние управляющего губернией на действия С. А. Козина, как на не отвечающие интересам Тюменей. По телеграмме управляющего губернией и по распоряжению енотаевского исправника,—пишет Першин,—к месту происшествия выехал пристав 1-го стана с стражниками, но Козин „предложил приставу уехать" обратно и, оставив при себе из его команды всего четырех стражников, вместе с заведующим Александровским улусом занялся составлением протокола по осмотру покоса. Повидимому, Першин ждал другого,—он рассчитывал, что заведывающий калмыцким народом, при помощи полиции, прогонит калмыков с острова и предоставит накошенное ими сено в пользование Першина. Этого не случилось. Затем,—рассказывает Першин,—заведывающий калмыцким народом „принял меры к мирному разрешению вопроса посредством соглашения калмыков с крестьянами, арендаторами имения, но калмыки",—уверяет проситель,—„категорически отказались от примирения, заявив: земля—наша"; после того, они снова принялись косить сено, а свой скот продолжают выгонять на Шамбайские пастбища. Першин изображает дело так, что он и арендаторы „имения" Тюменей не прочь были вступить в соглашение с калмыками, но замалчивает важный факт, отмеченный в докладе Козина, именно, что на сходе представитель арендаторов-крестьян Шемапаев „в первую очередь" потребовал удаления калмыков с Шамбая, и что это именно требование особенно возмутило калмыков, привыкших до сих пор так или иначе ладить с арендаторами, почему они и „отказались от всяких переговоров с Першиным". Дальше Першин в своей жалобе говорит, что при создавшемся положении он лишен возможности защищать права своих доверителей посредством судебных исков, так как не несколько лиц, но около 300 калмыков „скопом" вторглось на земли Тюменей. С калмыками, по их многочисленности, нет никакого слада,—„не подчиняясь распоряжениям властей", они косят сено и пасут стада" в чужом имении". Крестьянам-арендаторам они или совсем не позволят воспользоваться остатками сенокоса на острове, или постараются скосить и убрать сено раньше, чем крестьяне соберутся на покос. По существующим законам, даже незаконное владение подлежит охране „от насилия и самоуправства отдельных лиц"; тем более,—рассуждает Першин,—должно быть охранено имение „от самоуправства, учиняемого скопом—лицами, действующими по явному предварительному между собою уговору", а в данном случае он предлагает учесть особенно то обстоятельство, что владение Тюменей „не является ни спорным, ни незаконным", но, наоборот, „представляется бесспорным и законным", почему „в большей или меньшей мере" должно быть ограждено от всяких посягательств на него. Першин просит управляющего губернией" осуществить „меры прекращения самоуправства и удаления калмыков" из имения Тюменей и дать относительно этого соответствующее распоряжение енотаевскому исправнику [114]. Особого ответа на эту жалобу не было,—его заменяло упомянутое сообщение, посланное Першину Управлением калмыцкого народа 31 июля. Не получив еще этого сообщения, Першин телеграфирует 27 июля арендаторам Шамбая, чтобы они приступали к окончательной уборке сена и не допускали бы калмыков кочевать на арендованных участках острова. Першин хочет воспользоваться возвращением в Астрахань губернатора, лично переговорить с ним, подать ему особое прошение и с ответом приехать на Шамбай. Вести дело он приглашает присяжного поверенного Аладжалова и ему же

[114] Там же, л. 73 и об.

поручает пред'явить иск в суде к калмыкам, причинившим убытки арендаторам Шамбайского острова [115].

Прошение, о котором говорится в телеграмме на Шамбай, было подано Першиным 1 августа 1909 года. В большей своей части оно посвящено доказательству прав Тюменей на исключительное владение островом Шамбай и выяснению, почему и на каких условиях допускались на этот остров калмыки. В глазах Першина, доказательством прав на Шамбай той части семьи Тюменей, которой достался остров по разделу 1876 года, является самый факт аренды. С 1883 года и до текущего 1909 года,—пишет он,—остров Шамбай последовательно сдавался в аренду разным лицам на определенные сроки, всегда при этом оставаясь во владении Тюменей, почему и право собственности их на Шамбай „не подлежит никакому сомнению". Что касается калмыков, то их положение определено особым пунктом в каждом из договоров Тюменей с арендаторами, именно: „арендатор не имеет права кочующих на острове калмыков стеснять большим налогом или вытеснять с острова, кроме неблагонадежных". Тюмени, сдавая Шамбай в аренду, „входили, конечно, в интересы калмыков, но не предоставляли им ни права бесплатного сенокошения, ни права бесплатного выпаса скота", так что в тех нередких случаях, когда калмыки, кочуя на острове, „занимались здесь и сенокошением", они делали это „по особому каждый раз соглашению с арендаторами". Правда, и раньше калмыки, привыкшие кочевать на Шамбае, „не раз жаловались на стеснения со стороны арендаторов", тем не менее они „всегда признавали остров Шамбай собственностью гг. Тюмень". В отношении к владельцам острова „домогательства" калмыков „никогда не шли дальше права кочеванья", а сенокошение и выпас скота они всегда производили за плату, „по особому соглашению с арендаторами" Тюменевской земли. Только „теперь калмыки самовольно, минуя арендаторов имения, захватили сенокос на острове Шамбай во имя своих самостоятельных прав на остров. Это и составляет", на взгляд Першина, „захват чужого имущества", требующий вмешательства администрации, о чем Першин убедительно просит губернатора. В просьбе Першину было отказано; ему было разрешено только пред'явить в суд копии протоколов осмотра Шамбаевских сенокосов [116].

Шамбайское дело вызвало, между прочим, отклики в местной астраханской прессе. В газете „Астраханский Листок" появилась статья под заглавием: „Столкновение между калмыками и наследниками кн. Тюмень" [117]. В статье, главным образом, передаются подробности столкновения, показывающие общую хаотичность экономических отношений между калмыцкими „помещиками" и калмыками-простолюдинами, при чем в первой части статьи выражается сомнение в праве Тюменей, наследников Замьяна, единолично пользоваться землями в Хошоутовском улусе. На эту сторону вопроса обращает внимание некий Ф—в [118], автор заметки: „По поводу столкновения между калмыками и наследниками кн. Тюменя" в газете „Астраханский

[115] Там же, л. 79.
[116] Там же, лл. 83—85.
[117] № 164 от 2(15) авг. и № 169 от 9(22) авг, 1909 года.
[118] М. В. Фролов?

Вестник“ [119]. Ф—в берет на себя смелую задачу доказать право Тюменей на исключительное владение хошоутовскими землями. Обнаруживая историческую неосведомленность, автор утверждает, будто в 1792 году Замьяну,—он величает хошоутовского владельца ханом,—„позволено было кочевать в степных угодьях, называемых зимним кочевьем, и, быть может, на острове Круглом, Крымском затоне и Коровьей Луке... Следовательно“,—делается вывод,—„хан Замьянг в 1792 году ничего общего не имел с кн. Тюмень, его калмыками и пожалованными ему землями“. Судьбу подвластных Замьяна Ф—в изображает так: „За смертью хана Замьянга; калмыки его разбрелись по разным улусам, преимущественно оставшись (однако) в Хошоутовском“ улусе. Нет надобности указывать на явные ошибки исторического порядка в приведенных рассуждениях. Из предыдущего нашим читателям известно, что земли были отмежеваны Тюменю только в силу его родственных связей с Замьяном, и что, как наследник своего вотчима Замьяна, он должен был пользоваться этими землями на тех же основаниях, на каких они были предоставлены в свое время Замьяну, т. е. для собственного обоседления и обоседления улусных калмыков. Тюмень не мог получить в собственность земель в астраханском крае, назначавшихся для заселения их помещичьими крестьянами,—по своему „азиатству“, Тюмень лишен был права владеть русскими крестьянами.

Положение на Шамбае продолжало оставаться неопределенным. Арендаторы не особенно считались с распоряжениями администрации и действовали довольно смело, чего нельзя сказать о калмыках, которые предпочитали оставаться на почве законности в действиях и от этого материально проигрывали. 12 сентября 1909 года заведывающий улусом осведомляется у Управления калмыцким народом, как ему отвечать на запрос калмыков, имеют ли они право пользоваться кольями и хворостом из Шамбайского леса для постройки и ремонта жилищ, заборов, изгородей и пр., а также возможна ли дальнейшая вкочевка на остров калмыков, живущих в степном районе улуса. 10 октября Управление сообщает, что впредь до судебного решения по спору Тюменей с калмыками оно лишено возможности давать какие-бы то ни было указания по поставленным вопросам, и что в этом смысле заведывающий улусом должен отвечать и калмыкам. 17 сентября заведывающий улусом, доводя до сведения Управления о приеме Авершиным нескольких человек крестьян в качестве компаньонов по аренде и о том, что крестьяне предполагают прочно обосноваться на острове, спрашивает Управление, можно ли допускать товарищей Авершина по аренде к поселению на острове. Управление отвечает от 10 октября, что заведывающий улусом должен немедленно об'явить крестьянам третий пункт известного ему доклада заведывающего калмыцким народом от 25 июля и раз'яснить, что этим пунктом запрещается поселение крестьян на острове до тех пор, пока не будет разрешен вопрос о правах сторон в судебном порядке [120]. От 23 ноября заведывающий улусом пишет в Управление, что крестьяне, допущенные Авершиным к пользованию заарендованным участком № 1 на половинных началах и устроившиеся на острове, отказались уйти отсюда до окончания срока аренды, почему

---

[119] № 5869 от 9 авг. 1909 года. Вырезки из обоих названных газет имеются в цит. деле КОА, лл. 80—81.

[120] Там же, лл. 123—125.

просит разрешения „применить к самовольникам“ соответствующую статью Положения об инородцах [121]. Управление не решилось уполномочить на это заведывающего улусом, не снесясь предварительно с министерством, а пока велась переписка, крестьяне не только начали основательно обстраиваться на острове, но поговаривали уже и о расширении поселка с приходом односельчан. 7 мая 1910 года шамбаевские калмыки с Мухара Дакгаевым во главе жалуются в Управление, что на верхнем участке острова с осени прошлого года поселилось дворами около 20 крестьянских семейств из Саратовской губернии, и что ожидается прибытие сюда еще „многих крестьян“ из той же губернии. Крестьяне, поселившиеся на калмыцкой земле „вопреки закона“, владеют островом, как собственностью: они рубят лес, собирают хворост, производят запашки земли и круглый год ловят рыбу в ильменях и ериках неводами и сетями незаконного размера. Калмыков, „коренных жителей“ острова, они всячески притесняют; захватывают у них скот, держат его неделями на базах без корма, требуют выкупа за захваченный скот, стреляют по калмыкам из ружья, беспощадно бьют калмыков, когда они попадаются им по одиночке, грозят перебить всех калмыков и сжечь у них жилища и сено. Вообще, крестьяне „всяческими мерами“ стараются донять калмыков и заставить их уйти с острова, чтобы иметь возможность всецело пользоваться его угодиями. По сведениям калмыков, крестьян в их действиях поощряет Першин. Он им говорит, что если удастся вытеснить калмыков с Шамбая, то он, Першин, сдаст остров в полную аренду крестьянам за дешевую плату. Обрисовав общее положение дела, калмыки рассказывают о таком недавнем случае. 4 мая крестьяне, с арендатором Авершиным во главе, стали делать запруды в ильменях и ериках, в целях не выпускать рыбу обратно, и принялись ловить рыбу незаконными орудиями лова. На вопрос калмыков, зачем они так поступают, и на указание, что рыболовные воды принадлежат не крестьянам, а им, калмыкам, крестьяне отвечали: мы—полные хозяева на этом острове и скоро прогоним вас, калмыков, отсюда раз навсегда; чтобы напугать калмыков, крестьяне дали выстрел из револьвера и посоветовали им убраться с острова, пока целы. Калмыки не испугались угроз; они отобрали у крестьян невода и лодки, а затем представили то и другое волостному старшине для составления протокола на незаконный лов рыбы в водах, принадлежащих калмыкам при том еще—неводами не положенных по закону размеров. Мстя за это, крестьяне начали каждый день учинять набеги на калмыков и отнимать у них скот, а по ночам—стрелять из ружья в хотоны. Калмыки чувствовали себя „в критическом положении“ и ждали от крестьян „страшных ударов“; они боялись даже убийств. Обращаясь за защитой к Управлению, калмыки просили, „если это возможно“, выселить крестьян с острова, „в избежание дальнейших неприятностей“ [122]. Прошение калмыков было присоединено к материалам для доклада в министерство, но, в конце концов, было оставлено без последствия, в виду об'яснений, какие представил в Управление заведывающий Александровским улусом от 8 ноября 1910 года. Проверив факты, выставленные калмыками, он нашел, что „жалоба далеко не соответствует действительному положению вещей“. Прежде всего, на участке Шамбая, арендованном Авершиным, поставлено всего 5—6 хибарок, в которых живут крестьяне суб'арен-

[121] Там же, л. 114.
[122] Там же, лл. 129—130.

даторы и рабочие Авершина. Они будут снесены по окончании срока аренды, согласно данной в том Авершиным подписки. Арендуемый участок Шамбая не отгорожен от других участков, ранее эксплоатировавшихся самими Тюменями, поэтому калмыцкий скот заходит на участок Авершина и производит там потраву подножных кормов и сена, сложенного в стога. Калмыки не считаются ни с предупреждениями арендатора, ни с вразумлениями заведывающего улусом,—они позволяют себе пускать скот на пастбища заарендованного участка. „Скажу больше", пишет заведывающий, калмыки „не желают признать, по своему упорству и невежественности, чужое право собственности и право защиты имущества от расхищения". По поводу потравы кормов и сена калмыцким скотом в улусном управлении имеется много жалоб от Авершина, который об'ясняет, что „в силу необходимости" он принужден задерживать скот на потравах и взыскивать с скотовладельцев убытки по закону. Тюменевскому волостному старшине дано было специальное предписание об'явить калмыкам, чтобы они не пускали скот пастись на чужой земле, и раз'яснить порядок взыскания за потраву. Заведывающий улусом и сам ездил на Шамбай, чтобы поговорить об этом с калмыками и урезонить их. Случай с неводами и лодками по об'яснению заведывающего представляется в таком виде. В первых числах мая поступило заявление от Авершина о покраже у него калмыками лодки, невода, лошади и других разных вещей на сумму 494 руб. 10 коп. Он указывал, как на виновников кражи на Эрдениева, Бирючкаева и др. По этому началась следствие. Когда калмыки узнали о жалобе Авершина, они в свою очередь обратились к волостному старшине за составлением протокола по поводу незаконного лова рыбы в ильменях арендатором Авершиным. Протокол был отправлен на распоряжение управляющего Волжско-Каспийскими рыбными и тюленьими промыслами. Заведывающий улусом признает, однако, что Авершин своими частыми захватами калмыцкого скота и требованиями „добровольного возмещения убытков" озлобил против себя калмыков, и те стали „всячески донимать его: красть скот, сено, произносить угрозы и т. п.". Но,—тут же прибавляет улусный попечитель,—Авершин „справедлив в своих заявлениях", как показывает их проверка, между тем „калмыки, к сожалению, сильно грешат в своих (заявлениях), желая „не мытьем, так катаньем" донять Авершина", как арендатора Тюменей, с которыми у калмыков ведется земельный спор из-за Шамбая [123].

Доказать право на исключительное владение Шамбаем Тюменям не удалось. Больше того, они должны были расплачиваться по иску, пред'явленному к ним Камышинскими крестьянами, которым имели неосторожность сдать остров в аренду на 15 лет по контракту. Когда крестьяне явились на Шамбай, администрация заставила их удалиться отсюда. Это было в 1911 году [124].

V.

Отголоски Шамбайского дела.

Вскоре после оформления прав хошоутовских калмыков на пользование угодьями острова Шамбая, у них произошло столкновение с зайсангом Надбитом Улюмд-

[123] Там же, лл. 131—1 2.
[124] Там же, л. 145.

жиевым. Суть этого столкновения представители калмыков Манджи Хундруев, Цатан Хазлаев и Манджи Сармадаев изображают в заявлении, поданном ими в Управление калмыцким народом от 12 июля 1911 года. Они указывают на игнорирование зайсангом Улюмджиевым постановления власти об отдаче Шамбайских угодий в общее пользование калмыков и жалуются на самоуправство зайсанга. Улюмджиев, „имеющий на острове 350 штук скота и дом в тысячу рублей, без всякого повода со стороны бедных калмыков, которых там 50 дворов, стал выгонять скотину и не стал давать косить сено, вследствие чего бедным приходится или бросать родину, или же умирать, так как кормиться совершенно нечем". Калмыки просят Управление обуздать зайсанга, который обижает бедноту и „хочет один владеть всем островом". На дознании 7 августа калмыки показали нечто другое. Хони Оросов, Манджи Сармадаев и Манджи Хундруев говорили так: почти половину нашего сена на острове Шамбае самовольно сняли в нынешнем году калмыки Гранькина хотона, с Паран Балдыровым во главе. Они косили в 24 косы, собрали больше 4 тысяч снопов и продали сено другим Кроме того, 2 тысячи снопов накосил лесной сторож Першина, казак Харлампий Усынин и сложил сено у себя. Калмыки считают сенокос своим, так как сенокосный пай достался им по разделу хотонного общества. Самый хотон находится не на Шамбае, а на ерике Шабчирачи вблизи Волги на луговой ее стороне. Возле хотона тоже есть сенокос, но небольшой; он может дать не свыше 500 снопов. Просьба калмыков сводилась теперь к тому, чтобы сделано было распоряжение отобрать от Усынина и от Гранькинских калмыков незаконно накошенное ими сено, или взыскать с них стоимость сена в пользу тех, кому оно должно было принадлежать по праву. Тут же калмыки прибавляли: „зайсанг Улюмджиев нас с Шамбая не прогонял, а только удалил Гранькинских калмыков с их паев, сам выкосил их, а Гранькинские, в наше отсутствие, успели выкосить наш пай; мы приехали косить но свою траву уже не захватили". С своей стороны Улюмджиев 11 августа пишет в Управление, что он считает ни на чем не основанной жалобу Оросова и Хундруева на то, будто он, Улюмджиев, отнял у них покос на Шамбае и прогнал их с острова. „Эти лица",—пишет зайсанг,—„никогда и ни в какое время не пользовались на острове Шамбае сенокосными паями, а также никогда они не жили и не живут на этом острове". У них даже нет и скота, а если они берут сенокосные паи, то только для того, чтобы продавать накошенное сено и выручать за него деньги. Ни у одного из этих лиц, говорит Улюмджиев, нет ни жены, ни детей, ни кибитки. Они живут „бродяжническим промыслом". Их дело только „творить разные кляузы и раздоры между мирными жителями". Подать жалобу их настроил „кто-нибудь из таковых же вольнодумцев", способный „запятнать и чернить честных людей". Наконец,—утверждает Улюмджиев,—никто из калмыков и никогда не заявлял претензию на то, „чтобы я отнял у кого-нибудь пай—сено и выгнал хозяев с острова Шамбая". Улюмджиев просит удостовериться у Шамбаевских калмыков, способен ли он вообще на подобного рода „штуки". Еще прадеды его жили на Шамбае и сам он 25 лет пользуется на острове „сенокосным углом", где накашивает от 15 до 20 тысяч снопов в год. На этом уголке я ни с кем не имел и не имею споров, так как он принадлежит мне издавна без всяких споров",—так заканчивает зайсанг Улюмджиев свое об'яснение, которое повторяет в существенном 17 августа. Дознанием было установлено, что сенокос, на захват которого жаловались

калмыки, принадлежит сонаследнице Тюменей, Першиной. С 1909 года сенокос состоял в аренде у камышинских крестьян, которые теперь удалены с Шамбая и ведут тяжбу с Першиной в суде, в виду нарушения контракта. 1 марта 1912 года Управление калмыцким народом постановило отказать Хундруеву и другим калмыкам в удовлетворении их просьбы о сенокосе. Столкновение калмыков с Улюмджиевым как-то отошло на задний план и перестало вызывать интерес, когда выяснилось, что зайсанг сам расположился хозяйством на земельных угодиях Першиной [125]).

Остается сказать несколько слов о попытке другой семьи тех же Тюменей удержать за собой угодия на луговой стороне острова Шамбая и отстранить калмыков от пользования ими. По разделу 1876 года, луговая сторона Шамбая с островом Тонкин-Арелль, с Песчанскою и Митинскою ватагами и с рыболовными водами, в количестве 6338 десятин 2033 саж. удобной и неудобной земли, досталась вдове и сыну Церен-Норбо Тюменя [126]). 29 июня 1912 года Эльзете Тюмень; опекунша детей Батыки Тюменя, умершего сына Церен-Норбо, просит Управление калмыцким народом оградить ее земельные права от посягательства на них калмыков Александровского улуса, позволяющих себе вторгаться на земли Тюменей и захватывать эти земли [127]). С своей стороны, и калмыки 7 хотонов в лице Тиха Манджиева, Манджи Басангова и др., в декабре того же 1912 года подают жалобу губернатору на притеснения, какие приходится им испытывать со стороны управляющего имением Тюменей, Мазаева. Упомянув о выслушанном на сходе в 1909 году раз'яснении относительно права пользования дарственными землями вместе с Тюменями, калмыки пишут: лет 7 тому назад, нойонша Тюмень построила в черте калмыцких кочевий на левом берегу Волги в местности Тюменевке дом и хутор. В управляющие она взяла Мазаева, который стал притеснять калмыков. «Мы», жалуются калмыки, „терпели, насколько это было возможно, но в настоящее время Мазаев дошел до того, что решительно хозяйничает в сей даче, как хочет: загоняет наш скот и только за выкуп отпускает назад, требует с нас арендную плату за маленькие клочки земли, на которой мы кочуем, и считает себя вправе, когда ему вздумается, даже загонять нашу скотину и прямо из хотонов. Уйти нам с этой земли некуда, так как мы—люди бедные и с давнего времени проживаем в этой даче с своим скотом". Калмыки просят сказать им, верно ли они понимают свои права по части землепользования в том районе, где они издавна кочуют. По своей бедности, они не могут судиться с своими обидчиками и ждут защиты от губернатора, который имеет власть «пресечь незаконные действия управляющего Мазаева» и заставить его прекратить „насилие над бедными людьми". «До нашего сведения дошло», прибавляют калмыки, «что управляющий Мазаев даже хочет сдать землю, на которой мы кочуем, в аренду постороннему лицу, и если он такое насилие допустит, то мы решительно теряемся, как нам тогда жить» [128]). 20 июня 1913 года Управление калмыцким народом предписывает заведывающему Александровским улусом „об'явить под расписку наследникам Батыка Тюмень, чтобы они не позволяли своим доверенным своевольно лишать калмыков 7 хотонов, соседних с владениями Тю-

[125]) Там-же, лл 135—142, 145—148.
[126]) Там же, л. 36.
[127]) Там же, л. 149.
[128]) Там же, л 158 и об.

меня, пользоваться Шамбайской дачей, предоставленной Тюменям в совместное пользование с калмыками; в противном случае, будет поднят вопрос о разграничении этого общего владения в установленном порядке»[129]. Несмотря, однако, на подписку, данную С. Д. Тюменем и М. Б. Тюменем[130], опекунша их Эльзете Тюмень продолжала стоять на своем и отказалась взять обратно прошение, поданное ею губернатору в июне 1913 года о выселении калмыков Александровского улуса из дач Шамбай и Коровья Лука за неплатеж оброка. А оброк был такой: за пользование кочевьями и сенокосами на Машкиной косе с 25—30 кибиток взималось Тюменями 300 рублей в год. Калмыки-арендаторы Круглинского острова, в числе 50—60 кибиток, платили 175 рублей в год, при чем каждый хозяин был обязан накосить по 1 тысяче снопов сена и нарубить по 2 сажени дров в пользу владельцев. На Коровьей Луке существовала исключительно натуральная повинность: за свой пай снопов в 600 каждый калмык должен был накосить Тюменям 100 снопов и нарубить сажень дров. Приводимые сведения о видах и размерах оброка относятся к 1909 году[131],—в последующие годы, надо полагать, оброк увеличился.

Губернское правление от 8 августа запросило Управление, есть ли какие-нибудь основания к удовлетворению просьбы нойонши. От 13 августа Управление ответило с определенностью: „Притязания вдовы-нойонши Эльзете Тюмень на исключительное пользование урочищами Шамбай и Коровья Лука не имеют под собой законной почвы". Указав затем на исторические данные касательно порядка пользования дарственными землями в Александровском улусе, не потерявшие значения, Управление прибавляло: „По сим основаниям и в виду созданного произволом Тюменей ненормального положения в землепользовании на Коровьей Луке и Шамбая, где Тюмени ведут себя как собственники, сдавая землю в аренду посторонним лицам, а последние уже калмыкам, законным владельцам, Управление калмыцким народом намечает в ближайшем будущем программу действий", сводившуюся к мерам по разграничению земельных угодий на собственно Тюменевские и на угодья улусных калмыков[132]. Но пока составлялась „программа действий", Тюмени догадались убрать управляющего их имением Мазаева, досаждавшего калмыкам, и те успокоились[133]. От 27 августа Губернское правление сообщило Управлению калмыцким народом, что прошение Эльзете Тюмень оставлено без последствий[134].

Таким образом, администрация не ставила общего вопроса о праве Тюменей на пользование дарственными землями в Хошоутовском улусе. Проектируя разграничение землепользования между Тюменями и калмыками, администрация, как будто, признавала земельные права Тюменей не подлежавшими сомнению. Управление калмыцким народом исходило из факта, что с 1764 года в законе не последовало изменений по части порядка землепользования в Хошоутовском улусе. Это—верно, но

---

[129] Там же, л. 162 и об.

[130] Там же, л. 165.

[131] Извлекаем эти сведения из издания „Материалы стат.-эконом. и ест.-истор. обследования Калмыцкой степи Астраханской губернии. Часть I. Астрахань. 1910", стр. 205.

[132] КОА, д. цит. выше, лл 168—170.

[133] Там же, л. 156.

[134] Там же, л. 171.

акт 1892 года был таков, что он должен был бы внести коренное изменение и по части землепользования в этом улусе. Ведь земельные угодия были предоставлены Замьяну и Тюменю, как хошоутовским владельцам; земли были предназначены для специальной цели обоседления калмыков. С потерей владельческих прав, Тюмени должны были лишиться и принадлежавших им земельных прав. Но особое положение и особые условия землепользования в дачах Хошоутовского улуса не были приняты во внимание в 1892 году, а отсюда получилось то, что Тюмени и после 1892 года продолжали трактовать себя землевладельцами.

„Мировая“ 1913 года имела последствием внешнее урегулирование отношений между Тюменями и хошоутовскими калмыками. Тюмени примиряются с необходимостью довольствоваться своей долей в дачах общего с калмыками земельного пользования и избегают притязаний на те земельные участки, которые считались принадлежавшими калмыкам по давности их кочевий там. Не останавливаемся на сравнении размеров и экономической мощности Тюменевских и калмыцких земельных участков и водных угодий. Не говорим и о далеко не равномерном распределении продукции земельных и водных угодий. Само собой понятно, что львиная часть угодий и доходов оставалась за Тюменями, натерпевшиеся же горя и покорные судьбе калмыки были удовлетворены даже тем, что их не гонят с кочевий и позволяют по-прежнему жить там, где жили их деды и отцы. Тюмени не вели самостоятельного хозяйства. Они сдавали свои владения в аренду, предоставляя трудиться другим, сами же, как и повсюду крупные помещики, пожинали плоды чужих трудов.

Революция заставила калмыков здраво но смотреть на вещи и дала им силу отстаивать свои права. Еще 15 марта 1917 года на Хошоутовском улусном с'езде был поднят и подвергся обсуждению вопрос о Шамбайской «рескриптной» даче, о Коровьей Луке, Крымском затоне и Круглинском острове, с их водными, сенокосными и лесными угодиями. Было признано, что всеми этими угодиями, некогда назначенными в совместное пользование хошоутовских нойонов и улусных калмыков, преимущественно владеют Тюмени, вследствие громадного влияния их на народ, не осмеливающийся протестовать. Такое „неправильное пользование Тюменей постановляем прекратить“, сказали калмыки на с'езде. За Тюменями было оставлено тогда право землепользования на одинаковых со всеми калмыками условиях. Что касается Тюменевских арендаторов, то им было разрешено оставаться на местах впредь до окончания срока аренды, а плату за аренду—вносить в аймачное управление, в доход улусных средств. Митинские рыболовные воды, аренда которых кончалась в 1917 году, должны были перейти в общее пользование калмыков; в такое же общее пользование их имели поступить и все прочие Тюменевские угодия, по мере окончания срока аренды [135].

Изложенное постановление Хошоутовского с'езда относится к периоду февральской революции. Октябрьская революция внесла новые начала в строительство калмыцкой жизни и экономики. Тюмени определенно перешли тогда на сторону противников советской власти и за это поплатились. Октябрьская Революция показала, что между их интересами и интересами народа нет ничего общего. Калмыки сами

---

[135] КОА, ф. 79, д. 1917 года. № 1, лл. 44 об.—45.

принялись за строительство новой жизни и повели его умело, как это показали уже ближайшие опыты и примеры в области землеустройства того же Хошоутовского улуса. В 1919 году понадобилось урегулировать пользование сенокосами на Шамбае между жителями 7 калмыцких хотонов и одного русского поселка. Дело заключалось не только в том, что в 1918 году жители русского поселка накосили себе от 10 до 15 тысяч снопов сена, тогда как калмыкам удалось собрать гораздо меньше, но и в том, что Эркетеневский, Шангутовский и Улюмджиевский хотоны оказались „до невозможной степени“ стесненными другими хотонами и русским поселком по части пользования сенокосами. Поэтому представители названных трех хотонов просили, „во избежание могущих возникнуть недоразумений и, возможно, даже беспорядка на почве раздела сенокосных угодий, сейчас же приступить к правильному разделению сенокосных угодий на острове Шамбае между жителями последнего, не исключая русского поселка“ [136]. Недоразумение было устранено посредством мирного соглашения заинтересованных сторон.

Приложение.

КОА, д. по 1 ст. УКН за 1907 год, в. 70, № 23, л. 16 и об.

„Геометрический специальный план Кавказского наместничества Астраханского уезда отведенной земле по указу Кавказского наместнического правления из казенных земель между станиц Замьяновской и Сероглазовской во владение калмыцкому владельцу г-ну премьер-майору князю Тюменю.

Межевание учинено февраля 27 дня 1792 года черноярским уездным землемером Емельяном Кудашевым. Внутри которого владения, от всех смежных земель одною окружною межою обойденного, по нынешной мере состоит к хлебопашеству способной земли сто пятнадцать десятин, тысяча двадцать шесть квадратных сажен;

в луговой стороне в займище—сенных покосов три тысячи девятьсот пятьдесят шесть десятин, двести девяносто шесть квадратных сажен, мелкого дровяного леса сто шесть десятин, тысяча триста квадратных сажен;

под Дворниковой ватагой—одна десятина, тысяча девятьсот шестьдесят две квадратные сажени;

под рекой Волгой—тысяча шестьсот пятьдесят десятин;

под Фоминой Воложкой—сто сорок десятин, четыреста квадратных сажен;

под Митиной Воложкой и Митинским Затоном—триста тридцать шесть десятин, тысяча девятьсот двадцать квадратных сажен;

под ериками: Казачьим—сто тринадцать десятин, восемьсот квадратных сажен; под Шагур-Ауром—сто две десятины, тысяча шестьсот квадратных сажен; под Широким—двадцать одна десятина, сто квадратных сажен;

---

[136] КОА; см. в д. Хошоутовского земства за 1919 год, ф. 79, в 2, № 39, лл. 19—20.

под Ахтубой от приверха Сухой Ахтубы до Поперечного ерика—41 дес. 1600 кв. сажен;

от Поперечного ерика на низ до ерика Казачьего половиною Ахтубы 75 десятин;

под половиною речки Кичкабарки от приверху ее на низ до изгибины, где Сероглазовское займище кончается, 20 дес. 120 кв. саж:

под речкою Кичкобаркою и от изгибины до ухвостья речки Песчанки 95 дес.;

под половиною реки Песчанки 31 дес. 320 кв. саж.;

под бичевником по обе стороны реки Волги 43 дес. 80 кв. саж.;

под большою дорогою 46 дес. 1600 кв. саж.;

под кочевными дорогами 20 дес. 900 кв. саж.;

под мелкими ериками, озерами, оврагами и болотами 1619 дес. 296 кв. саж.;

под солонцоватою землею 6476 дес. 1946 кв. саж.:

под песчаными разбугорьями 652 дес. 261 кв. саж.;

в острове Шамбае или Песчаном мелкого леса 1236 дес., 120 кв. саж.; сенных покосов 355 дес. 1078 кв. саж.; под речкою Винновкой (л. 16) и Винновским Затоном 92 дес. 1200 кв. саж.; под Бурбатовым ериком 5 дес. 1500 кв. саж.; под песчаными местами, ериками, болотами и озерами 623 дес. 1450 кв. сажен.

А всего во всей окружной меже 17985 дес. 275 кв. саж., а за исключением рек, речек, озер, болот, ериков, оврагов, песков, солонцеватой земли, дорог, бичевников, что под строением ватаги, остается одной удобной 5769 десятин 1420 кв. сажен" (об.).

1. IX. 30.

Табун-Арал

I

Начальная история Табун-Арала,—как земельного участка.

Под названием Табун-Арал или Тавын-Арал у калмыков известна местность по обоим берегам Волги в б. Хошоутовском улусе, входящем теперь в Приволжский район Калмыцкой Области. В переводе с калмыцкого языка на русский „Табун-Арал" или „Тавын-Арал" значит „Пять Островов". Калмыки присвоили такое название указанной местности потому, что она разделяется ериками на пять, кругом омываемых частей в виде островов не равной величины. У русских эта местность была больше известна под названием Черной Гряды.

По довоенным официальным данным, Черная Гряда включала в себе 4049 десятин 183 сажени удобной и 4565 дес. 2229 саж. неудобной земли; всего —8615 десятин 12 саженей. Из них на 75 десятинах рос лес. 3 десятины были заняты рыболовными ватагами.

Подобно многим другим земельным участкам в прежнем Астраханском крае, Черная Гряда относилась к разряду так называемых диких или пустопорожних земель, принадлежавших казне. Эта земля довольно рано возбудила интерес к себе со стороны русских крестьян, бродивших по берегам низовья Волги в поисках удобных мест для поселения. Вскоре после того, как в 1742 году в Енотаевской Луке была устроена крепость, на Черной Гряде мы видим уже крестьянский поселок. От северо-западных границ Черной Гряды Енотаевская крепость отстояла в 40 верстах. Под ее защитой крестьяне поселка могли чувствовать себя в безопасности от кочевнических набегов и заниматься хозяйством, заключавшимся преимущественно в рыболовстве. К 1746 году на Черной Гряде поселенцев собралось уже „не малое число", но крестьянский поселок пока не имел еще прав на легальное существование. Разрешение устроить церковь на поселке в том же 1746 году до известной степени упрочивало положение поселенцев и сообщало ему вид некоторой легальности. В 1762 году здесь имелись 4 рыболовные ватаги и, кроме того, по близости находились еще 3 таких же ватаги [1].

Новая полоса жизни для поселенцев на Черной Гряде наступила с 1765 года, когда был издан манифест о продаже пустопорожних земель помещикам в целях заселения таких земель крестьянами [2]. Свободным до сих пор поселенцам предстояла теперь перспектива или быть удаленными с занятого ими места, или же попасть во власть того помещика, которому имела быть продана земля. В неопределенном положении прошло несколько лет. В 1772 году Черную Гряду купил

---

[1] *П. Г. Любомиров*, „О заселении Астраханской губ. в XVIII веке", в ж. „Наш Край" за 1926 г. № 4, стр 61; отд. отт., стр. 8

[2] Манифест от 19 сентября 1765 года; см. Полное Собр. Законов (ПСЗ), т. XVIII, № 12474, стр. 329—339.

помещик Сушков, с обязательством заселить эту землю крестьянами [3]. Повидимому, он не располагал возможностью к тому и поэтому, особенно не тревожа наличных поселенцев, удовлетворялся сбором податей с них, а сам уплачивал в казну поземельные в размере 5 коп. с десятины, как это требовалось условиями покупки. Эксплоатация рыбных ловель посредством крестьянского труда на Черной Гряде составляла, конечно, главную приманку для ее владельца, но это не отвечало общим задачам заселения пустых земельных пространств, „дабы они впусте и бесплодно не оставались", как это было сказано в сенатском указе от 14 марта 1766 года [4]. Другим указом сената, данным в 1772 году специально в руководство администрации Астраханского края и предусматривавшим возможность покупки пустопорожних мест здесь исключительно «только для того, чтобы по оным воспользоваться рыбными промыслами и сопряженными с тем доходами", определенно устанавливался 6-ти летний срок для заселения купленных земель, с предупреждением, что в противном случае земли будут отняты у неисправных владельцев и отданы другим за ту же цену [5].

Наличие строгого распоряжения не мешало, однако, Сушкову, как и другим, подобным ему приобретателям пустопорожних земель в Астраханском крае, владеть Черной Грядой без заселения ее крестьянами. Низовья Волги были в ту пору настолько пустынны, что местная администрация не находила побуждений энергично настаивать на выполнении отдельными землевладельцами сенатского указа 1772 года. А 22 декабря 1782 года последовал новый указ, отдававший „в единственное распоряжение", князя Гр. А. Потемкина право „раздавать" свободные земли по Моздокской линии желающим взять их „под поселение" крестьян, при чем ставилось одно только условие, чтобы при переводе сюда крестьян соблюдался „во всей точности" указ от 20 ноября того же 1782 года, излагавший общие правила перевода помещиками их крестьян из одной губернии в другую и из одного уезда в другой [6]. Право раздавать земли по Моздокской линии перешло от князя Потемкина к его племяннику, генералу П. С. Потемкину, который нашел возможным ввести в практику раздачу земель не по одной только Моздокской линии, но и по всему Астраханскому краю. В низовьях Волги наступил период какой то земельной вакханалии. Разве только тот не пользовался случаем получить в собственность казенную землю, кто это не хотел. Забота о заселении земель крестьянами всего меньше занимала новых помещиков. В Астраханском крае их привлекали не самые земли, вообще мало пригодные для хлебопашества, а, как это предусматривалось в 1772 году, манила легкая нажива у богатых рыболовных вод на Волге и по северо-западному побережью Каспия, частью входивших в состав отдельных земельных участков, частью же соприкасавшихся с ними. Рабочую силу в достаточной мере давал сюда бродячий крестьянский элемент, составлявший текучее население края, главным же образом предоставляла ее калмыцкая беднота, искавшая средств существования наймом на рыболовные промысла. Калмыцкий труд был весьма выгоден для нанимателей. Он расценивался дешево, и, кроме того, из пригнетенных нуждой степняков можно было безнаказанно выжимать жизненные соки на тяжелой неводной работе, на ко-

---

[3] Указы на владение Черной Грядой были выданы Сушкову 16 февраля 1772 года.
[4] ПСЗ, т. XVII, № 12595, стр. 609.
[5] П. Г. *Любомиров*; цит. изд., стр. 65; отд, отт., стр. 12.
[6] ПСЗ т. XXI, № 15619, стр. 784, и № 15549, стр. 709.

торую преимущественно и брались калмыки. Астраханские помещики из знати, не проявляя большого интереса к земельным приобретениям, как таковым, всегда ревниво оберегали свои права на воды, так что в отдельных случаях правительству приходилось силой отбирать у них воды и обращать в казну, хотя и с солидной компенсацией им за это [7].

Воды Черной Гряды не принадлежали к числу богатых, да и не были велики размерами. В 1811 году Сушков продает Черную Гряду московскому купцу Малышеву [8]. Сделка была оформлена 19 октября того же года, применительно к указам от 12 декабря 1801 года и от 24 апреля 1802 года, разрешавшим приобретать землю купечеству, мещанству и всем вообще лицам, не исключая даже крестьян, пользовавшихся правами на то, если покупатель земли имел в виду открыть на ней полезное для государства промышленное предприятие. Малышев хотел завести на Черной Гряде суконную фабрику и рассчитывал обслуживать ее покупными крестьянами. Однако, ему не долго пришлось владеть купленной землей. В 1818 году в сделку Сушкова и Малышева вступился сенат и, потребовал ее уничтожения на том основании, что Сушков „купленную им из казны для населения землю, не заселя, продал оную купцу, не имеющему права владеть крестьянами". Хотя купец Малышев и выражал намерение устроить на той земле суконную фабрику с покупными к ней крестьянами, но,—находил сенат,—„сие означает одно только домогательство его удержать сию, поступившую к нему по неправильной продаже от Сушкова землю за собой", так как устройство фабрики не есть заселение, а покупные крестьяне, по смыслу доклада от 30 июня 1808 года, могут оставаться при предприятии лишь временно, почему они—„не крепки ни для покупщика, ни для фабрики". Покидая фабрику по истечении обусловленного срока, такие крестьяне „равно покупщика и самую землю обнажают". При всем том, работа фабричная относится собственно к мастерству, и на нее нельзя смотреть как на «хлебопашество и другие крестьянские занятия", способствующие прикреплению к земле. Поэтому, „заведение фабрики с покупными крестьянами на земле, купленной им (Малышевым) от Сушкова, не может никак заменить прочного поселения, каковое должен Сушков выполнить на той самой земле, по кондиции продажи ему оной от казны». В виду изложенных соображений, сенат, высказываясь за признание сделки Сушкова с Малышевым незаконной и не отвечающей основной задаче заселения «диких и необитаемых мест в Астраханской губернии на пользу государственную и общественную, считал необходимым отобрать землю от Малышева и вернуть ее снова Сушкову, с вменением в обязательство последнему заселить ту землю крестьянами „непременно в шести-летний срок". Подобное же обязательство сенат предлагал взять и со всех вообще владельцев диких и необитаемых земель, иначе,—рассуждал он,—покупщики их, уплачивая в казну только один ничтожный пятикопеечный поземельный сбор и сдавая земли с явной выгодой для себя в оброк без заселения, совсем перестанут заботиться о последнем, будут отдалять заселение

[7] *Н. Н. Лебедев*, „Кому должна принадлежать казенная береговая полоса Каспия". Оттиск из №№ 220, 231, 236, 255, 256, 259, 264, 265, 270, 271 и 272 газеты „Астраханский Листок" за 1902 год. Брошюра издана в 16 долю листа, на 1—75 стр. Относящиеся к затронутой теме данные см. на стр. 10—20.

[8] Купец называется в печатных материалах Малышевым, по архивным же документам, он—Мамышев.

«до бесконечности», да даже, „может быть, и никогда не заселят“ приобретенных земель. Это—недопустимо. При таком отношении „истинная цель правительства осталась бы навсегда без приведения в надлежащее действие, и кондиция продажи казною земли совершенно не исполнилась бы“. Государственный совет присоединился к мнению сената. Как видно из указа от 31 марта 1818 года, он нашел „уважения“, приведенные сенатом к уничтожению сделки Сушкова с Малышевым, „основательными и государственной пользе соответственными“ и, оставив владение Черной Грядой за Сушковым, обязал его, „во-первых, возвратить Малышеву беспрекословно взятые от него за сию землю деньги, с совокупным удовлетворением его, Малышева, и в законных издержках, при покупке оной сделанных, и, во-вторых—заселить крестьянами землю сию непременно в течение шести лет“[9].

Этим заканчивается начальный период в рассказываемой истории. В дальнейшем ее течении в качестве главных действующих лиц выступают, с одной стороны, сын и наследник первого покупщика земли, д. с. с. Сушкова, чиновник 7 класса П. В. Сушков, а с другой—хошоутовский нойон, полковник Сербеджап Тюмень.

II

Покупка Черной Гряды Тюменем.

Сербеджап Тюмень приторговал у П. В. Сушкова Черную Гряду с рыболовными при ней водами в сентябре 1819 года за 74 тысячи рублей. Сначала он заплатил Сушкову 24 тысячи, остальные же 50 тысяч обязался уплатить по получении разрешения на приобретение земли. Тюмень, „по азиатству“ и как „идолопоклонник“, не мог иметь „крестьян христианского исповедания“, а между тем только ими и указывалось заселить Черную Гряду. Однако, Тюмень рассчитывал выйти из затруднения и обойти закон. Он надеялся, что ему будет позволено устроить калмыков на Черной Гряде в качестве оседлых ее обитателей [10]. Связи Тюменя с властями должны были сыграть в данном случае немаловажную роль.

Запродав землю Тюменю, Сушков перестал считать ее своею и прекратил уплату поземельного сбора. Тюмень не возражал, когда Енотаевский земский суд в 1821 году пред'явил к нему требование о взносе в казну поземельных денег с 1819 года и пени за просрочку платежей,—он уплатил все, что с него причиталось [11].

По совершении сделки с Сушковым, Тюмень не замедлил обратиться к астраханскому губернатору И. Я. Бухарину с просьбой о разрешении юридически оформить покупку Черной Гряды. Хошоутовский нойон указывал, что об условии заселения земли крестьянами ему, будто бы, было не известно,—он узнал об этом лишь „впоследствии“. Но заселение Черной Гряды возможно и калмыками, тем более, что многие из них, в особенности—те, у кого нет скота и кому приходится добывать пропитание наймом в работу, стремятся стать оседлыми. У них пред глазами,—уверяет Тюмень,—пример экономического благополучия сородичей, устроившихся на

[9] ПСЗ, т. XXXV, № 27331, стр. 186—189.
[10] Калм. Обл. Архив (КОА), д. 1821 года, № 1038, л. 2 и об.
[11] Там же, л. 6.

левом берегу Волги в том месте, которое в 1764 году было отведено владельцу Замьяну, деду Тюменя, и где теперь „образовалось неподвижное селение Тюменевка". Здесь,—хвастается проситель—он, нынешний владелец улуса, „желая улучшить жребий поселеных калмыков, не только приучил их к разным ремеслам, но и внушил охоту заниматься теми частями земледелия, кои исключительно свойственны тамошнему климату и почве земли". Но существует препятствие к обоседлению, полезному и для самих калмыков и для всего края, это—отсутствие удобной земли в улусе. Тюмень знает, „в каком находится затруднении местное начальство касательно наделения землями кочующих народов в Астраханской губернии", поэтому, хотя „от недостатка в оных и недоконченного их распределения калмыки весьма стеснены в зимнем кочевании своем и от того теряют много скота", он не решается „утруждать начальство" просьбой об отводе калмыкам казенного земельного участка под обоседление, а теперь, с покупкой земли у Сушкова, даже и нет надобности обращаться за землей к правительству,—нужно лишь его дозволение на покупку Черной Гряды для заселения ее калмыками. Исхлопотать это дозволение Тюмень и просит губернатора [12]. В поисках способа легализировать приобретение земли, Сербеджап Тюмень хочет сыграть на том же, на чем в свое время с успехом играли Замьян и Джиргал Тюмень: на мнимой заботе об обоседлении калмыков. Он уверяет, что калмыки готовы обоседлиться под его руководством. На самом деле, только безысходная нужда толкала калмыцкую бедноту в жилища, построенные Тюменем, в определенном его расчете иметь возле себя даровые рабочие руки, по примеру помещиков в деревнях и селах. Каков был Сербеджап Тюмень в обращении с калмыками, нам известно: приемы его управления они сравнивали с действием железа [13] и, конечно, добровольно итти к нему в услужение не могли. Их руками была создана для владельца Тюменевка с ее полями, садом, виноградником и огородами. Но этого для Тюменя было мало; он интересовался расширением своего хозяйства за счет эксплоатации труда калмыцкой бедноты. Приписывая калмыкам влечение к оседлости и выставляя себя их благодетелем, Сербеджап Тюмень утверждал, что только для пользы калмыков, а не в своих выгодах он хочет приобрести Черную Гряду.

Губернатор препроводил просьбу Тюменя к главноуправляющему в крае, генералу А. П. Ермолову. С своей стороны, губернатор находил просьбу заслуживающею удовлетворения. По мнению губернатора, наделение землями калмыков и прочих народов, кочующих в Астраханской губернии, вообще могло бы послужить к подъему их экономики, заключающейся в скотоводстве. Правильно то, что кочевники испытывают теперь „некоторое стеснение", особенно—по части зимовок и водопоев, так как на самом деле „большая часть земель, лежащих по Волге, принадлежит или казакам, или помещикам". Кочевнические хозяйства требуют поддержки. „Выгоды, происходящие от скотоводства и других промыслов кочевой жизни, были бы несравненно превосходнее, если бы всякий калмыцкий владелец или улус имел точную собственность, а поэтому желательно бы не только не воспрещать им покупать земли у помещиков, но нужно бы даже к тому их поощрять". От оседлости кал-

[12] Там же, лл. 17—18.
[13] См. выше, стр. 50.

мыков будет больше пользы, чем от перевода в Астраханский край крестьян из других губерний. В здешнем крае—особый климат и особая почва: к климату крестьяне должны привыкать; вместо хлебопашества им придется заняться рыболовством и другими промыслами, принятыми в крае, между тем к этого рода местным промыслам „ и калмыки не менее способны". Позволение Тюменю купить землю из частных рук принесло бы казне „исключительные выгоды" и в то же время облегчило бы задачу наделения землей кочующих в Астраханской губернии народностей. Если бы примеру Тюменя последовали другие калмыцкие владельцы, то от этого получилась бы прямая выгода: с приобретением новых земель, калмыцкое скотоводство расширится, „и калмыки, добровольно водворенные в постоянных жилищах, соединят в руках своих две отрасли истинного государственного богатства: земледелие и скотоводство" [14].

Ермолов отнесся к делу довольно формально. В ответе на имя Бухарина от 30 октября 1819 года, указывая на надобность в русских крестьянах „для отправления земской и других повинностей" в Астраханском крае, Ермолов находил, что в случае незаселения астраханских земель помещичьими крестьянами, эти земли могут быть заселены государственными крестьянами „из тех губерний, в которых поселение велико, а земли недостаточно", и что русские крестьяне могли бы быть полезны и для калмыков: „кочующий народ, время-от-времени ознакомляясь с образом жизни хлебопашцев, нечувствительно мог бы получить некоторое образование и постигнуть пользу, происходящую от оседлой и постоянной жизни". Дать позволение Тюменю на приобретение Черной Гряды Ермолов считал невозможным. Он рассуждал так: с одной стороны, калмыцкий нойон не обладает правом владеть русскими крестьянами, а с другой стороны—в распоряжении калмыков и без того имеется „большое количество земель, вовсе не обработанных и занятых одним скотоводством". Кроме того, калмыки—давние поселенцы в Астраханском крае, поэтому, они „не могут почесться вновь прибывшими поселенцами, для которых было бы необходимо другое назначение земли для их водворения". Хошоутовскому владельцу Ермолов давал такой совет: если он действительно надеется склонить подвластных ему калмыков к оседлой жизни, то пусть не оставит „употребить старание свое о водворении их на удобных для сего местах в тех же самых кочевьях, какие предоставлены в полное распоряжение калмыков; за это правительство останется ему признательным" [15].

Отрицательный ответ Ермолова не обескуражил Тюменя. 28 мая 1820 года он представляет графу К. В. Нессельроде, управлявшему министерством иностранных дел [16], свои возражения против доводов Ермолова. Он пишет, что хотя земля Сушкова назначена для заселения ее русскими крестьянами, но если правительство заботится вообще об увеличении оседлого населения в Астраханской губернии, то для него должно быть безразлично, кем будет занята Черная Гряда—русскими ли крестьянами, или калмыками. При помощи тех и других одинаково может быть достигнута главная цель поселения, при чем гораздо даже важнее предоставить землю для,

[14] То же дело, лл. 18 об.—19 об.
[15] Там же, лл 19 об—20 об
[16] Калмыки состояли тогда в ведении министерства ин. дел; они находились в этом министерстве до 14 марта 1825 года.

водворения на ней именно таких калмыков, которых теперь, по роду их работы на наймах, нельзя причислять ни к кочевникам, ни к оседлым жителям. Самым печальным обстоятельством является для них то, что они не имеют скота и вечно заняты поисками работы; ведя неопределенный образ жизни, они „портятся только в своих нравах и заражают других". Тюмень особо останавливается на мнении Ермолова, будто у калмыков много земли. Действительно—объясняет Тюмень,—пока не была учреждена Кавказская губерния, калмыки владели „большим количеством земли и угодий", но теперь все это „умалилось" по той причине, что „стали приходить из разных губерний поселяне, коим, а равно помещикам, удобные к хлебопашеству (земли) розданы, а калмыкам остались одни степи, где или мало или вовсе нет воды, от чего в кочевании своем они находятся теперь крайне стесненными". Недостаток удобной земли,—уверял Тюмень,—составляет „совершенную препону" в деле обоседления той части улусного населения, которая нуждается в обоседлении и стремится к нему. Нессельроде стал на сторону Тюменя и предложил Ермолову обратить внимание на пользу, которая может явиться результатом позволения калмыкам приобретать земли. Ермолов уступил давлению Нессельроде и выразил согласие на покупку Тюменем земли у Сушкова, однако с тем условием, чтобы земля была куплена „не иначе, как на имя всего улуса" [17].

Между тем и юридический владелец Черной Гряды П. В. Сушков, осведомленный о переговорах Нессельроде с Ермоловым, подает от себя в министерство ин. дел записку, в которой, излагая обстоятельства приобретения Черной Гряды его отцом в 1772 году, особо отмечает, что земля была куплена без всяких условий и считалась полной собственностью покупщика и его наследников. При семейном разделе, земля досталась ему, П. В. Сушкову, а он, как бы взамен ее, уступил прочим наследникам другое имение. Только в 1818 году от владельца Черной Гряды было взято обязательство заселить ее крестьянами. П. В. Сушков просит министерство исходатайствовать утверждение продажи земли калмыцкому нойону Тюменю, так как иначе он, Сушков, „подвергнется совершенному расстройству" [18].

В хлопотах С. Тюменя принимал деятельное участие и его брат, Батыр-Убуши [19]. В бытность Батыр-Убуши в Петербурге, ему была выдана справка из азиатского департамента министерства ин. дел от 8 октября 1821 года о том, что министерство вошло в комитет министров с представлением о дозволении полковнику Сербеджапу Тюменю купить землю у помещика Сушкова и что о результатах представления Тюмень будет извещен чрез главного калмыцкого пристава А. В. Каханова [20]. В представлении, подписанном Нессельроде, сначала приводятся соображения, почему „дарование права калмыцким владельцам приобретать покупкою земли на свое одно имя, или в пользу всех калмыков, принадлежащих к их улусам и на тех землях поселяемых, должно принести государству великую пользу": владельцы как сами, так и подвластные им калмыки, располагая постоянными жи-

[17] Там же, лл. 20 об.—21.

[18] Там же, л. 21 об.

[19] Батыр-Убуши участвовал в польской кампании 1830-1831 года был тяжело контужен и умер чрез два дня после контузии.

[20] Там же, л. 7 и об.

лицами, „более привержены будут к России“; с переменой образа жизни, у калмыков изменятся „суровые нравы их“; они „почувствуют все выгоды и приятства лучшего гражданского устройства; станут более заимствоваться от русских и сближаться с их обычаями и занятиями“; кроме всего этого, „приобретение недвижимой собственности удержит их навсегда в тех краях, где они водворены, и таким образом не возобновится больше бегство, подобно случившемуся уже единожды“. Исходя из этих принципиальных соображений, Нессельроде признавал возможным не только позволить Тюменю приобрести землю у Сушкова на имя улуса, но и не стеснять владельца назначением срока заселения земли калмыками, какое он имел в виду. Представление Нессельроде, датированное 23 сентября 1821 года, было заслушано в комитете министров только 17 января 1822 года [21].

Вероятно, Батыр-Убуши сумел познакомиться с содержанием представления Нессельроде, а Сербеджап Тюмень хотя мог уже рассчитывать, что его дело стоит на верной дороге, но ему надоело долгое ожидание исхода дела. В письме к гл. калмыцкому приставу А. В. Каханову от 26 января 1822 года он просит его войти с ходатайством к управляющему министерством ин. дел или в азиатский департамент о скорейшем разрешении вопроса относительно покупки земли, мотивируя ходатайство тем, что шестилетний срок, назначенный на заселение Черной Гряды, „уже сближается“, и что земля может быть отнята как от Сушкова, юридического ее владельца, так и от него, Тюменя, фактического ее владельца [22]. Нам неизвестно, посылал ли Каханов ходатайство, но, во всяком случае, в тот момент в нем уже миновала нужда. 17 января 1822 года представление Нессельроде, по заслушании в комитете министров, было утверждено, а к 7 февраля получило санкцию Александра I, о чем 20 апреля был дан соответствующий указ на имя Нессельроде. От того же числа об указе был поставлен в известность астраханский губернатор И. И. Попов, а 24 апреля азиатский департамент поручил калмыцкому приставу сообщить хошеутовскому владельцу Сербеджапу Тюменю о дозволении ему купить землю у Сушкова. 6 июня 1822 года Каханов направил к Тюменю засвидетельствованную астраханским губернатором Поповым копию с сенатского указа. Тюмень сделал с нее список и 13 июня того же года возвратил присланный документ Каханову [23]. Купчая крепость была совершена в Астраханской палате 3 июля 1823 года. Таким образом, хлопоты Тюменя завершились успехом,—он стал наконец, законным владельцем Черной Гряды, Однако, хотя купчая была совершена только на имя Тюменя, все же, по идее сенатского указа, мыслилось, что, земля поступает к хошоутовскому нойону не в качестве личной только его собственности, но права на нее предоставляются в известной доле и хошоутовским калмыкам, искавшим способов обоседлиться.

Земли и угодья Черной Гряды были сняты на план в 1833 году. В мае 1835 года Тюмень делает попытку освободиться от уплаты в казну пятикопеечного поземельного сбора. В прошении, поданном по этому случаю в Енотаевский земской суд, он указывает, что, при разрешении покупки земли на имя улуса, бы-

[21] Там же, лл. 21 об—22 об.
[22] Там же, л 7 и об.
[23] Там же, лл. 10—12, 15—16. См. Приложение.

ло постановлено не стеснять владельца сроком заселения земли калмыками, „а взимание пятикопеечной подати",—писал Тюмень,—„есть уже самое стеснение", да и кроме того,—заявлял хошеутовский владелец —„на земле сей имеются у меня в разных местах прочные заселения". В юридическом отношении Тюмень приравнивал Черную Гряду к земельному участку, купленному его отцом, премьер-майором Тюменем у н. с. Веселева. С этой земли, тоже назначенной под поселение калмыков, поземельная подать не взыскивается, поэтому,—рассуждал владелец,—и купленная у Сушкова земля, „во всем подобная той, не подлежит сей подати" [24]. Енотаевский земской суд 7 июня 1836 года препроводил прошение Тюменя в Астраханскую казенную палату [25], но, повидимому, там было отказано в просьбе, потому что 11 декабря того же года хошеутовский владелец заявляет палате: за Сушковскую дачу „я все окладные казенные сборы взношу всегда бездоимочно" [26].

В 1837 году Сушковская дача переименовывается в Табун-Аральскую. С просьбой о том Тюмень вошел в Астраханскую казенную палату 11 декабря 1836 года. Владелец обращал внимание палаты на то обстоятельство, что от наименования дачи Сушковскою, как и от названия ее землей д. с. с Сушкова, по традиции удержавшихся в окладных книгах палаты и Енотаевского уездного казначейства, нередко происходят недоразумения при взносе поземельных сборов, и часто пред'являются даже требования двойных платежей, а вследствие этого возникает излишняя переписка. Определение палаты об удовлетворении просьбы Тюменя состоялось 25 января 1837 года, и прежняя Сушковская дача официально стала называться Табун-Аральскою [27].

III

Сомнения в правах Тюменей на Табун Арал.

Следующий период в истории Табун-Аральской дачи обнимает собою 1855—1860 года. Сербеджапа Тюменя уже не было в живых [28], Хошоутовским улусом владел тогда подполковник Церен-Джап Тюмень, приходившийся племянником умершему Сербеджапу. Указанный период времени совпадает с порой усиленного наплыва крестьянства из Великорусья и, в особенности, с Украйны на калмыцкие земли [29] и характеризуется удачными действиями Церен-Джап Тюменя по части удержания в своих руках Табун-Арала. Виды на него имела Астраханская палата гос. имуществ, которая, с одной стороны, была озабочена земельным устройством крестьянства, а с другой стороны—имела основание полагать, что успех культурного строительства

---

[24] КОА, д. 1836 года, № 1579, л. 11 и об.

[25] Там же, л. 13.

[26] Там же, л. 1.

[27] Там же, лл. 1, 3—7 об.

[28] Он умер 6 июня 1848 года; КОА, отчет по УКН за 1848 год, л. 13.

[29] *Н. Пальмов*, „Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь" в ж. „Калмыцкая Область" за 1925 год, № 3, стр. 87—101.

в Хошоутовском улусе, о чем писалось даже в повременных изданиях [30], в сущности далеко не так велик, как его изображают, и что на самом деле задача обоседления у хошеутовского владельца стоит на втором плане. Он больше занят расчетами собственной экономической выгоды, извлекая ее от сдачи в аренду земельных и рыболовных участков Табун-Аральской дачи и других земельных участков, состоявших почти в единоличном его пользовании. Возможно при этом, что выступление палаты против Тюменя было подогрето и приняло настойчивый характер вследствие той нелестной аттестации деятельности комиссии по обоседлению калмыков, какая была дана чиновником министерства гос. имуществ Лашкаревым и чиновником того же министерства Любовидским, ревизовавшим степь в 1856 г. [31]. Главный попечитель калмыцкого народа соединял в своем лице и должность председателя Астраханской палаты гос. имуществ. Он должен был давать об'яснения по содержанию записки Лашкарева и отчета по ревизии Любовидского и выставлять разные об'ективные причины в оправдание ничтожных результатов деятельности комиссии. В целях самозащиты, для гл. попечителя весьма важно было сослаться на отсутствие успехов обоседления даже у такого передового и влиятельного калмыцкого владельца, каким считался Тюмень. Но чтобы указывать на это, предварительно надо было заручиться определенными фактами,—к собиранию их палата и приступила.

Палата гос. имуществ подошла к щекотливому вопросу о калмыцком населении на Табун-Аральской земле довольно осторожно; она стала на позицию заботы о нуждах калмыков. В заседании палаты 26 января 1855 года, после рассуждения о том, что хотя со времени покупки Табун-Арала „протекло уже 33 года, а начальству неизвестно, заселена ли означенная земля калмыками, и даже нет сведений, было ли когда, и в какой мере, к тому приступлено“, между тем „по нынешним видам правительства, заботящегося о пользах и выгодах калмыков чрез постоянное водворение их в здешнем крае“, этого рода сведения необходимо нужны, было постановлено запросить Хошоутовское улусное управление, „заселена' ли купленная у помещика Сушкова земля, кем, и в каком количестве семейств; если же не заселена в течение 33 лет, и даже не было никогда положено и начала к заселению, то—по каким причинам и уважениям“ [32]. В Хошоутовском улусном управлении оказалось известным только то, что на урочище Керде по нагорному и луговому берегу Волги есть несколько дворов поселившихся калмыков. Затрудняясь, за отсутствием планов, само определить, принадлежит ли урочище Керде к составу

---

[30] Напр., в „Журнале мин. нар. просв“. за 1839 год, ч. XXII, отд. II, „Краткие замечания о приволжских калмыках“; в „Журнале мин. гос. имуществ“ за 1844 год, ч. XII, отд. IV, „Хозяйственные опыты в имении кн. Сербеджапа Тюменя в Красноярском уезде в 1843 году“; в „Записках общества с. х. южной России“ на 1844 год, № 3, „О состоянии хозяйства в Хошоутовском улусе“; в „Журнале мин гос. имуществ“ за 1847 год, ч. XXIV, отд III, „Хозяйство и опыты кн. С. Тюменя за 1846 год“. О поселившихся оседло калмыках Хошоутовского улуса, в числе „более 300 семейств“, говорится и у *П. Н. Небольсина*, цит. изд., стр 168.

[31] *Н. Пальмов*, цит. статья в ж. „Калм. Область“за 1926 год, № 1 (4), стр. 1-24 (римск. сч.).

[32] КОА, д. 1855 года, ст. I УКН, в. 7, д. № 31/43, лл. 1—2.

Табун-Аральской дачи, по-прежнему—Черной Гряды, управление вступило по этому вопросу в сношение с хошеутовским владельцем, которого с тем вместе просило об'яснить и причину „недостижения по сие время того самого предположения, для коего таковая земля была куплена“ [33]. От 30 апреля 1855 года Церен-Джап Тюмень ответил, что урочище Керде действительно относится к участку земли, купленному у помещика Сушкова умершим полковником Сербеджапом Тюменем „на собственный его капитал“, о чем известно всему улусу. Хотя Сербеджапу Тюменю было разрешено не стеснять калмыков сроками их поселения на купленной земле, тем не менее, он „всеми мерами заботился о заселении“ и вскоре после покупки земли выстроил на нагорной стороне ур. Керде „несколько деревянных домов с приличными обзаведениями“. В этих домах и теперь живет несколько калмыцких семейств, из года в год занимающихся хлебопашеством, посевом проса, картофеля, кукурузы и разных овощей. Свидетельством достигнутых успехов в отношении сельского хозяйства служит похвальный лист, выданный начальством в 1824 году одному из хозяевов—калмыков, некоему Керечееву „в поощрение“ его к сельско-хозяйственным занятиям и на будущее время. На луговой стороне Сербеджап Тюмень в 1824 году поставил деревянную сюме—молитвенный дом, а также построил несколько деревянных домов и турлушек т. е. жилищ из плетня, обмазанного глиной, на манер русских изб. В домах и турлушках поселены и теперь живут калмыки „во многом количестве“ семейств. В небывалое наводнение 1853 года поселок на левом берегу Волги сильно пострадал, и хотя калмыкам было бы особенно необходимо иметь там постоянные жилища в периоды летних кочевок и сенокоса по спаде полой воды, когда заготовляется корм для скота на зиму, но, в предупреждение опасности окончательного уничтожения построек при новом большом разливе Волги, хошоутовский владелец предполагает перенести на правый берег и те постройки, какие уцелели от наводнения. Тюмень считает Табун-Аральскую землю вообще заселенной калмыками „в значительном количестве семейств“, но все же он старается и „о размножении того поселения и хлебопашества“ на названном земельном участке. Отзыв хошоутовского владельца улусное управление препроводило в палату 12 мая [34].

На требование палаты проверить показания Тюменя, улусное управление подтвердило их справедливость с той лишь оговоркой, что из числа калмыков, занимающихся хлебопашеством, „некоторые не постоянно проживают, смотря по времени года, на том месте“ [35] После этого палата предписывает улусному управлению доставить план на бывшую Сушковскую землю и собрать точные сведения, „сколько именно семейств калмыков как мужеского, так и женского пола заселено по настоящее время“ на этой земле [36]. Улусное управление обращается за тем и другим

---

[33] *П. И. Небольсин* догадывается, что в калмыцком названии упоминаемого здесь ур „Керде“ удержалось прежнее татарское его название „Кередей“. Находя, что „калмыки Хошоутовского улуса почти примыкают ныне к тем местам, где в прежние времена были раскинуты кочевья золотоордынцев“, Небольсин об'ясняет „Керде“—„Кередей“ из имени старинного татарского богатыря, о котором сохранилось много воспоминаний у астраханских татар. Русские называют ур. Керде „Половинкой“, так как оно расположено на полпути между Сероглазинской и Косикинской станицами. Цит. изд, стр 24 и 30.

[34] КОА, д 1855 года, ст. I. УКН, в. 7, д. № 31/13, лл. 7—8.

[35] Там же, л. 11 об.

[36] Там же, л. 13 и об.

опять к Тюменю. Тот отвечает, что плана на землю отыскать у себя он не мог: по всей вероятности, план выкраден в 1836 или в 1837 году, когда из дома тогдашнего владельца улуса Сербеджана Тюменя в сельце Тюменевке были похищены разные серебряные и другие вещи „на весьма значительную сумму", о чем, по сообщению владельца, производилось следствие в Астраханской полиции. Во всяком случае, указывал Церен-Джан Тюмень, из слов весьма многих старых калмыков можно убедиться, что Черная Гряда есть та именно земля, которая была куплена у Сушкова Сербеджаном Тюменем „на имя всего улуса". На вопрос о количестве построек на этой земле владелец отвечает, что там в настоящее время имеется 1 деревянная сюме, 23 деревянных дома, 140 плетневых турлушек и загонов, 85 мазанок и 6 деревянных амбаров. В домах, турлушках и мазанках постоянно проживают калмыки, занимающиеся хлебопашеством; на каждую калмыцкую семью отводится отдельное помещение. Какова численность калмыцкого поселка, т. е. сколько калмыков обоего пола проживает на нагорной и луговой стороне Волги на урочище Керде, на этот вопрос Тюмень отказывается ответить, так как, „по заведённому в калмыцком народе древнему обычаю", подушной переписи населения никогда не делалось, да и статьей 199 Положения об управлении калмыцким народом запрещено производить подобного рода перепись, а статья 56 того же Положения указывает удовольствоваться одним лишь счетом кибиток или семейств [37].

Палата не довольствуется об'яснениями Тюменя. Она запрашивает сведение о земле Сушкова у губернского землемера Попиеля. Тот сообщает палате, что „в даче, называемой палатою Черная Гряда, а в чертежной известной под названием Табун-Аральский поселок, купленный владельцем Хошоутовского улуса у помещика Сушкова значится по плану и межевой книге удобной земли 4565 дес. 2229 с., неудобной—4049 дес., 183 с., всего 8615. дес." [38]. Затем палата поручает черноярскому окружному начальнику и хошоутовскому улусному попечителю собрать точные справки: 1, сколько в действительности, начиная с 1822 года и по настоящее время, поселено на бывшей Сушковской земле калмыцких семейств, и чем они преимущественно занимаются; 2, сколько там имеется деревянных домов, мазанок из глинобитного кирпича, турлушек, амбаров и загонов для скота, с обозначением, из какого материала построены последние; 3, какое примерно пространство земли занято калмыцким поселком, и не остается ли еще пространство, свободное от заселения; если бы такое свободное пространство оказалось, то—выяснить, почему оно не заселено [39].

Запросы начальства и, в особенности, последнее распоряжение палаты были крайне неприятны Тюменю. 23 декабря 1855 года он подает жалобу губернатору на действия палаты, казавшиеся хошеутовскому владельцу ни на чем не основанными, и просит губернатора прекратить такие запросы. Просьбу Тюменя губернатор удовлетворил; он приказал палате приостановиться запросами и предложил

[37] Там же, л. 18.
[38] Там же, л. 23.
[39] Там же, л.л. 24—25.

ей дать отзыв по содержанию жалобы владельца [40]. 30 декабря палата представляет губернатору подробную справку о том, когда и кем Черная Гряда была куплена сначала и на каких условиях она была приобретена Сербеджапом Тюменем. Ссылаясь на отсутствие данных, которые говорили бы за то, что Сербеджап Тюмень и теперешний хошоутовский владелец Церен-Джап Тюмень успели за время около 34 лет положить „основание прочному водворению калмыков на Черногрядинской земле", а между тем. по Положению об управлении Калмыцким народом, в прямую обязанность гл. попечителя входит, согласно 248 статьи этого Положения, „заботиться о распространении между калмыками оседлости",—палата признает настоятельно необходимым иметь фактический материал для правильного суждения о причинах неудачи заселения земли, купленной Тюменем с вполне определенной целью. А так как само по себе собирание материалов по данному вопросу еще „не заключает в себе никаких решительных мер", то палата просит губернатора не приостанавливать ее действий и распоряжений [41]. Долго палате пришлось ждать ответа на это представление. Пять раз она осведомлялась в канцелярии губернатора о резолюции начальника губернии [42]. Наконец, 12 июля 1857 года в.-а. Н. А. Васильев (1854—1857), незадолго до оставления им губернаторской должности в Астрахани, ответил палате так: „не встречая с своей стороны препятствия к приведению в исполнение распоряжения оной палаты на счет собрания сведений о земле, приобретенной владельцем Хошоутовского улуса у помещика Сушкова, я долгом считаю уведомить о том палату" [43].

Однако, и Тюмень не бездействовал. Узнавши, что заглохшее было и неприятное для него дело поднимается вновь, он посылает в министерство гос. имуществ просьбу от 22 сентября 1857 года о запрещении палате производить поверку калмыков на Табун-Аральской земле. 17 октября того же года министерство делает запрос гл. попечителю Калмыцкого народа по поводу просьбы Тюменя и требует присылки соответствующих справок и заключения, при чем указывает, что это заключение должно быть предварительно согласовано с мнением начальника губернии [44]. Записка гл. попечителя, состоявшего, как сказано, и председателем палаты гос. имуществ, была изготовлена в ноябре 1857 года; 12 декабря ее читал губернский прокурор, а 21 декабря она была направлена к губернатору. У губернатора записка пролежала до 28 февраля 1859 года,—тогда только астраханский губернатор Б. В. Струве (1857—1861) выразил согласие с доводами гл. попечителя и палаты о необходимости иметь точные сведения о количестве калмыцкого поселения на Табун-Аральской земле, но с оговоркой, „чтобы распоряжения палаты" по этому делу „были приостановлены до разрешения поданной Тюменевым г. министру гос. имуществ просьбы" [45]. Объяснения палаты при отзыве губернатора были посланы в министерство 22 апреля 1859 года [46].

---

[40] Там же, л. 26.
[41] Там же, лл. 34—35
[42] Запросы палаты в канцелярию губернатора от 29 февраля, 12 октября и 31 декабря 1856 года; от 29 марта и 15 июня 1857 года.
[43] Там же, л 38.
[44] Там же, л. 41 и об.
[45] Там же, л. 67.
[46] Там же, л 68

Нельзя не заметить, что вопрос терял остроту, и дело принимало затяжный характер. Гл. попечитель, при котором оно началось, М. И. Тагайчинов, ведавший калмыками с 1848 года и в течение десяти лет проводивший почти безрезультатную кампанию по обоседлению калмыков, вышел в отставку, и на его место был назначен новый человек Вл. Н. Струков. В нем Тюмень нашел союзника и стал действовать с еще большей уверенностью, чему способствовало также и то обстоятельство, что с 1858 года он принял в команду 2-й астраханский казачий полк [17] и поэтому занял видное служебное положение, с которым приходилось считаться местной администрации. 31 августа 1858 года Тюмень подает Струкову докладную записку и в ней выставляет основания, по которым он считает распоряжения палаты относительно переписи калмыков на Табун-Аральской земле неправильными, почему и отказывается допустить чиновников до ревизии калмыцкого поселения на месте. Об обоседлении калмыков,—пишет Церен-Джап Тюмень,—заботился и дядя его, Сербеджап Тюмень, купивший для них землю у Сувкова, продолжает заботиться о том же и он, теперешний владелец улуса. Но если бы стали производить формальное „дознание" о результатах деятельности обоих владельцев по части обоседления и если бы явились на Табун-Аральскую землю чиновники для переписи тамошнего калмыцкого населения, то это сопровождалось бы крайне нежелательными последствиями. „Тогда и прочие единоверцы" этих оседлых калмыков, желающие теперь последовать их примеру, „люди не знающие русских обычаев и законов, ведущие кочевую жизнь", в сознании которых твердо укоренилось, что калмыки не подлежат поголовной переписи, и „по древнему их обычаю" раньше никогда такой переписи не производилось, да она и запрещена Положением 1847 года, эти люди, „убоясь предположенной палатой переписи, вовсе отменят намеренья свои к постоянному водворению" и, таким образом, заботы правительства и владельцев об обоседлении калмыков не получат никакого осуществления. В ответ на резолюцию губернатора от 12 июля 1857 года, он, Тюмень, 25 июля 1858 года уже дал знать чиновникам, имеющим явиться в улус, что не допустит их „к неправильно предназначенной палатою поверке и осмотру поселенных калмыков" впредь до ответа из министерства гос. имуществ на заявленный 22 сентября 1857 года протест по поводу распоряжения палаты. Теперь хошоутовский владелец ищет у нового гл. попечителя „предстательства" пред высшей властью об отмене незаконных распоряжений палаты относительно поверки калмыков на Табун-Аральской земле, „купленной на собственный капитал умершего С. Тюменя". Распоряжение палаты он считает за „неправильные домогательства" с ее стороны, прямо противоречащие воле правительства, выраженной в свое время в постановлении комитета министров о том, чтобы не стеснять калмыков сроками поселения их на Табун-Аральской земле. При отмене распоряжения палаты,—уверяет Тюмень,— „правительство, я и прочие владельцы можем совершенно достигнуть своей цели к постоянному водворению калмыков в здешнем крае", иначе—ничего не выйдет. Калмыки,—повторяет Тюмень,—„при малейшем поводе, клонящемся до подробной проверки или переписи их, уклоняются от поселения". И в этом не надо их винить. Они понимают одно, что „сие было воспрещено по древнему их обычаю, а

[17] *И. А. Бирюков*, „История Астраханского казачьего войска. III. Саратов. 1911", стр. 223.

принимался в соображение один лишь счет кибиток или семейств". В заключительной части записки Тюмень информирует Струкова относительно планов строительства на урочище Керде. Он имеет в виду широкое заселение правобережной стороны этого урочища, куда уже перенесена с левого берега деревянная сюме; там же предположена постройка 30 деревянных домов вдобавок к наличным; уже нанят за 1735 рублей подрядчик, который будет ставить дома, и посланы нарочные в Дубовский посад для закупки строевого леса [48].

14 апреля 1859 года Тюмень подает Струкову новую докладную записку. Поводом к ней послужило обращение Хошоутовского улусного управления к владельцу за содействием по выполнению предписания 1 департамента министерства гос. имуществ касательно мер к под'ему экономического положения калмыков. Надо было выбрать удобные места, где калмыки могли бы проводить зиму со скотом. Надо было расположить их к устройству в этих местах загонов для скота на зиму, не останавливаясь даже и перед выдачей денежных пособий из общественного калмыцкого капитала, если бы калмыки стали просить о таких пособиях. Кроме того, рекомендовалось располагать зажиточных калмыков-скотоводов к устройству хуторов близ проезжих дорог и при загонах. Обращение улусного управления дало случай владельцу в его записке еще раз коснуться своих „заслуг" в области улучшения калмыцкого быта и указать на нежелательность для него постороннего вмешательства, которое только тормозит культурную работу. Тюмень начинает речь с указания на то, какие достижения культурно-экономического характера уже имеются в улусе налицо. В улусе есть каменная сюме, стоившая „весьма значительной (денежной) суммы", и при ней—хурульные постройки; владельцами выстроен дом, где они живут; при доме—разные службы; возле владельческого дома разведен фруктовый сад; другой сад—на урочище Коровья-Лука на большой дороге. При этом саде, а также на Табун-Аральской земле и на Круглинском острове, для калмыков поставлено „достаточное число" деревянных домов, турлушек, мазанок и амбаров. В степи, при летних и зимних кочевьях, калмыки завели „значительное количество" хуторов и устроили загоны или базы для скота. По свидетельству Тюменя, „почти каждый калмык научился выделке овчин, каждый занимается сенокошением, некоторые—огородничеством, рассадой табака, картофеля, кукурузы, перца". Сам Церен-Джап Тюмень за сравнительно короткое время управления улусом, с 1850 года, успел уже выстроить несколько деревянных домов для калмыков в урочище Коровья Лука, деревянную сюме и две мельницы. Одна мельница стоит на названном урочище, а другая—при сельце Тюменевке. Имеется в виду производство построек на Табун-Аральской земле. Тюменю кажется, что за свою полезную деятельность он имеет право на почетную награду, каковая награда послужила бы „в поощрение прочим владельцам, опекунам и правителям улусов, которые, видя сие, и с своей стороны, подобно мне",—пишет хошоутовский нойон,—„потщатся употребить все средства к постоянному водворению калмыков и распространению между ними хлебопашества и прочей промышленности". Определенно и без всяких церемоний заявив о желании получить награду, Тюмень идет дальше. Он чувствует под ногами твердую почву и прямо заявляет о необходимости „уст-

[48] Там же, лл. 53—60.

ранить улусное начальство от всякого вмешательства" в его распоряжения „по прописанному предмету", т. е. по обоседлению калмыков. Почему?—„Потому более уважению, что калмыки, как народ степной, увидя действие в том случае улусного начальства, легко могут думать, что они понуждаются к тому насильственно правительством, а потому не только усумнятся вновь заводить какие-либо устройства и промышленность, но совершенно оставят и те, какими они уже в настоящее время охотно начали заниматься" [49]. Струков—на стороне Тюменя. На докладной записке владельца он пишет: „Пусть строится, а улусному управлению до этого и дела нет" [50]. Резолюция гл. попечителя была об'явлена Тюменю 22 апреля,[51] в тот самый день, когда, как сказано, палата отправила свой доклад в министерство по жалобе хошоутовского нойона. Тогда же, 22 апреля, Струков предложил Тюменю составить ведомость о наличных постройках в Хошоутовском улусе, очевидно, в качестве материала при ходатайстве о присуждении владельцу награды, которой он добивался.

12 мая Тюмень подал Струкову следующего содержания „Ведомость о строениях, существующих в хошоутовском калмыцком улусе" [52]:

Строения	К 1854 г. состояло	Вновь построено в годах					К 1859 г. состоит
		1854	1855	1856	1857	1858	
Сюмё каменных . . .	2	1	—	—	—	—	3
„ деревянных . .	2	—	1	2	—	—	5
Цац каменных . . .	1	—	1	—	1	—	3
„ деревянных . . .	3	—	1	—	—	—	4
Домов деревянных . .	163	6	9	3	2	5	188
„ глинобитных . .	—	3	—	—	2	2	7
Турлушек	208	39	11	7	15	16	297
Мельниц	2	—	—	—	—	—	2
Толчей	3	—	—	—	—	—	3
Овинов	1	—	—	—	—	—	1
Кузниц	3	—	—	—	—	—	3
Бань	3	—	—	—	—	—	3
Амбаров	43	8	15	9	4	9	88
Загонов плетневых	369	32	268	51	20	—	740

Повидимому, Струков не признал данные ведомости достаточными для хода-

[49] Там же, л.л. 70—73.
[50] Там же, л. 72 об.
[51] Там же, л. 74
[52] Там же, л. 77

тайства о награде Тюменю. Владелец должен был усилить свою деятельность, и только спустя год с лишним был представлен к награде и получил ее в сентябре 1850 года [53].

Между тем от 10 июня 1859 года министерство дало знать Астраханской палате гос. имуществ, что просьба Тюменя об отмене распоряжения палаты насчет производства проверки калмыков на земле, купленной у Сушкова, не может быть удовлетворена, так как по ст. 202 Положения об управлении калмыками палата обязана наблюдать, чтобы семейства калмыков не были пропущены или утаены при составлении ведомости о них, а по ст. 248 того-же Положения гл. попечитель Калмыцкого народа должен назначать места для поселения калмыков и вообще заботиться о развитии среди них оседлого хозяйства. Мотивировка министерского определения была такова, что Тюмень нашел в ней осуждение прежних распоряжений палаты. Министерство,—писал Тюмень в хошоутовское улусное управление от 13 августа 1859 года,—не требует поверки калмыков, поселенных на Табун-Аральской земле; оно требует лишь удостоверения, „нет ли из тех семейств калмыков пропущенных или утаенных в составленной о них ведомости". Против такой постановки дела Тюмень ничего не возражает, но по поводу тенденции включить Табун-Аральскую землю в число участков, назначенных под поселение калмыков по Положению 30 декабря 1846 года [54], он пишет так: „Табун-Аральская земля гл. попечителем Калмыцкого народа для поселения на ней калмыков никогда не назначалась, в ведении его не состояла, и калмыкам подвластного мне улуса нисколько не принадлежала". Она куплена Сербеджапом Тюменем „на собственный его капитал для поселения на ней калмыков подвластного тогда ему, а ныне мне улуса, каковое поселение их произведено уже и будет производиться, по возможности, каждогодно, а посему на землю сию и поселение на ней едва-ли, по мнению моему, может иметь какое влияние г. гл. попечитель Калмыцкого народа". Несмотря на отсутствие документов, относящихся до покупки Табун-Аральской земли Сербеджапом Тюменем на его собственные деньги у помещика Сушкова,—эти документы пропали,—дознание, производившееся улусным управлением, подтвердило факт покупки. Земля состоит в ведении казенной палаты, как помещичья земля. За нее и за протекающие по ней воды хошоутовские владельцы взносят сбор на земские и прочие повинности в Енотаевское уездное казначейство в размере до 1 тысячи рублей серебром ежегодно, на одинаковых в данном случае условиях с прочими помещиками. Палата гос. имуществ до Табун-Аральской земли не имеет никакого касательства. Правда, земля назначена под поселение калмыков, но, как бы ни было, принуждать их к поселению нельзя: предписанием 1 департамента министерства гос. имуществ от 16 января 1859 года запрещено насильственное обоседление даже в тех станицах, которые специально отведены под поселение калмыков [55].

Любопытно отметить, что в приводимой бумаге, как и в других обращениях к начальству, Тюмень подчеркивает принадлежность Табун-Аральской земли соб-

---

[53] Там же, л.л. 106—108, 111.
[54] ПСЗ, 2 сбор., т. XXI, № 20758, стр. 725—726.
[55] КОА, ф. Хошоутовского ул., д. 1857 года, № 19, л.л. 24—25.

ственно Тюменям, но не говорит, что она составляет с тем вместе собственность и калмыков Хошоутовского улуса, поселяющихся на этой земле. На самом деле, в 1822 году Сербеджапу Тюменю было позволено приобрести Табун-Аральскую землю, как сказано выше, не лично только для себя, но и для обоседлявшихся калмыков— „на имя своего улуса“. Земля поступала, следовательно, не в единоличное пользование владельца, но и в пользование улусных калмыков. Конечно, Астраханская палата гос. имуществ была не права, желая вмешаться во внутренние дела хошоутовцев, но с тем вместе трудно предположить, чтобы Тюмень, так точно приводивший в нужных случаях полезные для него распоряжения верховной власти, в данном случае, когда затрагивались его имущественные интересы, оказывался не осведомленным в правительственных указах. Скорее всего, утрата документов по приобретению Сербеджапом Тюменем Табун-Аральской земли у помещика Сушкова давала ему, Церен-Джапу Тюменю, основание прикрываться этой неосведомленностью и вести политику достижения личных выгод, при потворстве местной заинтересованный в его деле администрации [56].

21 февраля 1860 года Тюмень подаст Струкову еще одну докладную записку, посвященную изображению своей полезной деятельности по обоседлению калмыков. „Я“,—пишет Тюмень,—„принимая к исполнению волю правительства и следуя благой его цели“ ввести калмыков в культурное русло, еще построил на собственной моей земле, именуемой Черноградскою или Табун-Аральскою, при урочище Керде новый деревянный сюме и для постоянного жительства калмыков 36 деревянных домов“. В этих домах поселено 36 калмыцких семейств. Подпиской, данной в хошоутовском улусном управлении, они обязались, „проживая в тех домах, наблюдать в оных чистоту и упражняться в свойственном им скотоводстве и, по возможности, в хлебопашестве“. Подписка,—ее Тюмень называет „актом“,— не передает обоседляющихся калмыков в исключительное ведение улусного управления; владелец оставляет за собою это важное право Он говорит: „Если же я замечу, что кем-либо из них не будет это исполнено в точности, то я в праве выслать того из дома и поместить на место его другого“. С целью приохотить калмыков к земледелию и дать им возможность вести с успехом земледельческое хозяйство, Тюмень нанял „двух опытных переселенцев из малороссиян“ с платою по 100 рублей серебром каждому“; они обязались инструктировать калмыков в хлебопашестве. „Устроил для них (калмыков) необходимо нужные при хлебопашестве 10 плугов, к ним 10 колесен на 2-х колесах, 58 ярем, 40 вилц, 5 борон, коими засыпается зерно, и заготовил для посева на будущую весну зерна пшеницы, так называемой „белотурки“ 100 мер и проса 50 мер. Кроме того для калмыков будет устроена мельница, стоющая значительной суммы. Калмыки должны будут заниматься посевом картофеля, кукурузы и разных овощей. Чтобы больше заинтересовать калмыков сельским хозяйством, Тюмень не останавливается пред отдачей им в пользование лугов,

---

[56] Надо сказать, что и в цит. выше книге *П. И. Небольсина*. Табун-Аральская дача, а с нею и Коровья Лука, неправильно трактуется личной собственностью Тюменя, владевшего дачами будто бы на правах помещика,—стр. 30 и 28. Извинением для Небольсина может служить то, что он собирал сведения по этому вопросу только в Хошоутовском улусе, где получил тенденциозные информации.

на которых, по его словам, можно накосить до 300 тысяч снопов. Калмыки берут луга и обещаются откладывать деньги, выручаемые от продажи излишка сенных запасов, чтобы составить особый капитал для поддержки и дальнейшего развития своего хозяйства и промышленности. Окидывая общим взглядом свою деятельность, Тюмень гордо заявляет: „Не было еще примера, чтобы калмыки, народ кочевой и неопытный в оседлой жизни, могли печь в русских печах хлебы и калачи, но сие исполняется в точности в настоящее время калмыками моего улуса, в вышеозначенных 36 домах поселенными“. Тюмень высказывает уверенность, что его усердие будет оценено по достоинству и, в пример другим, он получит награду за труды[57].

В марте 1860 года Тюмень не отказал себе в удовольствии похвастаться культурными достижениями на Табун-Аральской земле пред чиновником из министерства гос. имуществ И. Ведерниковым и хошоутовским попечителем Б. Древским, по поручению начальства знакомившимися с калмыцкими поселениями на названной земле. Приезд чиновников теперь уже не возмущал владельца,—в его представлении он соединялся с намерением Струкова ходатайствовать о присуждении ему награды. Тюмень постарался показать „товар лицом“. От 6 марта Ведерников и Древский прислали в Астраханскую палату гос. имуществ „Именной список калмыкам Хошоутовского улуса, поселенным в домах на земле, принадлежащей подполковнику Тюменеву, именуемой Черногрядинскою или Табунаральскою при урочище Керде, с показанием количества принадлежащего им скота и запасенного для прокормления оного сена“ [58]. Поселенных оказалось 36 семейств; главы семейств названы поименно. Каждое семейство располагает деревянным домом и прилично огороженным двором со службами внутри двора. Селение Керде „построено в две линии весьма правильно, при большой Московской дороге на реке Енотаевке, что на половине между казачьими станицами Сероглазинской и Косикинской. Усадьбы разбиты по улице, по 17½ сажен для каждого домохозяина. Кроме того, допущены три переулка на каждой стороне на случай безопасности от пожара. Дворы отнесены назад по 25 сажен. Улица—30 сажен“. Под усадьбы занято 24 десятины и 10 саженей земли [59]. Приведя цифры количества скота, состоявшего в распоряжении поселенцев и отметив количество стогов сена, запасенного на зиму для прокорма скота, Ведерников и Древский касаются, между прочим, и занятия калмыков хлебопашеством: „Хлебная распашка в прошедшую осень произведена всем обществом поселенцев 18 плугами, и (так) как в купленной у помещика Сушкова земле нет степной дачи, кроме луговых мест, то хлебопашество это допущено поселенцам на общем кочевом участке при урочищах: Цаца, Хаджирта, Гашун и Бурата. Всего вспахано земли 90 десятин“ [60].

„Именной список“ содержал в себе сведения относительно калмыцкого поселения на одном только урочище Керде. 24 марта поступило в палату полное, составленное Ведерниковым и Древским „Хозяйственное описание поселениям, устроенным из купленной хошоутовским владельцем у помещика Сушкова земле“ [61].

[57] КОА, д. 1855 года, I ст., УКН, в. 7, № 31/43, лл, 86—88.
[58] Там же лл, 91—97.
[59] Там же, лл 96 об.—97.
[60] Там же, л. 93
[61] Там же, лл. 101—102.

Здесь названо шесть пунктов, где расположились оседлые калмыки. Это—урочища: на острове Цаган-Арыл, на о. Арын-Яр, на о. Ики-Арал, на о. Сухата-Арал, на о. Кабаний-Арал и на правобережном урочище Керде. Последний поселок выделялся в ряду прочих тем, что был устроен совсем „в русском виде". Хозяйственная сторона поселков обрисована такими данными:

Названия поселений с указанием родов, к каким принадлежат поселенцы-калмыки	Строения							Скот		Количество стогов заполненного на зиму сена, по 1 т. снопов в стогу
	Деревянные	Дворы с забор.	Мазанки	Конюшни плетневые	Лабазы для сена	Загороди плетневые	Всего строений	Крупный	Мелкий	
Цаган-Арыл, Цагалаев род	—	—	18	29	38	38	123	293	302	114
Арын-Яр, Керетов род	—	—	14	20	30	33	97	362	336	141
Ики-Арал, разных родов	—	—	18	26	31	31	106	336	327	179
Сухата-Арал, Шабиров род	—	—	21	24	29	29	103	292	301	116
Кабаний-Арал, разных родов	—	—	23	28	30	30	111	256	250	102
Керде для калмыков .	36	38	38	24	—	—	139	1140	897	434
„ „ духовенства	2									
„ „ сюме . .	1									
ИТОГО . . .							679	2679	2413	1086

Во всех шести поселках насчитывается 130 обоседлившихся калмыцких семейств. Исходя из расчета, что на каждую калмыцкую семью надо положить по 3 десятины удобной и по 30 десятин неудобной земли, для чего требуется 11700 десятин, Ведерников и Древский признают Табун-Аральскую дачу с ее 8615 деся-

тинами 12 саж. земли, не в полной мере удовлетворяющей хозяйственным нуждам поселения. По их мнению, к наличному количеству земли на этой даче следует добавить еще 3085 десятин, потому что без этой дополнительной нарезки нельзя надеяться на развитие хлебопашества среди поселенцев дачи. В ней самой „пахотной земли нет; вся дача состоит из островов и сенокосных мест“, почему калмыкам с ур. Керде приходится производить запашку земли на общих улусных кочевьях, а из поселенцев на прочих урочищах Табун-Аральской дачи „весьма не многие занимаются хлебопашеством“ [62].

Непосредственное знакомство с калмыцкими поселками убедило Ведерникова и Древского в реальности обоседления там. Не без удивления они должны были признать, что „и калмыки не чужды оседлости (гражданства)“. Такое „открытие“ подтверждалось для чиновников фактом существования „оседлых заведений“ еще и в других местах Хошоутовского улуса. „Весьма на многих островах“ они увидели зимние кухни, скотские дворы и лабазы для сена, а на Круглинском острове нашли 33 деревянных дома, 1 глинобитный дом и 25 мазанок. Калмыцкие поселки выглядели настоящими хуторами. Обитатели их занимались разными ремеслами и содержали рыболовные промысла. Вообще, писали Ведерников и Древский в своем докладе, быт калмыков Хошоутовского улуса дает совсем иную картину, чем быт их сородичей в других кочевых улусах. Это зависит от заботливости владельца, поясняют чиновники; хотя, прибавляют они, на нем не лежит обязательства производить обоседление на Табун-Аральской даче в срочном порядке, тем не менее он все же занят этим делом и идет к цели правильной дорогой [63].

Для нас, конечно, интересны не эти дифирамбы по адресу Тюменя, в некоторой мере рассчитанные на содействие к получению им награды [64], но на самом деле замечательно, что в то время, как мероприятия начальства и соответственные им действия улусных попечителей по обоседлению калмыков не сопровождались никакими почти положительными результатами, в дачах хошоутовского владельца они оказывались налицо. В стремлении оградить Табун-Аральскую дачу от видов на нее Астраханской палаты гос. имуществ и удержать эту землю за собой, владелец с немалым искусством использовал момент экономической стесненности подвластных ему калмыков и из их обоседления извлек определенную выгоду для себя. Он строил деревянные дома калмыкам, а те работали на него. Главный же выигрыш Тюменя заключался в признании администрацией принадлежности ему Табун-Аральской земли. В упомянутом „Именном списке“ она прямо названа „принадлежащею владельцу“, а в „Хозяйственном описании“—землей, „купленной хошоутовским владельцем у помещика Сушкова“, без упоминания, что она куплена на имя улуса. Трудно об'яснить, каким образом была допущена в официальном документе такая неточность, как название Табун-Аральской земли принадлежащей одному хошоутовскому владельцу. Ведерников, указывая в докладе от 24 марта 1860 года на запрещение стеснять хошоутовского владельца назначением срока обоседления

[62] Там же, л. 102.
[63] Там же, л. 99. Последняя тирада в докладе написана рукой Ведерникова.
[64] Там же, лл. 106—108

калмыков, ссылается на правительственные акты 1822 года. Но или он их сам не читал, а приводил по одной наслышке, или сознательно замалчивал тот важный пункт в сенатском указе, где говорится о данном Сербеджапу Тюменю праве купить у Сушкова землю „на имя своего улуса". Взгляд на юридическое положение Табун-Аральской дачи, усвоенный администрацией, имел выгодные последствия для Тюменей, и, прежде всего, в ближайшее время избавил Церен-Джан Тюменя от докучливых запросов Астраханской палаты гос. имуществ.

IV

Закрепление Табун-Арала за Тюменями.

Обозначившийся при Церен-Джан Тюмене процесс перехода Табун-Аральской дачи с принадлежащими к ней водами в полную собственность хошоутовских владельцев получил завершение в последний, дореволюционный период истории названной дачи, с 1862 года по 1891 год. и имел следствием из'ятие большей части угодий Табун-Арала из ведения Управления калмыцким народом в губернское ведение, так как у них оказался новый хозяин.

Фактически дача давно уже состояла в личном пользовании Тюменей. Одну из главных доходных ее статей составляли рыболовные воды. До 1867 года они сдавались в аренду рыбопромышленникам в частном порядке. С 1867 года воды стали сдаваться по контрактам, заключавшимся в Хошоутовском улусном управлении между владельцами вод и их арендаторами на определенный срок и с определенной годичной платой. До 1871 года воды приносили в год по 1 тысяче рублей дохода. С 1871 года арендная плата повысилась, и владельцы стали взимать за воды по 5250 рублей, правда—не за одни только Табун-Аральские, но вместе с ними и за Песчанские по рекам Волге, Енотаевке, Кабану, части р. Митиной, по ерикам, затонам, ильменям и по всем поемным местам [65]. На рыбных ловлях применялся, конечно, дешевый калмыцкий труд.

Последний период богат фактами, свидетельствующими о распаде в семье Тюменей и об измельчании интересов представителей этой семьи. Между ее членами происходят ссоры, принимающие нередко характер дрязг, особенно усиливавшиеся в моменты денежных расчетов. Излишне перебирать все эти ссоры и дрязги, которые, впрочем, могли бы давать не безынтересный материал для тех, кого занимают вопросы евгеники [66]. Захватнические стремления оказываются присущими всем наследникам Тюменя: нельзя указать ни на одно лицо из них, которое выделялось бы из ряда прочих наклонностями иного порядка. Несколько позже, но в

---

[65] По контрактам, воды разграничивались так: Табун-Аральские—„между Сероглазинской и Косикинской казачьих станиц", Песчанские—„между Сероглазинской станицей и сельцом Тюменевкой" КОА, ф. 22, в 12, д. 1867 года, № 44, л. 1

[66] *К. П. Костенков*, обращая внимание на данные статистики относительно владельческих калмыцких фамилий, едва ли не первый высказал в печати в 1869 году взгляд, что эти семьи находятся в стадии вымирания; см „Результаты переписи Калмыцкого народа, произведенной в декабре месяце 1868 года", в „Трудах Астраханского губ. статистического комитета Выпуск 1. Астрахань. 1869", стр 149—163.

тот же период выступает на сцену ловкий делец, чиновник М. В. Фролов, породнившийся с Тюменями и сумевший прибрать значительную часть имения новых родственников в свои руки.

С другой стороны, следует отметить весьма потворственное отношение местной администрации и высшего правительства к захватничеству Тюменей в этот период, проявлявшееся, впрочем, уже несколько и раньше. Правительство как будто забыло прежние свои акты о праве владения Табун-Аральской дачей в которых говорилось о калмыках, как о соучастниках владения, или же признавало несвоевременным считаться с этими актами. Назревало освобождение калмыков от власти их нойонов, и надо было известными подачками удержать калмыцкую знать в границах повиновения, учитывая влияние ее на темные народные массы, продолжавшие еще преклоняться пред „белой костью".

Но—обратимся к фактам.

В 1862 году Церен-Джап умер. Прямым его наследником являлся единственный сын от второй жены, Эльзен Угорил, по имени Церен Надмит. Он остался малолетним по смерти отца, и над улусом была учреждена опека в лице шт.-ротмистра Церен-Норбо, дяди Церен Надмита по отцу, и вдовы Церен-Джапа, Эльзен-Угорил [67].

В 1876 году, уже после смерти Церен-Норбо и Эльзен-Угорил, члены семьи Тюменей, достигшие совершеннолетия, произвели имущественный раздел. Акт на него был выдан из Астраханской соединенной палаты от 5 марта того же 1876 года. По раздельному акту, в той его части, которая касалась Табун-Аральской дачи, на долю сына Церен-Джап Тюменя, Церен-Надмита, тогда уже Александра Александровича Тюменя, достались два острова „на луговой стороне коренной Волги, ближайшие к острову Шамбай". В них насчитывалось 1405 дес. 2066 саж. удобной и 590 дес. 1634 саж. неудобной земли; всего—1996 десятин 1500 саженей. Остальные участки Табун-Аральской дачи отошли к детям умершего в 1857 году казачьего сотника Александра Ивановича Тюменя, сына Церен-Дондока, раньше носившего имя Церен Дорджи. Его дети получили: Константин Александрович Тюмень—2306 дес 163 саж удобной и 3312 дес. 826 саж. неудобной земли; Александра Александровна, по мужу Каппенберг,—5101 дес. удобной и 510 дес. неудобной земли, „более или менее, сколько действительно для окружения ее дачи причитаться будет, всего—на одной тысяче десятин". С такой же оговоркой получила 500 десятин удобной и столько же десятин неудобной земли Елизавета Александровна, вскоре вышедшая за муж за М. В. Фролова. Он переменив ряд чиновничьих довольно незначительных должностей, в 1876—1878 годах состоял попечителем Хошоутовского улуса [68].

Что касается рыболовных вод, то, как было сказано в раздельном акте, „Черноярская ватага, с принадлежащими к ней рыболовными водами собственно Табун-

[67] КОА, ф. 22, в 16, д 1874 года, № 45, л. 148.

[68] Аттестат о службе М. В. Фролова, выданный ему 24 марта 1879 года из Управления калм. народом по выходе в отставку 1 мая того же 1879 года, см. в д. КОА по I ст. УКН за 1878 год, в 16, № 151, лл 111—114.

Аральской дачи". оставлялась в общем владении всех четырех вышеназванных наследников Тюменя впредь до окончания срока аренды ее по контракту нахичеванским 1 гильдии купцом Х. Г. Сагировым. По окончании срока аренды, истекавшего 16 ноября 1879 года [69], наследники Тюменя имели приступить к оценке и продаже Черноградской ватаги и Табун-Аральских вод, при чем было решено, что если никто из них не пожелает оставить ватагу и воды за собой, то они должны быть проданы „в частные руки". Как в первом, так и во втором случае, сумма стоимости ватаги и вод подлежала пропорциональному разделу, именно: Александр Тюмень получал половинную часть вырученной от продажи суммы, Константин Тюмень—одну четвертую часть, Александра Каппенберг и Елизавета Тюмень—каждая по восьмой части.

До продажи вод, половинная часть из арендной платы за них в сумме 5250 рублей, вносившихся Сагировым в общую казну Тюменей 2625 рублей, поступала в пользу Эльзен-Цок и ее сына Батыки. Четвертая часть, 1312 рублей, отходила к А. Тюменю, остальные деньги распределялись так: Елизавета Тюмень получила 328 р. 12 к., Александра Каппенберг—93 р. 75 к. и Константин Тюмень—890 р. 63 к. [70].

Раздельный акт 1876 года вызвал протест с стороны Управления калмыцким народом, и по этому протесту 23 ноября 1881 года местная палата Уголовного и Гражданского суда признала акт неправильным, при чем постановила передать Тюменевскую дачу в пользование улусных калмыков. На решение палаты М. В. Фролов от имени жены и сами Тюмени подали апелляционную жалобу в сенат и выиграли дело. Сенат принял во внимание, что в 1823 году купчая о продаже Сушковым земли была совершена на имя С. Тюменя, а не на имя улуса, и что эта купчая не только никем никогда не оспаривалась, но даже в 1833 году занимаемая дачей земля была обмежевана в более значительном количестве и утверждена за Тюменем указом общего собрание четвертого, пятого и межевого департаментов сената от 21 августа 1838 года, при чем Тюменю были выданы план и межевая книга на землю. Поэтому сенат 8 мая 1887 года отменил определение Астраханской палаты от 23 ноября 1881 года и признал за наследниками Тюменя „право собственности на доставшуюся им по раздельному акту землю, но с тем, чтобы они не возбраняли калмыкам Александровского улуса иметь оседлость на этой земле" [71].

Условие, формулированное в столь мягкой форме, ни к чему существенному не обязывало Тюменей и весьма мало затрагивало их экономические интересы. Калмыков нельзя было удалять силой с мест их поселения, но вызвать в кочевниках охоту к обоседлению посредством создания благоприятных и заманчивых внешних условий к тому—это юридически не входило в задачу и обязанность как Тюменей, так и их руководителя в земельных делах М. В. Фролова, позаботившегося упрочить свое положение в качестве совладельца Табун-Аральской дачи, каким он выступает в 1890 году. У жены Фролова и у него самого нет желания привлечь

---

[69] КОА. ф. 22, д. 1874 года. в. 16, д. № 45, л. 209.
[70] КОА, д. 1907 года, ст. I УКН, в. 70, № 23, лл. 36—37.
[71] КОА, случ. пост., № 16.

калмыков к себе в качестве как бы своего рода привиллегированных и бесплатных поселенцев в имении, наоборот, обнаруживается определенное стремление отмежеваться от калмыков. Такой смысл имели хлопоты Фролова об изятии Табун-Аральской дачи из ведения Управления калмыцким народом и передаче ее в ближайшее ведение Енотаевский уездной полиции.

Просьба Фролова, поданная им о том от своего имени и от имени жены в Астраханское губ. правление, сначала не имела успеха. Губ. правление отказало в удовлетворении просьбы. Но Фролов обжаловал постановление губ. правления в сенат и получил удовлетворение. Из сенатского указа, данного по этому случаю на имя Астраханского губ. правления от 12 июня 1890 года видно, чем руководился сенат при обсуждении жалобы Фролова. Было принято во внимание, во первых, то, что, „ведению улусной полиции подлежат калмыки, проживающие на казенных землях", какими, очевидно, сенат трактовал калмыцкие земли и к каким с 1887 года уже перестала относиться Табун-Аральская дача, а, во-вторых, то, что „хотя калмыкам и предоставлено право иметь оседлость и в имении Фролова, но обстоятельство это не может служить основанием к из'ятию сего имения из ведения местной полиции", поскольку имение Фролова есть частная собственность. В виду этого, сенат признал неправильным постановление губ. правления, обжалованное Фроловым, и, в согласии с заключениями министров гос. имуществ и вн. дел, определил: „отменив означенное постановление, предписать Астраханскому губ. правлению передать имение Фролова в ведение Енотаевской уездной полиции". [72]

По акту о передаче Табун-Аральской дачи в ведение Енотаевской уездной полиции, от 8 февраля 1891 года, размеры дачи определялись в 8515 десятин 12 саж., а границы ее обозначились так: „С севера—земли с. Селитреного; с востока —надел казаков ст. Сероглазинской; с запада—надел казаков ст. Косикинской и, наконец, с юга—земли калмыков Александровского улуса". Относительно южной границы в акт внесено пояснение такого рода, что эта граница „берет свое начало у надела казаков ст. Косикинской в 696 саженях от берега р. Енотаевки от межевых столба и ямы, имеющей по плану астролябический угол в $60^{1}/_{2}{}^{0}$, и идет прямою линиею параллельно течению р. Енотаевки на 3680 с. до следующей межевой поворотной ямы, имеющей астролябический угол $101^{3}/_{4}{}^{0}$, и затем, повернув на юго-запад и пройдя 1530 с., оканчивается межевой ямой, отстающей от берега р. Енотаевки и отделяющей надел ст. Сероглазинской от калмыцкой земли" [73].

С 1891 года совершенно прерывается даже та довольно слабая связь Табун-Аральской дачи с Управлением калмыцким народом, какая все же, в этой или иной мере, осуществлялась до тех пор чрез посредство Хошоутовского улусного управления. Собственникам Табун-Аральского имения, в том числе и М. В. Фролову, под фамилией которого показана правобережная часть этой дачи на карте Астраханской губернии издания 1909 года [74], представлялась теперь возможность при столкновениях с неугодными калмыками прямо обращаться к содействию полиции. Переход Табун-Аральской дачи в ее ближайшее ведение, конечно, являлся естест-

---

[72] КОА, ф. 140, в. 7, д. 1890 года, № 1, лл. 2—3.
[73] Там же, лл. 8 и 19 об.
[74] Карта составлена *Чирковым* и издана Астр. губ. стат. комитетом.

венным последствием признания дачи частной собственностью. но не надо забывать, что такое признание состоялось в явное нарушение прав хошоутовских калмыков на Табун-Аральскую землю и воды. У калмыков имелись на них, в сущности, те же самые права, что и на так называемую „рескриптную дачу“ в их улусе. и если в 1906 году калмыки заявили протест против единоличного пользования Шамбаем наследниками Тюменя, то до сознания возможности подобного же протеста против перехода Табун-Аральской дачи в чужие руки они не дошли.

Приложение

Калм. Обл. Архив, д. 1821 года № 1038, лл. 17—23.

Указ сената на имя астраханского губернатора И. И. Попова, от 20 апреля 1822 года, о дозволении хошоутовскому владельцу, полковнику Сербеджапу Тюменю купить землю у чиновника 7-го класса П. В. Сушкова. По 1-му департаменту, за № 12185. Копия, заверенная губернатором И. И. Поповым.

„По указу е. и. в—ства, правит. сенат **слушали** предложение г. министра юстиции, что г. управляющий министерством ин. дел сообщил ему, министру юстиции, что комитет гг. министров, вследствие представления его, управляющего, по просьбе калмыцкого владельца, полковника Тюменева о дозволении ему купить землю в Енотаевском уезде у чиновника 7-го класса Сушкова, соглашаясь с мнением его, управляющего министерством ин. дел, журналом своим, 14 января сего 1822 года состоявшимся, (с) высоч—шего утверждения положил: привести оное в исполнение, почему он, г. управляющий министерством ин. дел, и просит его, г. министра юстиции, учинить распоряжение о исполнении помянутого высоч—ше утвержденного положения комитета, вследствие чего г. министр юстиции (17) о таковом высоч—ше утвержденном положении гг. министров предлагает правит. сенату к надлежащему исполнению, препровождая при том списки как с представления г. управляющего министерством ин. дел комитету, как и с выписки из журнала оного по настоящему предмету. В препровождаемых же бумагах из'яснено: в представлении г. управляющего министерством ин. дел, что калмыцкого хошоутова улуса владелец, полковник Сербеджап Тюменев прошением своим, доставленным управляющему министерством ин. дел, об'яснил следующее: в 1764 году покойному деду его [75], по прошению его, отведено для поселения подвластных ему калмык место на луговой стороне Волги в Астраханской губернии, где и образовалось неподвижное селение Тюменевка, состоящее ныне во владении просителя.

---

[75] Имеется в виду владелец Замьян, женившийся на Ользе-Орошиху. вдове хойтского нойона Дежида и усыновивший ее сына, Джиргал Тюменя, отца Сербеджап Тюменя.

Сей владелец, избрав онее всегдашним своим пребыванием и желая улучшить жребий поселенных в нем калмык, не только приучил их к разным ремеслам, но и внушил (об.) охоту заниматься теми частями земледелия, кои исключительно свойственны тамошнему климату и почве земли. Возродившееся от постоянных в хлебопашестве упражнений благосостояние тех калмык было поводом, что некоторые другие из подвластных ему же, не имеющие скотоводства, снискивающие пропитание свое наймом в работы, изъявили равномерно желание быть водворенными на таковом же основании. Дабы удовлетворить сему благому намерению, могущему впоследствии принести пользу общую как губернии, так и самым водворенным калмыкам, Тюменев не мог назначить под поселение им земли, из числа состоящей под кочевьем улуса его, ибо удобной для сего нисколько в оном не имеется, а зная, в каком находится затруднении местное начальство касательно наделения землями кочующих народов в Астраханской губернии, где, от недостатка в оных и недоконченного их распределения, калмыки весьма стеснены в зимнем кочевании своем и от того теряют много скота, не решился последовать примеру деда своего и утруждать начальство об отводе ему на сей (18) предмет участка из казенных земель и, приняв намерение приобрести нужную для сего землю покупкою из частных рук, приторговал принадлежащую помещику 7-го класса Сушкову, состоящую Астраханской губернии в Енотаевском уезде, именуемую Черная Гряда, узнав впоследствии, будто бы сия земля отведена г. Сушкову для заселения русскими крестьянами, просил вас, г. астраханского гражданского губернатора, исходатайствовать ему дозволение на покупку той земли для заселения подвластными ему калмыками. Вы препроводили сие прошение на усмотрение командира отдельного Грузинского корпуса и, по предмету оного, положили следующее с своей стороны рассуждение [76]. Наделение землями калмык и прочих народов, кочующих в Астраханской губернии, есть один из важнейших предметов к поддержанию местного богатства; сии народы, не смотря на все попечения правительства, чувствуют некоторое стеснение, особливо в зимовке и водопоях, ибо большая часть земель (об.), лежащих по Волге, принадлежит или казакам, или помещикам. Выгоды, происходящие от скотоводства и других промыслов кочевой жизни, были бы несравненно превосходнее, если бы всякий калмыцкий владелец, или улус, имел точную собственность, а потому желательно бы не только не воспрещать им покупать земли у помещиков, но нужно бы даже к тому их поощрять, ибо оседлость части калмыцкого народа принесет губернии больше пользы, нежели переведенные из других губерний крестьяне, не привыкшие ни к тамошнему климату, ни к почве земли и которые, вместо предполагаемого хлебопашества, занимаются все рыбными и другими того края промыслами, к коим и калмыки не менее их способны. По сим уважениям, вы мнением своим полагали, что позволение Тюменеву купить землю из частных рук доставит казне ощутительные выгоды и в то же время облегчит меры правительства к наделению землями кочевых народов: что сей пример Тюменева возбудит полезное (19) соревнование в прочих калмыцких владельцах: что таким образом скотоводство, с приобретением новых земель, гораздо более расширится, и

[76] Сказанное должно быть отнесено не к Попову, а к его предместнику, Бухарину; см. выше, стр. 88

калмыки, добровольно водворенные в постоянных жилищах, соединят в руках своих две отрасли истинного государственного богатства: земледелие и скотоводство. В ответ на сие генерал-от-инфантерии Ермолов уведомил вас, что правительство, назначив в Астраханской губернии под заселение русскими крестьянами земли, имело в виду ту выгоду, что, с умножением там жителей, облегчится отправление земской и других повинностей, а между тем, кочующий народ, время-от-времени ознакомливаясь с образом жизни хлебопашцев, вечувствительно мог бы получить некоторое образование и постигнуть пользу, происходящую от оседлой и постоянной жизни. На сей конец правительство положило правилом: если кто из владельцев таковой земли в течение назначенного срока к заселению не сделает на оной надлежащего водворения, то земля поступает в казенное (об.) ведомство. а впоследствии времени может замещена быть если не помещичьими, то казенными крестьянами из тех губерний, в которых поселение велико, а земли недостаточно,—почему генерал Ермолов и не мог из'явить согласия на дозволение Тюменеву купить землю у помещика Сушкова, полагая главнейшим к тому препятствием сколько неимение им права на приобретение им русских крестьян, а еще более то, что калмыки, коих намеревается он поселить на сей земле, имея с давних времен по Астраханской губернии большое количество земель, вовсе не обработанных и занимаемых одним скотоводством, не могут почесться вновь прибывшими поселенцами, для которых было бы необходимо другое назначение земли для их водворения. О сих затруднениях ген.-от-инф. Ермолов поручил вам известить Тюменева с тем, что если сей последний надеется склонить подвластных ему калмык к оседлой жизни, то не оставил (20) бы употребить старание свое о водворении их на удобных для сего местах из числа земли, предоставленной под кочевье и состоящей в полном распоряжении калмыцкого народа, за что правительство останется ему признательным. Тюменев против сих затруднений представляет следующее: 1, хотя землю Сушкова назначено заселить русскими крестьянами, надобно полагать однако-же, что для правительства все равно, русские ли крестьяне или калмыки водворены будут на оной, ибо цель правительства—умножить в тамошнем краю число постоянных жителей выполняется в обоих случаях; водворение калмык, кои ни кочевыми, ни постоянными обитателями назваться не могут, ибо, не имея скота, проживают наймом в работах, еще тем нужнее кажется, что сии люди, ведя таковой род жизни, портятся только в своих нравах и заражают других. 2. До открытия Кавказской губернии, калмыки пользовались действительно большим количеством земли и угодий, но оные впоследствии умалились потому, что стали (об.) приходить из разных губерний поселяне, коим, а равно помещикам, удобные к хлебопашеству земли розданы, а калмыкам остались одни степи, где или мало, или вовсе нет воды, от чего в кочевании своем они находятся теперь крайне стесненными, и сей недостаток удобной земли полагает, следственно, совершенную препону для Тюменева произвести желаемое им поселение части подвластных ему калмык на земле, под кочевье предоставленной. По сему предмету граф Нессельроде входил в об'яснение с г.-от-инф Ермоловым, изложив всю пользу, которую находит в позволении калмыкам приобретать земли. Главноуправляющий в Грузии согласился с его мнением, но присовокупил, чтобы сию землю от г. Сушкова не иначе купить, как на имя всего улуса Тюменева, а не на одно его, на что и Тюменев из'явил свое согласие. Известясь о сей

переписке, владелец той земли, подал управляющему министерством ин. дел записку, из которой явствует (21), что та земля досталась фамилии его покупкою из межевой канцелярии в 1772 году безусловно и дошла наследственно до него,—что в разные времена, при наследственных разделах, взамен оной уступленно прочим ее наследникам: следственно, фамилия его признавала землю сию собственностью своею безусловно, тем паче, что и правительство не понуждало к заселению оной до 1818 года, января в 24 день, в который высоч-ше утверждено мнение гос. совета, последовавшее на доклад правит. сената, коим повелено обязать Сушкова к заселению той земли в течение 6-ти лет. В 1819 году настоящий владелец, по кончине отца своего получив ту землю по разделу с братьями, запродал калмыцкому владельцу Тюменеву, а потому и просил исходатайствовать утверждение сей его продажи, без чего он подвергнется совершенному расстройству. Граф Нессельроде, находя, что дарование права калмыцким (об.) владельцам приобретать покупкою земли на свое одно имя или в пользу всех калмык, принадлежащих к их улусам и на тех землях поселяемых, должно принести государству великую пользу, ибо владельцы и их подвластные тем более привержены будут к России, имея постоянные жилища, и с переменою образа жизни изменятся и суровые нравы их,—почувствуют все выгоды и приятства лучшего гражданского устройства,—станут более заимствоваться от русских и сближаться с их обычаями и занятиями; сверх того, приобретение недвижимой собственности удержит их навсегда в тех краях, где они водворены, и, таким образом, не возобновится больше бегство, подобно случившемуся уже единожды,—полагает мнением не только позволить владельцу Тюменеву купить у Сушкова землю на имя своего улуса, но и не стеснять назначением сроков сему заселению. Управляющий министерством иностранных дел, представляя все сие комитету гг. министров, испрашивает разрешения (22). В выписке из журналов комитета в заседании 17-го генваря слушана записка управляющего министерством иностранных дел от 23-го сентября 1821 года за № 512 по азиатскому департаменту, внесенная в журнал комитета под № 103-м о дозволении калмыцкому владельцу полковнику Тюменеву купить у чиновника 7-го класса Сушкова принадлежащую ему в Астраханской губернии землю. Комитет, соглашаясь с мнением управляющего министерством иностранных дел, полагал: оное утвердить, испросив на то высоч-шее соизволение. В заседании 7-го февраля объявлено комитету, что г-рь им-р на положение оного соизволяет. Приказали: о приведении означенного в-ше утвержденного положения комитета гг. министров в надлежащее исполнение предоставить управляющему министерством иностранных дел и вам, г. астраханскому гражданскому губернатору, учинить зависящее со стороны вашей и управляющего министерством (об.) иностранных дел распоряжение и отослать указы, таковыми дать знать главноуправляющему Астраханскою губернией и управляющему министерством внутренних дел. Апреля 20-го дня 1822 года“ (23).

5. VIII. 30.

Оброчные статьи

I

Обстоятельства, предшествовавшие учреждению оброчных статей.

Суровые зимы, временами посещавшие Калмыцкую степь, всегда вносили те или иные потрясения в скотоводческое хозяйство калмыков, которое раньше было предоставлено у них всецело воздействию природы. Калмыки в массе не имели обыкновения устраивать загоны для лошадей и скота: не заботились заготовлять корм табунам лошадей и стадам скота на зимний сезон. Только так называемые черные земли [1] по северо-западному побережью Каспия, куда калмыки спешили направлять табуны лошадей и стада скота, когда их застигала беда, служили убежищем для них при условии, если удавалось во-время добраться до этих земель, где в густых зарослях камышей животные находили защиту от непогоды и корм. Чем больше выпадало снегов, чем чаще проносились свирепые снежные бури—шурганы, и длительнее проходил в степи период гололедицы—зуда, тем чувствительнее бывали потери у скотоводов. То бедствие, которое выпало на долю калмыцкого животноводства в зиму 1930/31 года, не составляет какого-либо исключительного явления в степи. Правда, на этот раз бедствие было особенно велико, и потребовались героические усилия для борьбы с ним и для ликвидации его последствий [2]. Но подобные катастрофы, различаясь лишь размерами, известны калмыкам по опытам прежних лет—как сравнительно недавних, так и более отдаленных [3]. Например, в письме владелицы Дербетовского улуса Абы к государственному канцлеру кн. А. М. Голицыну в 1764 году, между прочим, говорится, что в районе кочевий этого улуса выпал „превеликий снег“, и он „так крепко ожесточал, что лошадь копытом пробить не может“; три части улуса „восчувствовали упадок“, и только одна часть оказалась в несколько лучших условиях, пострадав меньше других [4]. В подобном же положении, надо полагать, находились и прочие тогдашние калмыцкие улусы. Известно, что в суровую зиму 1798 года калмыки потеряли 562878 голов крупного и мелкого скота [5]. Катастрофичными были затем: 1845 год, унесший 209726 голов скота. 1860 год—149362, 1871 год—74207, 1889 год—70532,

---

[1] Иначе—черневые земли, черни.

[2] *А. П. Пюрбеев*, „Борьба с зудом“, в ж. „Калмыцкая степь“ за 1931 год, № 2, стр. 19—30; „Об итогах борьбы с зудом“, в ж. „Сельский Коммунист“ за 1931 год, № 5, стр. 48—57.

[3] На эту сторону дела, между прочим, обращает внимание *Бадма Г. Майоров* в статье „Уроки зуда“, в газ. „Поволжская Правда“, от 17 марта 1931 года, № 85 (849).

[4] Калмыцкий Обл. Архив (КОА), д. 1764 года, № 313, л. 118 об.

[5] *Н. О. Очиров*, „Астраханские калмыки и их экономическое состояние в 1915 году. Астрахань. 1925“, стр. 59.

1890 год—84530, 1891 год—244098, 1892 год—200304, 1893 год—178117, 1896 год—304041 голову скота [6].

Особо, и соответственно задаче настоящего исследования, необходимо упомянуть о суровой зиме, случившейся в Калмыцкой степи сто лет тому назад. Она весьма разорила калмыков. По данным, собранным к лету 1832 года, выяснилось, что наиболее пострадали за зиму скотоводческие хозяйства Багацохуровского и Малодербетовского улусов. Багацохуровцы, повидиму, настолько были ошеломлены бедствием, что администрация не настаивала на доставлении ими подробного списка потерь скота,—они были и без того ясны. От малодербетовского владельца было принятое заявление общего характера, что из больших конских табунов в улусе имеются лишь незначительные остатки, от стад же верблюдов, рогатого скота и овец уцелело по 4—5 голов. Пусть владелец и преувеличивает, но, во всяком случае, потери, как видно, были чрезвычайно велики в улусе, где в 1827 году насчитывалось 15 тысяч верблюдов, 70 т лошадей, 25 т. голов рогатого скота и 50 т. овец [7]. В пяти улусах: Торгоутовском [8], Эрдени-Кичиковском, Харахусовском, Большедербетовском и Хошоутовском в общем погибло 2481 верблюд, 11170 лошадей, 7850 голов рогатого скота и 77177 баранов. Насколько были тяжелы потери скота по отдельным улусам, сравнительно с их экономической мощностью, можно судить хотя бы по Хошеутовскому и Эрдени-Кичиковскому улусам. Первый, мощный улус, с населением в 1235 кибиток [9], в 1827 году располагал 8 тысячами верблюдов, 30 тысячами лошадей, 20 тысячами голов рогатого скота и 110 тысячами овец. Он потерял 940 верблюдов, или 11,75 % общего их количества; потерял 4143 лошади, или 13,81 % конского состава; 3311 голов рогатого скота—16,56 %; 37220 овец—33,84 %. Небольшой Эрдени-Кичиковский улус, с его 347 кибитками, имел 2 тысячи верблюдов, 8 тысяч лошадей, 13 тысяч голов рогатого скота и 15 тысяч овец, а потерял 122 верблюда—6,10 %, 212 лошадей—2,65 %, 131 голову рогатого скота—1,01 % и 2575 овец—17,17 %. В обоих улусах, как, впрочем, и в остальных из пяти вышеназванных улусов, наибольший процент убыли приходился на стада овец. В зиму 1831/32 года не пострадал один Эркетеневский улус,—эркетеневцы успели отвести свои стада в укромные урочища, куда не доносились губительные шурганы, почему улусный скот у эркетеневцев уцелел [10].

Бедствие 1831/32 года, которому у калмыков предшествовали еще три года хозяйственных невзгод, вызвало особого характера административное мероприятие—денежный сбор с каждой кибитки в размере 3 рублей на ассигнации в год. Из этого сбора предположено было составить капитал для выдачи ссуд калмыкам в случаях потери скота «от жестокости зим и повальных болезней». Проект,

---

[6] *Н. Пальмов*, „Обоседление калмыков и русская иммиграция, в Калмыцкую степь", в ж. „Калмыцкая Область" за 1926 год, № 1 (4), стр 40—43 (римск. сч.).

[7] Такое количество скота на 1827 год показано в Малом-Дербете у *Н. Нефедьева* в издании: „Подробные сведения о Волжских калмыках, собранные на месте. СПБ. 1834", стр. 262.

[8] Повидимому, так названы Икицохуровский и Яндыковский улусы, взятые вместе

[9] Данные населения по улусам см. у того же *Нефедьева*, в приложении к стр 101.

[10] КОА, д. 1832 года, № 1293, л. 178 и л. 186.

выработанный комиссией калмыцких дел в Астрахани и представленный в министерство внутренних дел от 2 сентября 1832 года, получил утверждение, и решено было приступить к осуществлению задачи—образовать общественный калмыцкий капитал с 1 января 1833 года, при чем экономически неблагополучные Багоцохуровский и Малодербетовский улусы на три года освобождались от денежных сборов. Но не долго существовали эти сборы, встреченные несочувственно калмыками. В 1836 году они прекратились, хотя, впрочем, за это время удалось накопить 23807 рублей с копейками [11]. По Положению об управлении калмыцким народам 1834 года, вошедшему в действие с 1836 года, а затем, по Положению 1847 года, в общественный капитал стала выделяться известная сумма из покибиточного сбора, известного под именем албана. Известно, что общественный калмыцкий капитал, возрастая постепенно, достиг собственно у астраханских калмыков весьма внушительной цифры: к 1892 году он определялся в 1,800,000 рублей. Затем, он стал таять: в 1913 году от него оставалось 380494 рубля с копейками. Уже в 1894 году об'яснялось, что сокращение капитала произошло не только вследствие выдачи из него определенных сумм в покрытие „убытков", понесенных владельцами и аймачными зайсангами при отмене албанного сбора, но еще из-за „отнесения на этот капитал непосильных и неправильных расходов по управлению калмыцким народом и на земские потребности" [12]. Те же „непосильные и неправильные расходы", очевидно, подтачивали капитал и в последующие годы. Более счастливым оказался Большедербетовский улус, выделенный из Астраханской губернии и перешедший в Ставропольскую губернию в 1860 году. Там не приходилось тратить больших денег в возмещение владельцу и зайсангам за потерю албана, скромнее были и вообще улусные расходы. По официальным сведениям, в 1917 году капитал Б. Дербета выражался в сумме 1392500 рублей: и приносил 53765 рублей ежегодного дохода [13]. Между тем, по „Смете доходов по общественному калмыцкому капиталу Астраханской губернии на 1913 год", капитал Астраханских калмыков приносил только 12055 рублей дохода.

Но общественный калмыцкий капитал образовался не столько за счет отчислений от албанного сбора с калмыков, сколько от денежных поступлений от сдачи в аренду так называемых оброчных статей, одной из целей учреждения которых выставлялась опять-таки забота о помощи населению степи в экономически-трудные для него годы.

II

Возникновение оброчных статей.

Параграф 224 Положения об управлении калмыцким народом 1834 года [14], повторенный и в Положении 1847 года, остававшемся в силе до самой Революции,

[11] КОА, д. 1832 года, № 1353, т. 1, л. 271.

[12] КОА, ст. Бухгалтерский УКН, в. 3, д 1894 года, № 141, л.·5 и л—8 об.—9. Сводная таблица общественного калмыцкого капитала была составлена в Калмархбюро в 1925 году и находится в в отделе случайных поступлений под № 14, лл 3 об.—6.

[13] Там же, лл 9—10.

[14] Печатный экземпляр этого положения, с параллельным русским и калмыцким текстом, имеется в КОА

гласил: „Всем, не принадлежащим к калмыцкому народу людям, какого бы звания ни были, строго воспрещается селиться на землях, во владение калмыков отведенных, пасти на оных скот и вообще иметь постоянное там пребывание“ [15]. Но в издании Положения 1834 года в девятом томе Свода Законов 1842 года, под заглавием: „О калмыках, кочующих в Астраханской губернии и в Кавказской области“, к статье 1230, разд. V, гл. 4, воспроизводящей параграф 224, сделано примечание и к нему приложены „Правила об отдаче земель калмыцких в оброчное содержание“ из 13 пунктов, от 23 февраля 1837 года. В примечании поясняется, что „в виде временной меры дозволено излишние калмыцкие земли отдавать в оброк инородцам на общем основании, сроком не долее 12 лет“. К чему же сводятся Правила?

В пункте 1 читаем: „Калмыцкому народу принадлежащие земли, в коих для собственного скотоводства, до времени разложения такового, калмыки надобности не имеют, дозволяется отдавать в оброчное содержание всем инородцам, как то: армянам и татарам помещикам, казакам, крестьянам и прочим людям для скотоводства, хлебопашества и сенокошения“. В пункте 5: „Деньги, поступающие за содержание оброчных калмыцких статей, суть общественная принадлежность улусов и определяются на пособие разоренным несчастными случаями калмыкам, покупкою для них рогатого скота“. Пункт 6: „На сей предмет сии деньги поступают в улусные суды по принадлежности, которые в покупке скота и раздаче оного бедным калмыкам руководствуются правилами, изданными для употребления денежного капитала, составляющегося от сбора 86 коп. серебром с калмыцкого народа“. Таким образом, сборы с земель, отдаваемых в оброк, имеют то же назначение, какое имел покибиточной сбор 1833 года и заменивший его с 1836 года 86-копеечная часть из албана. Правила ставят известные условия лицам, желавшим взять в оброк калмыцкие земли: „Для пастьбы скота, для накошения и уборки сена, для караула пашень и для других работ“,—говорится в пункте 11,—„откупщики оброчных калмыцких земель обязываются преимущественно нанимать калмыков бедного класса“. Помимо возможности получить заработок, в этом порядке усматривается и другая выгода, рассчитанная на то, чтобы „приучить и приохотить калмыков к сельскому хозяйству“, почему „улусным попечителям, равно владельцам, правителям и зайсангам поставляется в непременную обязанность приохочивать бедных калмыков к найму в сии работы, внушая им настоящую пользу и будущее чрез то благосостояние“,—так сказано в пункте 12 правил, оставленных „в настоящей силе“ и в Положении 1847 года [16].

Интересно сделать сопоставление. В то время, как калмыки жаловались на малоземелье, препятствовавшее им вести скотоводство в широком размахе кочевничества, горевали о лишении доступа к лесистым местам и урочищам, где раньше мог укрываться скот в летние жары и в зимнюю непогоду, и вздыхали о сладких проточных водах, вместо которых приходилось довольствовать стада водопоями со-

[15] Гл. XIV Положения—„О мерах к отвращению самовольных водворений в улусах“, стр. 81.

[16] См. примечание к ст. 247, разд. III, гл. IX этого Положения, напечатанного в Полн. Собр. Законов, 2 собр., т. XXII, № 21144, стр. 371.

леных степных худуков и конаней. как отчетливо выражал все это еще Джиргал Тюмень в 1805 году [17], правительство находило наличные калмыцкие земли и угодья вполне достаточными для нужд скотоводства. Не считаясь с его особенностями, оно признавало эти земли и угодья чересчур большими, почему и отдавало излишние земли в чужое пользование, хотя и с ни к чему не обязывавшей оговоркой—впредь до размножения калмыцкого скотоводства. Получалось различие точек зрения, весьма невыгодное для калмыков. По условиям кочевнического хозяйства, калмыки нуждались в расширении настбищ, а правительство, не считаясь с реальной действительностью, хотело поставить калмыков на ногу культурных скотоводов, чего сразу нельзя было сделать. Нельзя было вдруг превратить кочевников в оседлых жителей. К оседлости, без которой немыслимо рациональное скотоводство, надо было умело и последовательно привести калмыков, а об этом правительство не позаботилось. Та мера, которую оно предлагало, т. е. отдача калмыцкой бедноты в услужение арендаторам, меньше всего могла вести к цели. Всякий арендатор заботился об эксплоатации наемного труда и старался выжать в свою пользу все силы работника, как это особенно ясно показали рыбопромышленники, в больших размерах пользовавшиеся услугами рабочих калмыков. Новый порядок отдачи калмыцких земель в оброк заведомо толкал калмыков, владельцев этих земель, в экономическую неволю. Этого они не могли не сознавать. Поэтому на первых порах, когда вступили в действия Правила, местная администрация, чтобы не раздражать калмыков, действует не без осторожности и в течение ряда лет как бы воздерживается от раздачи калмыцких земель „направо и налево" в аренду, хотя спрос на них был уже давно. Русское и украинское малоземельное крестьянство постепенно внедрялось в Калмыцкую степь, а образовавшееся в его среде кулачество захватывало подходящие для себя земельные участки и устраивалось на них как легальным, так и нелегальным порядком [18]. Кроме того, по левому берегу Волги соседили с калмыками киргизы Букеевской орды, нуждавшиеся в земле.

III

Начальный период в истории сдачи калмыцких земель в оброк.

В октябре 1837 года Совет калмыцкого управления намечает к сдаче в аренду два земельных участка в Малодербетовском улусе: Джамба с 366 десятинами 1600 саженями удобной земли и Джинбата с 1482 десятинамы удобной и 120 дес. 30 саж неудобной земли. Неофициально эти участки уже были в аренде, так как в протоколе заседания Совета от 26 октября записано: „Земли эти в нынешнем году принесли доходу на 3 тысячи". Кроме названных участков земли, предполагалось образовать оброчные статьи в Багацохуровском улусе: первый—возле хуторов

[17] КОА, д. 1803 года, № 915, л 30. Содержание письма довольно подробно приведено в моей статье „Приволжские калмыки" в издании „Ежегодник Астраханского Краевого Музея. Каталог Музея. Этнографический отдел. Калмыки. Астрахань. 1928", стр. 16-17. Короче— в статье „Лесоводство, садоводство и огородничество в Калмыцкой степи", в ж. „Калмыцкая Область" за 1926 год, № 2—3 (5—6) стр 98—99.

[18] „Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь", в ж. Калмыцкая Область" за 1925 год, № 2, стр. 131.

с. Пришибинского, Золотухина и Лихобабина от реки Ахтубы в степь на 15 верст, мерой в 22403 десятины 300 саженей. Арендаторы на эту землю уже находились: это были крестьяне названных двух хуторов, они соглашались платить по 400 рублей в год. Второй—возле хуторов Пирогова и Левкина у с. Никольского, от той же реки Ахтубы в степь на 14 верст. Крестьяне хотели снять эти земли, в которых считалось 21216 дес. 1600 саж. за 150 рублей. Третий—возле Сокрутова хутора при с. Болхуны к Баскунчакскому соленому озеру, размером в 15894 дес. Четвертый—возле с. Сасколи мерой в 13979 дес. 1700 саженей. Наконец, пятым был участок в 83273 дес. 900 саж., пограничный с землями киргизов, кундровских татар и хошоутовского владельца Тюменя: этот участок мог интересовать как киргизов, так и кундровских татар [19]. Из семи арендных участков первые два находились на правом нагорном берегу Волги, остальные—на левом луговом ее берегу, но все они были расположены по окраинам степи, при чем первые два участка соприкасались с землями Северного Кавказа. Подобное же явление—устремление взоров на окраины Калмыцкой степи—мы наблюдаем в 1846 году, когда было издано Положение о заселении калмыцких дорог. Эти дороги проводились по окраинам, и здесь именно на наиболее удобных пунктах устраивались станицы, привлекшие своими экономическими выгодами русское и украинское крестьянство, к которому, в конце концов, и перешли в пользование эти станицы с их землями и угодиями.

Хотя крестьяне выражали готовность взять в аренду два участка земли в Багацохуровском улусе, но или давали за них такую арендную плату, которая не удовлетворяла Совет, или продолжали колебаться, воздерживаясь от окончательного решения. Назначенные на январь 1838 года торги не состоялись, а в марте того же года, на вторичных торгах, о желании взять в аренду три земельных участка в Багацохуровском улусе по левому берегу Волги и по Ахтубе, в общей сложности 59514 десятин, заявил некто П. Шеньян, заведывавший школой садоводства в Астрахани [20], он увлекался шелководством и планировал развести рощи тутовых деревьев по берегам Волги и Ахтубы. Шеньян предлагал за землю арендную плату в размере 970 рублей ассигнациями в год, но с непременным условием заключить договор на 12 лет. Такое условие не согласился принять военный губернатор В. Г. Няткин: он ограничивал срок аренды двумя годами. Кажется, Няткин не особенно верил в успех предприятия Шеньяна,—тот отказался участвовать в торгах. На новые торги в мае были посланы специальные приглашения хану Букеевской киргизской орды Джангеру, хошоутовскому владельцу Тюменю и кундровским татарам. Через своего поверенного Караулова киргизский хан взял в аренду 83273 дес. 900 саж. земли, прилегавшей к кочевьям Букеевской орды, за 4 т. рублей ассигнациями в год, сроком с 1 июня 1838 года по 1 июня 1841 года [21].

Из отчетов по управлению калмыцким народом видно, что в 1840 году оброчные статьи принесли 3484 рубля с коп. серебром, но в 1841 году доход пони-

---

[19] КОА. Журналы СКУ за 1837 год, октябрь, лл 395—406.

[20] О Шеньяне некоторые сведения приведены в моей статье „Шелководство в Калмыцкой степи", в ж. „Калмыцкая Область" за 1925 год, № 1, стр. 95 и 109.

[21] КОА. Журнал СКУ за соответствующие месяцы 1838 года, лл. 215, 208—211, 387 об., 201—204.

зился до 2311 рублей [22], и Совет решает как бы компенсировать убыток посредством образования арендных участков земли в Б. Дербете: в вершинах урочищ Большой и Малой Кугульты, в длину на 20 верст и в ширину на 10 верст; по левую сторону Манычa в урочищах Кнота, Джингу, Маяи и Гордачи, из которых каждое имело в длину до 10 верст и в ширину до 7 верст. и по левой стороне Б. Калауса намечало большой район в длину верст на 80 и в ширину верст на 20. Эти участки имелись в виду и раньше,—о возможности сдачи их в аренду говорили еще в 1838 году в Совете калмыцкого управления, а теперь было постановлено осуществить предположение [23]. Однако, в 1842 году в откупе состояло только три земельных участка: один—у кизлярского купца Гамбурова и К°, другой—у общества черноярских купцов и мещан, третий—у хошоутовского владельца Тюменя. Доход выражался в сумме 2467 рублей с коп. В этом же году, с согласия общества калмыков Эркетеневского улуса, было решено отдать в аренду крещеным калмыкам Моздокского казачьего полка „часть земли", принадлежавшей эркетеневцам [24]. В 1843 году имеется четыре оброчные статьи: четвертую статью и составляет земельный участок, сдававшийся крещеным калмыкам Моздокского полка. Арендатор Багацохуровских земель, Тюмень, взявшей их в содержание после отказа киргизского хана Джангера от аренды, фактически не мог воспользоваться землями, так как их продолжали занимать киргизы, не подчинявшиеся требованиям об уходе. Тюмень перестал вносить арендную плату с половины 1842 года, и за ним числилась недоимка к концу 1843 года в сумме 728 рублей с копейками. Джангер стоял на стороне киргизов. При возникшем споре, он называл Багацохуровские земли „принадлежащими подвластному ему народу" и отказывался дать распоряжение киргизам о предоставлении Тюменю возможности эксплоатировать земли, числившиеся у него в аренде. Спор продолжался до 1845 года. Как Тюмень ни был заинтересован тем, чтобы удержать за собой аренду, но в споре с киргизским ханом хошоутовский владелец не устоял и вынужден был сдать позиции. Он официально отказался от аренды, а Джангер, не перестававший доказывать права киргизов на владение Багацохуровскими землями, „наконец согласился", как сказано в отчете за 1845 год, „сам до окончания спора платить об'явленную Тюменем сумму", в счет которой действительно прислал в Совет калмыцкого управления 1214 рублей с коп. За последовавшею вскоре смертью киргизского хана, взнос арендных денег прекратился. Три раза военный губернатор обращался к преемнику Джангера начальнику Букеевской орды с требованиями относительно присылки в Астрахань доверенного для заключения контракта на аренду земель и о покрытии денежной задолженности хана по этой аренде, но ничего не добился. Киргизы игнорировали требования губернатора. „Ни денег, ни поверенного не выслано" из орды, констатируется в отчетах за 1845—1848 годы, а в отчете за 1849 год упомянуто, что астраханский губернатор обращался за содействием к оренбургскому военному губернатору Обручеву, и что тот с своей стороны отдал приказание об удалении киргизов с земельного участка, раз они не хотят платить за него аренду, как и о взыскании с них денег за пользование землей в предыдущие годы. Но тем не менее

[22] КОА, отчет по УКН за 1840 год, л. 7 и за 1841 год, л. 12.
[23] КОА, журналы СКУ за июнь 1841 года, л. 123.
[24] КОА, отчет по УКН за 1842 год, лл. 23—24.

опять таки оказалось, что „денег с киргиз еще не взыскано, и они с оброчной статьи не сведены“. Только в 1851 году удалось свести киргизов [25].

Прочие арендаторы платили исправно. В 1843—1845 годах от Гамбурова и черноярцев поступило доход в 1938 рублей с коп. ежегодно. В 1845 году к этой сумме присоединилось еще 150 рублей арендной платы, поступившей от Моздокских крещеных калмыков, которая затем повысилась до 180 рублей. В 1862 году эта, так называемая, Эркетеневская оброчная статья была совсем исключена из списка, за причислением арендуемой земли к Ставропольской губернии [26].

1 октября 1845 года истекал срок аренды земельного участка, взятого на содержание черноярцами. Калмыки захотели сами пользоваться им. Хотя участок состоял в районе Багацохуровского улуса, но он принадлежал к общему кочевью, на которое улусы могли приходить поочередно. Малодербетовский владелец, багацохуровский правитель и икицохуровский опекун заранее заявили в Совет о желании своих подвластных и просили не отдавать земельный участок в аренду на новый срок, в виду „размножения у калмыков скотоводства“. Совет не возражал, и черноярцам было отказано в аренде. В оброке осталось три участка. Так было до 1849 года. В этом году участок на общих кочевьях снова стал сдаваться в аренду, и опять образовалось четыре оброчные статьи, за которые ожидался доход в 3872 рубля, но фактически за них было получено 1345 рублей, остальные же 2527 рублей составили недоимку,—она числилась за киргизами [27].

В 1851 году оказывается уже 19 оброчных статей. Из них на 14 статей было разбито 99267 десятин земли в Ставропольской губернии, в удовлетворение хозяйственных нужд крестьян этой губернии. Ставропольские участки сдавались на годичный срок и в общем имели приносить доход в 6160 рублей; остальные должны были давать 2627 рублей. Но в следующем 1852 году на участки в Ставропольской губернии заявили притязание мусульманские племена этой губернии, до тех пор пользовавшиеся калмыцкой землей бесплатно и потому привыкшие считать ее своей. С другой стороны, местные крестьяне успели освоиться с мыслью, что земля будет в их руках. Для всестороннего выяснения вопроса понадобилось особая земельная комиссия, а тем временем, чтобы внести хоть некоторое успокоение в среду мусульман и крестьян, департамент общих дел министерства распорядился образовать новые пять земельных участков, общей площадью в 17 т. десятин, специально для удовлетворения экономических нужд мусульманского населения губернии. За пользование землей была определена плата по 7 коп. с десятины,—это была обычная арендная расценка. В 1852 году в фактической отдаче считалось 27 земельных участков, на сумму 10421 рубль годового дохода. Кроме того, в том же году поступила недоимка прежних лет, хотя и не полностью.

---

[25] КОА, отчеты за 1843 год, лл. 20—21; за 1844 год, лл. 17—18; за 1845 год, лл. 10—11; за 1846 год, лл. 15—16; за 1847 год, л. 12; за 1848 год, лл. 13—14; за 1849 год, лл. 6—7; за 1851 год, л. 7.

[26] КОА, отчет за 1862 год, л. 15.

[27] КОА, отчет за 1849 год, л. 6. В дальнейшем цитаты опускаются, так как нужные справки легко найти в соответствующих отделах отчетов, раз по знаем год того или другого отчета.

было подсчитано, что общий доход от оброчных статей выразился в сумме 12622 рублей и в недоимке оставалось всего 1827 рублей с коп.

Работа земельной комиссии не давала желательных результатов. Мусульмане продолжали спорить, не позволяли крестьянам пользоваться землей и сами отказывались уплачивать сбор за землю. От этого доходность оброчных статей понизилась. В 1853 году поступило 10978 рублей и было недополучено 4437 рублей, а в 1854 году поступило всего только 5152 рубля с коп. В отчете за 1854 год определенно указывается, как на главную причину этого обстоятельства, на „притязания ставропольских магометанских народов и их управления к участкам калмыцкой земли, отданным тамошним жителям для распашек", почему министерство внутренних дел с своей стороны в ноябре 1853 года распорядилось приостановиться отдачей сторонним лицам земель в Ставропольской губернии. Начиналась война с Турцией, и становилось небезопасным раздражать ставропольских мусульман какого бы то ни было рода нажимами. Земельные потери калмыков как бы компенсировались обращением в их пользование двух земельных участков, состоявших до тех пор в аренде Гамбурова и К°. Эти участки перестали сдаваться, „по встретившейся в них надобности для самих калмыков", сказано в том же отчете.

Общий подсчет дохода от оброчных статей с 1849 года по 1855 год, с показанием доходности от них за каждый из этих годов, мы имеем в отчете 1855 года, именно—46283 рубля с копейками. За 1856-й год прибавилось к этой сумме еще 4356 рублей дохода.

IV

Увеличение количества оброчных статей.

В отчете по калмыцкому управлению за 1860 год сказано, что существующее устройство оброчных статей во многом заставляет желать лучшего, и что образование новых статей соединено с немалыми затруднениями. К сожалению, не сохранилось отчета за 1858 год, где указывались причины того и другого обстоятельства, которые составители отчета 1860 года сочли лишним повторять. Но едва-ли в данном случае не сыграла свою роль беспорядочность, сопровождавшая вселение русского и украинского крестьянства в Калмыцкую степь, по силе Положения 1846 года о заселении степных дорог. Жизненные нужды переселившегося крестьянства расходились с выработанными правилами,—они не удовлетворяли его запросов. Когда мощная колонизационная волна хлынула в Калмыцкую степь, и крестьянство не нашло здесь того, что рассчитывало получить, оно начало устраиваться по своему. Местная администрация была поставлена втупик пред неожиданным явлением, и чтобы хоть несколько спасти положение, трудное для крестьянства и обидное для калмыков, у которых на глазах отбирались удобные земли, в конце концов ухватилась за идею оброчных статей. Крестьянство получало необходимые ему земли, но не даром, для калмыков же создалась иллюзия, что доход с земель обращается в их пользу. К увеличению дохода действительно прилагаются заботы. Несколько раньше 1860 года начинают сдаваться в аренду рыболовные озера внутри степи: Барманцак, Иркшиб, Хапата, Цаган-Нур, Цабдыр. В раннейших отчетах об этих озерах или совсем не упоминалось, или они указывались как не

не стоивших того, чтобы придавать им серьезное экономическое значение. „В некоторых озерах и в р. Куме хотя и водится разного рода мелкая рыба“,—читаем, напр. в отчете за 1841 год,—„но воды эти, по их незначительности, находятся в пользовании самих калмыков и в откуп не отдаются“. То же в существенном повторено и в отчете 1842 года. Теперь, пред 1860 годом, взгляд на степные озера изменился. В 1859 году они поступают в пользование зайсанга Яванова, который платит за них 590 рублей. В 1860 году озера сдаются в аренду двум крестьянам за 525 рублей.

С 1859 года возникают оброчные статьи в Мочагах, это—бугры Олинской, Седлистов и Маячный. За первые два бугра, состоявшие в аренде в Астраханской Учужной конторе, взималось 100 рублей: третий бугор был снят купцом Берном за 170 рублей, но потом был отобран у него за неплатеж денег.

По распоряжению министерства гос. имуществ в ноябре 1859 года, с 1860 г. земельный участок в 83273 десятины на луговом берегу Волги снова стал сдаваться в аренду киргизам сроком на 12 лет, по 951 руб. в год с надбавкой к этой сумме ежегодно по 1 проценту.

В том же ноябре 1859 года министерство разрешает разбить на участки 102174 десятины земли по Царицынско-Ставропольскому тракту возле станиц Тундутовой, Садовой, Заветной и Торговой и сдать эти участки в аренду. Официально об‘яснялось, что земля при проверке станичных угодий, оказались излишними». На самом деле, они необходимы были крестьянству, почему оно и не замедлило воспользоваться ими на совершенно легальных основаниях, т. е. сняв земли, стало платить за них оброк. Этим было положено начало разрешению земельного вопроса для крестьянства в Калмыцкой степи.

Неудачен оказался проект сдачи в аренду горы Богдо на левом берегу Волги. Гора Богдо, с ее залежами алебастра и известняка, не привлекала внимания предпринимателей; никого не заинтересовали и те 300 десятин земли, которые ее окружали и шли как бы в придачу к ней.

В южной части М. Дербета имелись, так называемые, «пиявочные воды». Это были речки, изобиловавшие пиявками. При проведении новой границы между Астраханской и Ставропольской губерниями, пиявочные воды отошли к Ставропольской губернии, но право ловли пиявок сохранилось за малодербетовскими калмыками. Администрации М. Дербета было поручено взимать особую плату с тех посторонних лиц, которые захотели бы специально заняться ловлей пиявок. Кажется, это распоряжение не исполнялось, по незначительности пиявочного промысла.

К Ставропольской же губернии перешла тогда единственная оброчная статья, существовавшая в Б. Дербете.

В 1860 году считалось 10 оброчных статей, с общей доходностью в 2429 рублей.

В 1862 году получают оформление земельные участки общего калмыцкого кочевья на левом берегу Волги. Калмыки перестали пользоваться этим кочевьем, и

на него имели виды, с одной стороны, киргизы Букеевской орды, с другой стороны —крестьянские общества Енотаевского уезда. Мы уже видели, что один земельный участок общего кочевья, размером в 83275 десятины, был предоставлен в арендное пользование киргизов по распоряжению министерства государственных имуществ в ноябре 1859 года.

Имелось еще 6 участков, на которые была разбита остальная часть общего кочевья. В 1862 году ими пользовался в качестве арендатора черноярский купеческий сын Калашников, платившій за них оброк в сумме 1970 рублей. Земля сдана была ему только на год. В июне 1862 года министерство распорядилось назначить торги на эту землю и пригласить к участию в них киргизов и крестьян ближайших сел. Временный совет по управлению киргизской ордой внес свое предложение—разделить земельные участки на две половины поперечной чертой от горы Богдо параллельно реке Ахтубе и образовать из них 12 участков с таким расчетом, чтобы одну половину их предоставить в пользование киргизам на 24-летний срок, а другую—на тот же срок крестьянам. Оренбургский военный губернатор возражал против такого предположения и настаивал на сдаче участков без разделения их, целиком, киргизам.

На торгах в октябре и ноябре 1862 года земля была сдана киргизам на 24-летний срок. Однако, крестьяне обжаловали такое решение. Они указывали в своей просьбе в министерство на крайнюю свою земельную стесненность, при которой «одни не имеют душевой земли, а другие имеют таковой недостаточно», да при том и эта наличная земля недоброкачественна, так как почти сплошь состоит из солончаков. Запрошенная по этому поводу Астраханская палата гос. имуществ поддержала интересы крестьян. Она писала в министерство, что если лишить крестьян пользования землей общего калмыцкого кочевья, то действительно их ожидает «расстройство в хозяйстве». Став на точку зрения Временного совета по управлению киргизской ордой, Палата с своей стороны находила справедливым удовлетворить земельные запросы как киргизов, так и крестьян посредством отдачи им 6 участков общего калмыцкого кочевья по половине в беспереоброчное пользование. Так и было сделано. Результаты недавних торгов потеряли значение и силу. 12 земельных участков, образованных из шести, поделили между собой в качестве арендаторов киргизы и крестьяне. В пользование землей они имели вступить с 1863 года, по окончании срока аренды ее Калашниковым, за которым она продолжала числиться в списке оброчных статей 1862 года в составе еще не 12-ти, а 6 участков.

Но уже и в 1862 году последовало большое увеличение количества оброчных статей. В отчете за этот год их указывается 39. Новые статьи были образованы преимущественно из «излишков» земельных угодий, назначенных станицам по прилегавшим дорогам в окружности Калмыцкой степи. Так, по Кизлярскому тракту при Промысловской станице оказался земельный излишек в 12888 десятин 466 сажени; при Оленичевой—2787 десятин; при Яндыковской—15151 дес. 2230 саж. Хотя на эти участки была назначена невысокая арендная плата, но мало находилось охотников снять их. Население приморской полосы интересовалось больше выгодами рыболовства, чем эксплоатацией земли, да при том еще не вполне удобной, по солонцеватости почвы. Торги на Промысловский участок не состоялись, —никто

на них не явился, почему администрация должна была уступить участок жителям Промысловки и сдать его им на хозяйственных началах за 60 рублей в год. За Ольничевский участок один астраханский мещанин, некто Гараев предлагал на торгах всего 33 рубля: в хозяйственном порядке удалось сдать его за 65 рублей местным жителям. Участок при Яндыковской станице снял местный крестьянин Коложный за 100 рублей 50 коп., а на 1863 год с торгов согласился взять его зайсанг Эркетеневского улуса Джамбаев за 102 рубля 50 коп.

Участки по Царицынско-Ставропольскому тракту, конечно, являлись гораздо интереснее. Их не только сняли тотчас крестьяне, но они не постояли и перед ценой. Тундутовцы платили 475 рублей годовой аренды, садовцы—500 рублей, жители Заветной—600 рублей, жители Торговой—525 рублей.

Не дало благоприятных результатов распоряжение министерства о сдаче в аренду татарам Бухарского и Гилянского дворов в Астрахани четырех урочищ Тунду-Толга, Хара-Толга, Тотошу-Толга и Барата-Хара-Толга в районе Мочагов. Урочища были удобны под выпас скота, чем и занимались там татары, а также туркмены. Но, уплатив взысканные с них 212 рублей 20 коп., татары и туркмены не приняли участия в торгах и, с разрешения высшей власти, предпочли откочевать в Ставропольскую губернию к своим однородцам.

Возлагались надежды на эксплоатацию каменоломень на урочищах Тенгута, Уласта, Альмата, Ялмата, Арган-Зельменъ в М. Дербете. Добычей камней из них промышляли, главным образом, крестьяне станицы Плодовитой, за что с них единовременно было взыскано 45 рублей. Теперь было решено сдать каменоломни с торгов. Инженер Шкультецкий составил подробное описание каменоломень, стараясь при этом выяснить, что добываемые камни «большею частью—хорошего качества и годны для жерновов». Экземпляр описания был послан в Малодербетовское улусное управление для осведомления окрестных жителей, приглашавшихся на торги. Но на торги никто не явился.

В проекте было образовать статьи из земельных излишков при станицах по Ставропольско-Царицынскому тракту Киселевой, Плодовитой, Обильной и Абганеровской. На предварительных улусных торгах выяснилось, что участок при Киселевой станице согласился взять крестьянин Марченко за 200 рублей, а Абганеровский участок брал зайсанг Кирпиов за 66 рублей 50 коп.; на остальные два участка спроса пока не было. Крестьяне еще не все собрались в первые три станицы. Приезд их сюда, как и в Крестовую станицу, ожидался в 1863 году. Так как тогда можно было сдать земли с большей выгодой, то улусные торги не получили утверждения.

За 1862 год доход от оброчных статей выразился в сумме 6801 рубль с копейками.

Распределение земель общего калмыцкого кочевья между киргизами и крестьянством было произведено без точного подсчета количества земли. Относительно киргизов считалось, что на их долю выпало 274179 десятин 1460 саж., за которые они обещали платить 5660 рублей ежегодно. В январе 1863 года министерь

ство утвердило аренду за киргизами, но с тем вместе поручило Астраханской палате сообразить, сколько из того кочевья потребуется в дополнительный душевой надел землею крестьянам приахтубинских селений, вовсе не имеющих надела или наделенных в недостаточном количестве, и землю эту изъять из пользования киргиз, обратив причитающуюся за нее плату, впредь до надела на крестьян». В июле, 1863 года, по контракту, заключенному с киргизами, крестьянам сел Пироговского, Золотухина и Михайловского было выделено 12511 десятин 2010 саж.; остальная земля, 261667 дес. 1850 саж., осталась за киргизами. Но когда особая земельная комиссия стала производить проверку земельной наличности, то сначала оказалось, что крестьянам отрезано в дополнительный надел 33213 десятин, а затем обнаружилось, что отведено даже больше этого—35968 дес. 1748 саж. Кроме того, в сентябре—октябре 1864 года в пользу крестьян сел Пироговского и Золотухина отошло еще 883 десятины и 1326 саж., да крестьянам села Сасколи дано 13688 дес. 830 саж. Всего вообще получалось 50540 десятин 1504 саж. В пользовании киргизов оставалось 223638 десятин 2356 саж.: за эту землю они должны были платить не 5660 руб., а 4616 рублей с коп., остальная сумма—1043 рубля с коп., подлежала к взысканию с крестьян четырех соседних сел. Сверх того, за крестьянами трех сел считалась недоимка в сумме 802 рублей с коп., так как в течение 1863—1864 годов они фактически пользовались 35968 десятинами 1748 саж., а платили всего 682 рубля, вместо 1489 рублей с коп. Однако, Палата нашла возможным ходатайствовать пред министерством об освобождении крестьян от уплаты долга, как и вообще о сохранении за ними права безоброчно пользоваться калмыцкой землей в необходимом размере, потому что иначе крестьянам грозило бы разорение, а казна потеряла бы в них плательщиков податей и исполнителей других повинностей.

Доходность участков по Кизлярскому тракту начинает несколько повышаться. За Промысловский участок крестьяне Ольянков и Доля платят 95 рублей. Участок у Оленичевской станицы снимает татарин-астраханец Мухаммед Миркараев за 60 руб. Яндыковский участок сдается крестьянам Колюжному и Луневу за 122 руб 50 к., при чем палатой выносится постановление о взыскании такой же суммы с крестьян, позволивших себе в 1864 году самовольно завести на этом участке хутора и пасти скот. Присутствие поселенцев на Яндыковской земле отбивало охоту у нанимателей являться на торги, так как они знали, что, арендуя землю, неминуемо должны будут входить в столкновения с поселенцами на ней. Поэтому, взыскивая деньги с крестьян, Палата с тем вместе предъявила к ним требование снести хутора в течение 6 месяцев и обязала их к тому подписками, под угрозой продажи построек с аукциона и обращения вырученных денег в доход калмыцкого общественного капитала. Штраф грозил и скотоводам. Улусному управлению вменено было в обязанность собрать точные сведения, кто именно из крестьян занимался нелегальным скотоводством на Яндыковской земле в 1864 году и каким количеством крупного и мелкого скота располагал.

Бугры на Каспийском море Маячный, Оленинский и Седлистев взял в аренду на четыре года купец Масленников, с платой за первый по 500 рублей в год, за второй—115 и за третий 65 рублей. Разбугоринский и Четырехбугорный бугры

уже состояли в аренде у чиновника Анджеевского с 1863 года на четыре года; он платил за них по 237 рублей в год.

Бездоходными продолжали оставаться урочища в Мочагах, которые в 1862 г. проектировалось отдать в аренду татарам Бухарского и Гилянского дворов.

Потеряли ценность и озера в М. Дербете. С 1861 года по 1863 год их снимал крестьянин Лыгин за 1250 рублей, но затем он отказался от аренды, так как озера пересохли. Возобновить рыболовное хозяйство в них было возможно лишь при условии соединения их с озером Цацой, так как одни стоки снеговых вод не давали им достаточного водного питания.

Перестали давать доход и каменоломни в М. Дербете. Правда, доход от них был всегда не велик, а в 1865 году никто не захотел взять их в аренду.

Пытались сдать в аренду казенный сад на Калмыцком Базаре с условием, чтобы арендатор выделил из него небольшую площадь под опытный огород для занятия воспитанников Калмыцкого училища в Астрахани. Но ни с торгов, ни хозяйственным порядком никто не соглашался взять сад в аренду. Единственный доход, какой принес сад, это было 50 копеек, вырученных от продажи фруктов.

С 1863 года стал сдаваться под выпас скота черноярским жителям участок земли в 47 тыс. десятин; в 1865 году за него поступило в доход 312 рублей.

Вообще, в 1865 году имелось 27 оброчных статей: доходность их выражалась в сумме 7109 рублей с коп.

В 1866 году количество оброчных статей увеличилось еще четырьмя, так что всех их стало 31. Новыми статьями являлись земельные участки при станице Благодатной, при Терновских шалашах в Мочагах и при Караванной станице. Первый участок взял в аренду крестьянин Каширский за 250 руб., второй поступил в аренду татарина Курманбек Бауфа за 240 руб., третий был снят в аренду зайсангом Тюрбеевым за 100 рублей. Кроме того, новая статья была образована на Калмыцком Базаре на так называемом Сорочьем, иначе—Вороньем, бугре. Лишенный всякой растительности, бугор до тех пор не приносил никакого дохода. Но в 1866 году в Астрахани была открыта вольная разработка соли, и явился спрос на места под соляные склады. Для них и назначался Сорочий бугор. Он был разбит на 30 участков, и в первый же год удалось сдать 6 участков соледобывателям за 296 рублей.

Озера в М. Дербете опять стали приносить некоторый доход. Барманцак дал 15 рублей, Пришиб—тоже 15 рублей, Ханата, Цаган-Нур и Цабдыр взятые вместе и принесли 30 рублей дохода.

Тингутинскую каменоломню согласились взять в аренду два крестьянина за 20 рублей; на прочие каменоломни в М. Дербете по-прежнему не находилось охотников.

Сад на Калмыцком Базаре опять никто не снимал: от продажи фруктов из сада было выручено 1 руб. 20 коп.

Всего оброчные статьи в 1866 году принесли дохода 8822 рубля с коп.

В 1867 году Караванный земельный участок перестал сдаваться в аренду, за отходом его в надел поселенцев станицы. В сдаче состояло 18 участков. Из оброчных 30-ти статей одни поднялись в цене, другие, наоборот, упали в цене. Так, например, Благодатинский участок был снят крестьянином Глебовым за 654 р. на 6-ти летний срок; раньше он шел за 250 рублей. Озера в М. Дербете взял в аренду крестьянин Бочкарев за 366 рублей: озера снова наполнились водой и стали рыболовными. Прекратил платеж аренды купец Масленников за состоявшие у него в аренде четыре бугра на Каспийском море, так как фактически он перестал ими пользоваться, вследствие производившейся нарезки земли под промысловые заведения рыбопромышленников в необходимом для них размере. Отошла под одноверстную береговую полосу на море и большая часть земель на Четырехбугорном и Разбугорном буграх, находившихся до 1867 года в аренде у Андржеевского. Возможным оказалось сдать только небольшой участок из них за 94 рубля местным жителям Разбугорья.

Прочие статьи удержали за собой прежнюю ценность, а урочища четырех затопленных бугров в Мочагах нашли, наконец, своего арендатора. Это был некий Хранов. На торгах в мае 1867 года он согласился взять урочище в аренду на 6 лет за 160 рублей, с прибавкой ежегодно одного процента к арендной плате.

На Калмыцком Базаре был сдан еще один участок на Сорочьем бугре под склад купцу Хлебникову на 2 года за 55 рублей. Что касается сада, то он опять никем не был снят, а за фрукты не удалось выручить и прежней мизерной суммы.

Оброчные статьи в 1867 году дали общий доход в сумме 8049 рублей с копейками.

В 1868 году заканчивался срок аренды киргизами земель общего калмыцкого кочевья. На торгах в августе конкурентами киргизов выступили государственные крестьяне соседних сел, но земельные участки в числе шести под №№ 2--7 остались за киргизами. Тогда крестьяне заявили, что первый из шести участков, значившийся под № 2, имеет на самом деле больше земли, чем сколько в нем считалось, и просили обратить земельный излишек в подушный надел. Проверка заявления крестьян была произведена землемером Курской губернии Федотовым, специально командированным из министерства. Федотов подтвердил правильность заявления и установил, что киргизы пользуются излишком земли в количестве 63322 десятин 1400 саженей, за которые должны уплатить с 1860 года 6774 рубля с коп. Управление калмыцким народом дало знать об этом в Временный совет по управлению внутренней киргизской ордой. Крестьяне выиграли земельный процесс, но так как расположение этих 63322 дес. 1400 саж. не представляло удобств для пользования ими, то крестьяне Харбалей, Сасыколей, Михайловского, Удачного и Пироговского сел стали хлопотать о новой перегруппировке участков, именно так, чтобы разделить участки общего калмыцкого кочевья пополам и, ограничив пространство бороздами, предоставить в их пользование с платой, какая причитается по

расчету арендной суммы, платимой киргизами». Просьба была уважена в том смысле, что первый участок был всецело предоставлен киргизам, остальные же пять участков были разбиты пополам, с расчетом не проводить параллельные линии дальше 15 верст от восточной границы смежных сел. Из пяти участков образовалось, таким образом, десять участков. Разбивкой их занялись межевщик Гопаченко с учеником Бирючкаевым, под наблюдением землемера Федорова, который заменил заболевшего землемера Федотова.

По определению Федотова, нормальные размеры земельных участков №№ 2—7 должны быть таковы:

№ 2—27952	дес.	1400	саж.,	с арендной платой	. . .	1397	руб.	62 коп.
№ 3—47730	„	1180	„	„ „	. . .	2386	„	52 „
№ 4—13291	„	1130	„	„ „	. . .	531	„	67 „
№ 5—32077	„	700	„	„ „	. . .	1283	„	08 „
№ 6—43746	„	400	„	„ „	. . .	2624	„	75 „
№ 7—45355	„	1450	„	„ „	. . .	400	„	— „

При разбивке участков пополам, в них оказалось:

№ 2—4524	дес.	$1516\frac{2}{3}$	саж. удобной земли и	6443	дес.	$1733\frac{1}{3}$	с. неудоб.
№ 3—7544	„	$166\frac{2}{3}$	„ „ „	16060	„	$1333\frac{1}{3}$	„
№ 4—2637	„	$1366\frac{2}{3}$	„ „ „	5581	„	$583\frac{1}{3}$	„
№ 5—7001	„	$1966\frac{1}{3}$	„ „ „	13896	„	$833\frac{1}{3}$	„
№ 6—4396	„	$1283\frac{1}{3}$	„ „ „	9208	„	$166\frac{1}{3}$	„
№ 7—19237	„	$1616\frac{2}{3}$	„ „ „	26117	„	$2233\frac{1}{3}$	„
№ 8—6080	„	$2083\frac{1}{3}$	„ „ „	10903	„	$466\frac{2}{3}$	„
№ 8—7897	„	$2253\frac{2}{3}$	„ „ „	16227	„	$2253\frac{1}{3}$	„
№ 9—7897	„	$2253\frac{2}{3}$	„ „ „	16227	„	$2253\frac{1}{3}$	„
№ 10—1764	„	$1460^{1}/_{с}$.	„ „ „	3308	„	$120\frac{1}{3}$	„
№ 11—4654	„	$600\frac{2}{3}$	„ „ „	6524	„	$2100\frac{1}{3}$	„
№ 12—6727	„	$1900\frac{2}{3}$	„ „ „	13364	„	$1300\frac{1}{3}$	„
№ 13—2698	„	$0\frac{2}{3}$	„ „ „	7751	„	$500\frac{1}{3}$	„

Отрезанными на 15 верст от восточной границы соседних русских сел являлись участки под №№ 8—12.

Всех оброчных статей в 1868 году считалось 28. Против прежних 30, две земельные статьи были исключены из списка: одна—за отдачей ее в надел крестьянам, другая—за переходом ее под одноверстную прибрежную морскую полосу. В некоторых случаях арендная плата поднимается; например, Промысловский земельный участок вместо 95 рублей отдается за 150 рублей. Оленичевский—за 75 рублей вместо прежних 60 рублей. Наоборот, Ямдыковский участок теряет ценность и вместо 122 рублей 50 коп. идет за 80 рублей. Но, в большинстве случаев, арендные цены остаются прежними. Общая выручка от оброчных статей выражается в сумме 7995 руб. с коп.

В 1869 году киргизы представили арендную плату за земельные участки по прежним расчетам и в меньшем размере, чем следовало по расчетам 1868 года. За участок № 1 они уплатили 911 рублей с коп., за другие шесть участков—3967 р. с коп. Временный Совет по управлению Внутренней киргизской ордой с своей стороны возражал против расчетов Управления калмыцким народом, „как в отноше-

нии исчисления арендной суммы, так и платы за оказавшуюся излишней землю". Возник спор, доходивший до министерства и длившийся в течение нескольких лет.

В этом же году оканчивался срок аренды пастбищ, снимавшихся черноярцами в последнее время за 335 рублей. Черноярцы просили продолжить аренду на прежних основаниях, сводившихся к тому, что, независимо от места, каждый скотовод обязывался платить по 25 к. с головы крупного рогатого скота и по 4 к. с головы мелкого скота. Приблизительно, получалось 335 рублей, которые полностью вносились в Управление калмыцким народом. Само Управление, кажется, не прочь было принять предложение, тем более, что черноярцы платили исправно, но министерство не разделяло взглядов Управления. В сентябре 1869 года министерство запретило Управлению возобновить контракт с черноярцами, но поручило ему „немедленно заняться образованием статей" из черноярских пастбищ „для отдачи в арендное содержание". Управление оказалось не в силах сразу исполнить такое сложное поручение; оно просило дать годичный срок для соображений о том; ответа на это из министерства не последовало.

В том же 1869 году Седлистов и Оленичевский бугры на Каспийском море оба сдаются астраханскому мещанину Камышеву за 203 рубля 50 коп. Но выгодная сделка существует не долго. В следующем 1870 году 11 десятин 100 саж. земли Седлистова бугра отходят под одноверстную береговую полосу, почему ценность статьи снижается до 60 рублей с коп. От Камышева принимает ее в пользование купец Бекунов.

Сад на Калмыцком Базаре предназначается к изъятию из списка оброчных статей, как бездоходный; садовый инвентарь распродается с торгов. Окончательное решение министерства по поводу Калмыцко-Базаринского сада последовало в сентябре 1870 года: площадь сада, свободную от древонасаждения, велено было предоставить в общее пользование калмыков, а растущие деревья—окопать канавой в предохранение от порчи их скотом.

В 1869 году оброчные статьи приносят дохода 6577 руб с коп.

В 1870 и 1871 годах число оброчных статей, из-за бездоходности некоторых, сокращается сначала до 26, затем до 17. Убытка от этого не происходит,—напротив, общая доходность даже повышается, потому что в замен исключенных статей создаются новые. Так, на Калмыцком Базаре идут в аренду три рыболовные ильменя; их снимает крестьянин соседнего села Карантинного Кваченко по 21 рублю сроком на три года. Черноярская оброчная статья, за изъятием из общей площади пастбища понадобившихся калмыкам 25967 десятин 1780 саж., оформляется в составе 19986 дес. 2220 саж.; ее берет в аренду всю целиком черноярский купеческий сын Якунин за 600 рублей. В Яндыковской и Оленичевской станицах регистрируются оброчные статьи, образованные из земельных остатков после выдачи владенных записей местным крестьянам на причитавшиеся им по наделу земли. В Яндыковской статье оказалось 2359 десятин 922 саж.; в Оленичевской—9700 дес. 2054 саж. Но за Яндыковскую статью арендная плата пока еще не была назначена, так как предварительно надо было провести точные границы этого земельного участка. Арендная плата за Оленичевскую статью была определена в 1190 рублей с коп., и даже назначены были уже торги, но на них никто не явился, а татарин Миркараев просил отдать ему землю за 150 рублей. В Мочагах на бугре Кюкта

сдается в аренду участок земли в 30 саженей купцу Пальцеву под устройство помещения для засола рыбы. Но главным и, можно сказать, случайным приобретением калмыков оказываются рыболовные воды на Взморье, из которых были образованы весьма доходные оброчные статьи: об этом будет особая речь.

Что касается земельных участков, состоявших в аренде у киргизов, то в 1870 году киргизы внесли за участок под № 1, в составе 83273 десятин, 961 р. с коп., а за остальные семь участков под №№ 2—7 и 14 (последний в составе 63222 дес. 1400 саж.) 2382 рубля с коп. По расчету Управления калмыцким народом, это было далеко не то, что причиталось к уплате: к 1871 году киргизы должны были представить еще 8364 рубля с коп. в качестве задолженности с 1861 года. В декабре 1871 года имели состояться новые торги на земельные участки общего калмыцкого кочевья, и уже явился было уполномоченный Сасколь-ских крестьян, претендовавших на аренду участка № 1. Но министерство распорядилось оставить за киргизами участки № 1 и № 14 без торгов, „в видах интересов казны". Тем временем киргизы смогли уплатить за участки № 1 и № 14 в 1871 году только 1046 рублей с коп. годового оклада, и за ними оставалось по этим участкам недоимки 8887 рублей с коп. и 820 руб. с коп. оклада. За участки №№ 2—7 они заплатили 8620 рублей с коп. недоимки и погасили ее, но по окладу все же остались должны 376 рублей 45 коп., так как с них причиталось 8600 р. 9 коп., а они внесли 8223 рубля 64 коп.

В 1870 году оброчные статьи доставили калмыцкой казне 6954 рубля с коп. дохода, а в 1871 году—23607 рублей с коп.

V

Рыболовные воды у калмыков на Каспийском взморье.

Сельский мерщик А. П. Замянский, заведывавший Плановым архивом Астраханской Палаты гос. имуществ, рассматривая карты Астраханской губернии и сопоставляя их с текстом описания земель, вод и лесов в этой губернии, нашел, что рыболовные воды, показанные на карте под № 122 вблизи дач государственных крестьян сел Басы, Михайловка, Линейное и пр., принадлежат к числу так называемых свободнотекущих вод и в аренде ни у кого не состоят. Об этом Замянский представил в Палату в ноябре 1864 года доклад, в котором старался выяснить, что по карте под №№ 134, 132, 133 и 129 значатся бывшие Куракинские, а в данное время казенные Черневые воды; под №№ 95 и 105—речные, тоже прежде Куракинские воды; под №№ 103, 106 и 108—Башмаковско-Джуруковские воды; под №№ 101 и 101х—Курочкинские; под № 110—Биртюльские; под № 111—Куракинские воды. Что же касается до дачи № 122, писал Замянский, то „хотя и находятся в ней воды, но в описании не поясняется, кому оные принадлежат и какое имеют название". По его соображениям, безыменные воды должны были состоять во владении калмыков, так как им принадлежит земля, при которой протекают воды, почему из них следует создать особую оброчную статью [28].

Палата сначала не придала значения докладу Замянского. Два с половиной года доклад пролежал под сукном, и только в мае 1867 года землемеру Федорову было поручено произвести экспертизу и выяснить на месте, действительно ли при-

[28] КОА, д. 1864 года по 1 ст. УКН, № 78, т. I, лл. 1—2.

надлежит калмыкам земля, при которой текут загадочные воды, и какую ценность они представляют собой. Федоров исполнил поручение и доложил Палате, что земля—бесспорно калмыцкая, и на ней действительно бывает вода, но она появляется только в весенний разлив Волги: тогда туда заходит в небольшом количестве мелкая рыба, которую вылавливают кочующие вблизи калмыки; после спада воды, становится мелко, и рыба вся уходит в море и реки [29]. Из отзыва землемера Федорова Палата вывела заключение, что о создании оброчной статьи не может быть речи и постановила прекратить дело о безыменных водах [30]. Однако Замянский не унимается. В августе того же 1867 года, находясь уже в отставке, он обращается в Палату с просьбой отдать безыменные воды в аренду ему на три года с платой по 15 рублей в год. Он хочет доказать ошибочность экспертизы Федорова; ему кажется, что мелководья не существует, и что в тех водах может быть выловлено достаточное количество рыбы, почему есть полный смысл создавать оброчную статью [31].

Чрез год после этого попечитель Яндыко-Мочажного улуса Янченко представил Палате сведения, подтверждавшие справедливость мнения „отставного сельского мерщика" Замянского. В октябре 1868 года Янченко докладывал, что воды, протекающие вблизи сел Басы, Михайловка, Линейное и др., даже отчасти заливающие эти села, могут приносить доход казне. Уже десять лет ими пользуются астраханские рыбопромышленники. Вылавливая рыбу, они уверяют местных жителей—крестьян, что делают это по праву: воды протекают де к селам из казенных, арендуемых рыбопромышленниками участков. Крестьяне, по своей темноте, не возражают, платят оброк арендаторам и безропотно выполняют их приказания. Янченко приводит такой случай. В Яндыках крестьяне заняли под огороды лощину; по сборе овощей северо-восточный ветер нагнал воду в лощину, и она затопила огороды; там показалась частиковая рыба, которую крестьяне начали вылавливать себе на пищу. Об этом узнал соарендатор купца Хлопчатова, явился в село и отобрал у крестьян волокуши, а с ними и пойманную рыбу под предлогом, что рыба ушла из арендуемых Хлопчатовым вод, и что крестьяне не имеют права ловить ее. Крестьяне поверили, безропотно расстались с уловом и с волокушами, взятыми в качестве штрафа, и даже побоялись жаловаться. Безыменные воды, прибавлял Янченко, уже и теперь согласны снять в аренду татары Линейной станицы за 100 рублей [32].

Сообщение яндыко-мочажного попечителя заставило Палату серьезнее заинтересоваться делом, поднятым сельским мерщиком Замянским. Были собраны точные сведения о местонахождении безыменных вод. Оказалось, что они протекают на калмыцкой земле а) вблизи Линейной станицы и чрез ее земельный надел, б) между селами Басы и Михайловка, в) чрез надел станицы Караванной до ерика Кокшина, г) вблизи Яндыковской станицы, д) между станицами Промысловой и Олеңичевской и е) от проточного ильменя Тулато на юг, при чем сливаются с водами, протекающими по Благодатнинскому оброчному земельному участку [33].

---

[29] Там же, л. 18.
[30] Там же, лл. 19—20.
[31] Там же, л. 23.
[32] Там же, лл. 53—54.
[33] Там же, лл. 55—58.

Дошло дело и до Астраханского Рыбного управления. Факт принадлежности вод калмыкам не подлежал сомнению, но Рыбное управление предложило Калмыцкому управлению передать воды в казну за известное вознаграждение, имевшее поступить в доход общественного калмыцкого капитала. Калмыцкое управление не пошло на такую комбинацию, так как гораздо выгоднее было образовать из вод оброчную статью [34].

В феврале 1871 года в Калмыцкое управление поступила из Яндыко-Икицохуровского улусного управления „Карта части Астраханского уезда, с показанием на оной свободнотекущих вод под № 122 и других дач, лежащих при береге Каспийского моря. Масштаб—в английском дюйме 10 верст" [35].

Занявшись вопросом об образовании из свободнотекущих вод оброчной статьи с разделением ее на шесть участков, Управление калмыцким народом представило свои соображения в министерство в двух докладах от 5 и 12 марта 1871 года. Предположения Управления были приняты министерством. С своей стороны оно нашло, и дало знать об этом Управлению от 31 мая того же года, что „означенные воды, хотя и не составляют отдельных рек и протоков, а служат лишь продолжением ильменей, выходящих из вод Каспийских и других водяных казенных оброчных статей, но, несмотря на это, помянутые воды, по рыболовству своему и занимаемому ими положению перед селениями государственных крестьян Линейным, Басинским, Караванным, Яндыковским, Промысловским и Оленичевским, имеют важное значение в крестьянском хозяйстве и могут приносить значительный оброчный доход, особенно—при предполагаемом разбитии вод на шесть отдельных участков, когда крестьяне означенных селений получат возможность взять в свое пользование необходимые для них рыболовные участки". На первый год министерство разрешало сдать воды целиком рыбопромышленнику Скорнякову за 2160 рублей, а с 1 января 1872 года воды, по разделении их на участки, должны были сдаваться, каждый участок, с торгов. Сельскому мерщику А. И. Замянскому за его „открытие" назначалась премия в 300 рублей из сумм общественного калмыцкого капитала [36].

В мае 1872 года землемер Федоров представил в Калмыцкое управление „Геодезическое описание окружной межи свободно-протекающих калмыцких рыболовных вод, разбитых на участки" [37]. Вместо шести участков, как это проектировалось сначала, было образовано четыре участка: Басинский, Караванный, Михайло-Зинзилинский и Яндыко-Промысловский [38].

Скорняков, державший воды в 1871 году, уплатил за них аренду полностью. В 1872 году решено было сдать воды с торгов, но на торги, как сказано в отчете по Управлению калмыцким народом за 1871 год, явился только один рыбопромышленник, тульский купец Расторгуев; он предложил за аренду 2200 рублей. Воды были предоставлены ему на годичный срок, так как с 1873 года имела войти

[34] Там же, лл. 62—64.
[35] Карту см. на лл. 172—173.
[36] Там же, лл. 191—194.
[37] То же дело, т. II, лл. 1—7. „Геодезическое описание", составлением которого занимались землемер Федоров и межевщик Завьяловский в мае 1872 года, повидимому, надо считать давно утраченным.
[38] Там же, л. 56.

в силу разбивка их на четыре участка, и было решено сдавать с торгов каждый участок отдельно.

VI

Дальнейшее увеличение количества оброчных статей.

В 1872 году создаются новые оброчные статьи в виде небольших земельных участков в Мочагах на буграх Бантир, Хармута и Удурмут. Участки сдаются под рыбопромышленные заведения. Под рыболовную ватагу отводится земельный участок на калмыцком прогоне между селом Никольским и Грачевской станицей. Доходность каждого из названных участков в Мочагах не поднималась выше 25 рублей, притом в следующем 1873 году Хармата и Удурмут, а также Кюкта, по распоряжению министерства, были переданы в ведение Астраханского Правления рыбных и тюленьих промыслов. Участок на калмыцком прогоне дает 50 рублей дохода. К новым же оброчным статьям относится земельный участок в 40 т. десятин при селе Хошоутовском. Сначала аренда за него была назначена в 315 рублей, потом, по учреждении Хошоутовской оброчной статьи министерством в 1873 году, участок стал сдаваться без торгов крестьянскому обществу села Сасколей за 1200 рублей с ежегодной надбавкой к арендной плате по одному проценту. Промысловский участок снижается в арендной цене,—он идет уже не за 150, а за 120 рублей, вследствие отрезки от него 383 десятин 1206 саж. в подушный надел Промысловским крестьянам. Олейничевский участок в 2787 десятин не приносит дохода; два земельных участка, один в 9700 десятин 2054 саж., другой в 1261 десятину 1440 саж., образованные при Олейничевской станице из земельных остатков после надела тамошних крестьян, тоже не находят арендаторов, из-за отсутствия воды. По той же причине не сдается Яндыковский участок. Имеет успех Черноярская оброчная статья, теперь уже разделенная на шесть участков, из которых четыре участка снимает крестьянское общество села Старицы, а два—арендуются частными лицами. Эта статья приносит дохода 2386 рублей с коп. За киргизами продолжает состоять недоимка в 9327 рублей с коп. за участки № 1 и № 14 общего калмыцкого кочевья; кроме того, киргизы не уплачивают 1867 рублей с коп. годового оклада по аренде. Общий доход от оброчных статей исчисляется в 12816 рублей с коп.

В 1873 году, кроме „многосложной" переписки с министерством и оренбургским генерал-губернатором по поводу недоимки, состоявшей за киргизами по аренде участков № 1 и № 14 общего калмыцкого кочевья с 1860 года, Управление калмыцким народом не мало было занято делом сдачи в оброк вод, получивших официальное название Лагано-Благодатнинских свободнотекущих вод. На торгах Михайло-Зинзилинский участок был взят Скорняковым за 406 рублей сроком на три года, а Яндыко-Промысловский участок—Воробьевым за 1552 рубля на тот же срок. На Басинский и Караванный участки торги не состоялись, и их пришлось сдать хозяйственным порядком рыбопромышленнику Цветкову на три года за 570 рублей. Министерство утвердило аренду в апреле 1874 года, но относительно Басинского и Караванного участков распорядилось назначить новые торги и, в случае безуспешности их, сдать эти участки хозяйственным порядком лишь на годичный срок [39]. Все участки с 1873 года поступали в ведение Правления рыбных и тюленьих про-

[39] КОА, д. 1864 года, по I ст. УКН № 73, т. II, лл. 116—35

мыслов. К ним нарезывалась земля в количестве до 78 десятин под устройство рыбопромышленных заведений, а также отводилась 461 десятина 1300 саж. земли приречных казенных Куракинских вод с 15-ю уже существовавшими там рыбопромышленными заведениями. В 1873 году оброчных статей считалось 53. Из них 36 статей было земельных, 11 статей представляли собой рыбные ловли, 6 статей составляли каменоломни. Некоторые статьи, например—каменоломни, только числились в списке, но не сдавались. Общая доходность оброчных статей равнялась 20012 рублям с коп.

В 1874 году к наличным оброчным статьям присоединилась еще одна статья. Ее составили воды и земли при ильмене „Ловец" в калмыцкой даче под № 123 на плане, а также в даче под № 99, где калмыки и туркмены кочевали вместе. Новая статья была передана в хозяйственное управление попечителя Мочагов, которому было поручено составить подробное статистико-хозяйственное описание вод при названном ильмене, с выяснением, какой они глубины, всегда ли заходит вода в них или она наполняет их только в розлив Волги, какая водится рыба, и насколько могут быть рентабельны эти воды [40]. В 1874 году оканчивался срок аренды киргизами участков № 1 и № 14 общего калмыцкого кочевья. Назначенные в августе торги не состоялись, и в ответ на недоумение Управления калмыцким народом, как быть, министерство приказало сдать участки по прежнему киргизам на новое трехлетие без торгов на условиях прежнего контракта, т. е. с ежегодною прибавкою одного процента к арендной плате. А еще раньше, в апреле, министерство предписало Управлению безотлагательно озаботиться разбивкой участков №№ 8—13 на меньшего размера земельные участки с таким расчетом, „чтобы каждый участок заключал в себе, по возможности, все условия, необходимые для хуторского хозяйства, именно: воду, выгоны и луга". Предписание было выполнено. Из шести участков образовалось 23 участка, с дорогами для свободного проезда и прогона скота. Мы знаем, что участки №№ 8—13 находились в аренде у крестьян соседних сел; теперь, с разбивкой земельной площади на небольшие участки, крестьянам открывалась перспектива хуторского хозяйства.

Заинтересованность земельными участками „переднего" общего калмыцкого кочевья, распланированными по-новому, обнаруживают, впрочем, не одни крестьяне. На торгах в июле 1875 года некоторые участки остаются за киргизами. Вообще же участки распределяются так: 8 и 9 участки берет крестьянское общество села Болхун за 1334 рубля с коп.; 10 участок снимает крестьянин села Пироговского Андросов за 600 рублей; четыре участка—11, 12, 13 и 19 берут киргизы за 1351 рубль с коп.; 15—17 участки выторговывает крестьянин села Золотухинского Востриков за 1776 рублей с коп.; 1 участок достается крестьянину с. Удачного Воинову за 400 рублей; 20 и 21 участки остаются за крестьянским обществом села Михайловки и идут за 1392 рубля с коп.: 22—28 участки поступают к обществу крестьян села Сасколи за 2360 рублей; 29—31 приходятся на долю крестьянского общества села Харбали. Все, взятые вместе участки приносят дохода 10036 рублей с коп., т. е. на 6152 рубля с коп. больше того, сколько давала аренда земельных участков киргизами.

---

[40] Дело „Об открытии новых двух участков калмыцких рыболовных вод", с пометкой карандашом в описи по 1 ст. УКН за № 78 „Ловец", на лл. 1—204, нач. в 1874 году и зак. 16 марта 1882 года, утрачено и, кажется, довольно уже давно.

С участками на Калмыцко-Базаринском Сорочьем бугре дело обстояло не благополучно. Раньше из 30 участков сдавалось там шесть. Но затем, вследствие обрыва берега Волги на названном бугре, они стали не вполне удобными для подвоза соли в склады и могли служить только пристанями для пароходов; под соляные склады пришлось отвести другие, более удобные пункты. В виду этого было решено оставить из 30-ти участков только три, а остальные упразднить.

Свободнотекущие воды поднимаются в цене. Михайло-Зинзилинский и Яндыко-Промысловский рыболовные участки приносят 3018 рублей дохода. Басинский и Караванный участки, за которые еще недавно рыбопромышленник Цветков предлагал от 650 до 735 рублей в зависимости от срока аренды [41], теперь сдаются купцу Мокеровцову за 1060 рублей. Батюшин берет воды „Ловец" в аренду за 200 рублей.

По подсчетам, оброчные статьи приносят дохода в 1874 году 19504 рубля с коп., в 1875 году—19160 рублей с коп.

В 1877 году киргизы за пользование земельными участками № 1 и № 14 общего калмыцкого кочевья, сданными с 1 января 1875 года на трехгодичный срок за 1943 рубля с коп., с надбавкой ежегодно по одному проценту, а равно за 2—7 участки того же кочевья, сданные с 25 июля этого года за 4057 рублей с коп., и, наконец, за мелкие участки 11—13 и 19 „переднего" общего калмыцкого кочевья с платой за них 1351 рубль с коп.,—уплачивают в общем 1079 рублей коп. недоимки и 7473 с коп. оклада; за киргизами остается недоимка в 9237 рублей с коп. и 17 рублей с коп. оклада. Крестьяне, арендаторы мелких земельных участков „переднего" кочевья тоже оказываются не вполне исправными плательщиками: так, за золотухинцами осталось 888 рублей оклада, за михайловцами—75 рублей оклада, за саскольцами—1680 рублей оклада, за харбалинцами—511 рублей недоимки и 1022 рубля оклада. По Черноярской статье имелась недоимка 823 рубля. Что касается Хошоутовской статьи в 40 т. десятин, разбитой на четыре участка, то с 21 мая 1876 года от крестьянского общества села Сасколей, арендовавшего ее за 1200 рублей с надбавкой одного процента ежегодно, она переходит в аренду к крестьянину Хвалынского уезда Евсееву, который платит 2300 рублей. Рыболовные воды идут по такой цене: за Яндыко-Промысловские воды арендатор их Бремзен платит 3600 рублей в год, за Михайло-Зинзилинские Саркисов—206 рублей, за Басинские и Караванные Цветков—1072 рубля. „Ловец" был сдан прежнему арендатору Батюшину за 355 рублей. Озера в М. Дербете, состоявшие перед тем в аренде у Арцимовича за 100 рублей, теперь переходят в аренду к сыну зайсанга Л. Бадмаеву за 490 рублей с коп. В качестве оброчной статьи открываются воды ильменя Аслан-Булук в Мочагах: на первых порах они состоят в хозяйственном распоряжении местного улусного управления, которое сдает их крестьянину с Промысловки Кизину за 75 рублей. Образуется особая оброчная статья в северной части Мочагов в пределах ильменей Форпост, Кузнецов, Чайпе и Ловец. Местность заносится на план и поступает в аренду татарина из Курочкинского села, Юсупова за 150 рублей. Из Алабужской оброчной статьи выделяется 7588 десятин удобной и 9121 десятина неудобной земли в подушный надел юртовским татарам Астраханского уезда. Доходность всех оброчных статей равняется 24417 рублей коп. В следующем 1878 году она увеличивается до 25094 рублей с коп., при прежнем составе оброчных статей.

[41] Там же, л. 328.

Сведениями за 1879—1883 годы мы не располагаем, —отчетов за эти годы не охранилось в КОА.

VII

Возрастание недоимок.

В 1884 году у киргизов по-прежнему состоят в аренде земельные участки бщего калмыцкого кочевья под №№ 1—7, 11—14 и 19. Киргизы уплачивают за их 8371 рубль с коп. годового оклада и остаются должны только 155 рублей с оп. Остальные участки того же кочевья под №№ 8—10, 15—18 и 20—31 сдаются в аренду уже не крестьянским обществам, но отдельным лицам из крестьянкой среды окрестных сел. Крестьяне—арендаторы платят неправно. Только лишь а двумя арендаторами имеются долги: за одним 96 рублей с коп. из суммы 115 ублей с коп. оклада и за другим 59 рублей с коп из суммы 118 рублей оклада. Отдельным же арендаторам сдаются участки Черноярской оброчной статьи, в исле шести, за 2555 рублей и участки Хошоутовской статьи, числом четыре, а 599 рублей, а также участок при селе Хошоутовском за 480 рублей. Плата а эти участки поступает полностью, —недоимок нет ни за одним арендатором. Неправно расплачиваются и арендаторы-рыбопромышленники: Бремзен платит 1690 ублей за Яндыко-Промысловские рыболовные воды, Зурабов—3033 рубля за Михайло-Зинзилинские воды, Герасимов—254 рубля за Басинские воды, Цветков—26 рублей за Караванные воды, Грачев—495 рублей за озера в М. Дербете, калыки—85 рублей за ильмени на Калмыцком Базаре, Батюшин—185 рублей за воды льменя „Ловец"; только одна Емельяненкова остается должна 75 рублей с коп. а аренду ильменя Аслан-Булук, который она снимала за 151 рубль. От всех крупых и мелких оброчных статей в 1884 году было получено дохода 23182 рубля коп.

В списке оброчных статей 1885 года площади отдельных участков показаны более или менее точным их измерением. Мы имеем:

	Земельные участки	Количество земли	
		Десятин	Саженей
	Общее очередное кочевье:		
1	Участок № I	81933	1500
2	„ № II	10243	350
3	„ № III	23604	1500
4	„ № IV	8218	1950
5	„ № V	20898	400
6	„ № VI	13604	1450
7	„ № VII	43570	1250
8	„ № VIII	4221	500
9	„ № IX	3112	1200
10	„ № X	2907	600
11	„ № XI	3104	1900
12	„ № XII	3035	2200

	Земельные участки	Количество земли	
		Десятин	Сажений
13	„ № XIII	3088	500
14	„ № XIV	63323	600
15	„ № XV	2875	1500
16	„ № XVI	3597	1500
17	„ № XVII	2440	500
18	„ № XVIII	3958	2200
19	„ № XIX	3023	1200
20	„ № XX	4245	1900
21	„ № XXI	2259	1200
22	„ № XXII	3552	200
23	„ № XXIII	3044	700
24	„ № XXIV	2434	1200
25	„ № XXV	3207	1900
26	„ № XXVI	2970	1200
27	„ № XXVII	4316	500
28	„ № XXVIII	4065	500
29	„ № XXIX	2503	1200
30	„ № XXX	2634	500
31	„ № XXXI	5004	„
32	Статья Яндыковская	20941	„
33	„ Промысловская	12504	1500
34	„ Оленичевская	11177	200
35	„ Благодатнинская	15203	600
36	„ Терновская	8067	„
37	„ Седлистов бугор	174	500
38	„ Олинский бугор	40	„
39	„ Сорочий бугор	2	200
40	Черноярская статья:		
	Участок № I	3155	1104
	„ № II	2988	2209
	„ № III	2961	976
	„ № IV	2598	660
	„ № V	4043	1856
	„ № VI	4080	1096
41	Летнее кочевье Александровского (Хошоутовского) улуса:		
	Участок № I	14821	160
	„ № II	9649	464
	„ № III	7734	1790
	„ № IV	7876	586

	Земельные участки	Количество земли	
		Десятин	Саженей
42	Земельный участок при с. Хошоутовском . .	6751	1640
43	Земельный участок при с. Хошоутовском, разделенный на части:		
	№ I	96096	„
	№ II	10937	1200
	№ III	55744	„
	№ IV	36192	„
	Участки:		
44	На бугре Бантир	1	„
45	При ст. Промысловской	1	2000
46	Из калм. прогона в Александр. ул.	12	„
47	На бугре Джильбурун	10	„
48	На ур. Чилгюрта	2	200
	Рыболовные воды на взморье:		
49	Басинские	7073	250
50	Караванные	5840	1125
51	Михайло-Зинзилинские	4761	1500
52	Яндыко-Промысловские	3527	1725
53	Рыболовные воды в М. Дербете:		
	Барманцак	1666	
	Пришиб	750	
	Цаган-Нур	1533	
	Цабдыр	1766	
54	Три ильменя на Калмыцком Базаре	141	1200
55	При ильмене „Ловец“	2587	774
56	Ильмень Аслан-Булук	164	1440
	Всего	705581	755

Доходность оброчных статей в 1885 году исчисляется в 24002 рубля с коп., на 819 рублей с коп. больше предыдущего 1884 года. Но с тем вместе обращает на себя внимание довольно значительная задолженность арендаторов: в 1885 году они не доплачивают 401 рубль с коп. недоимки прошлого года и 6122 рубля с коп. оклада, между тем как в 1884 году недоимка выражалась только 54 рублями, а в оклад не было уплачено 618 рублей. Неисправными оказываются преимущественно русские арендаторы земельных участков; киргизы, арендаторы таких же участков, недоплачивают всего 155 рублей с коп. в качестве состоявшей за ними недоимки. Из рыбопромышленников—арендаторов за Герасимовым записывается долг в 127 рублей оклада, а за калмыками, снявшими ильмень Аслан-Бу-

лук на три года с 1 января 1885 года по 1 января 1888 года за 60 рублей, с обязательством уплатить долг прежнего арендатора, состоит 75 рублей с коп. недоимки и 60 рублей невыплаченного оклада.

В 1886 году недоимки по оброчным статьям не погашаются, а, напротив, увеличиваются: они выражаются в сумме 3809 рублей с коп., и хотя по окладам задолженность равна 2993 рублям с коп.,—это составляет половину задолженности прошлаго года,—но в общем в недополучке по оброчным статьям в 1886 году состоит 803 рубля с коп. Таким образом, против 1885 года имеется дефицита больше, чем на 289 рублей. И опять, как тогда, наиболее неисправными плательщиками являются русские арендаторы земельных участков,—киргизы не только аккуратно вносят причитающийся с них оклад аренды в сумме 8629 рублей с коп., но ликвидируют и задолженость в сумме 156 рублей с коп. В долгу остаются арендаторы Басинских вод—127 рублей недоимки, Караванных вод—298 рублей оклада, ильменя „Ловец"—92 рубля с коп. оклада, ильменя Аслан-Булук—135 рублей с коп. недоимки. Имея в виду задолженость по аренде земельных участков, преимущественно находившихся на луговом берегу Волги, Управление калмыцким народом считало причиной того отсутствие надзора за состоянием этих участков и за их эксплоатацией, почему в феврале 1886 года вошло в министерство с представлением об учреждении такого надзора. Конечно, наблюдение было необходимо, но, главным образом, мелиоративного характера. При том в мелиорации нуждались не одни только левобережные земельные участки. Как уже отмечено, озера в М. Дербете подвергались периодическому высыханию, и от этого доходность их временами сильно понижалась. В 1885 году, когда они были полны водой и давали нормальный улов рыбы, за аренду их взималось 495 рублей, в 1886 году водный запас истощился в озерах, и они были сданы только за 110 рублей, а с 1887 года уже становятся бездоходными. Усыхали ильмени и на Калмыцком Базаре. А каменоломни в М. Дербете, на которые в свое время не без основания возлагались надежды [42], к 80-м годам XIX столетия были заброшены и исключены из списков оброчных статей.

Не лишним будет упомянуть о мелких земельных участках, сдававшихся по временам разным лицам в аренду за сравнительно небольшую плату, например, на урочищах Чилгюрта, Б. и М. Бешкуль, Бай-Куцук и др. в 1885 и 1886 годах и после. В общей сложности от такой сдачи получался некоторый доход. В отдельных случаях мелкие участки обнаруживают тенденцию к повышению арендной платы за них; например, Мочажная плантация в 1885 году идет за 70 рублей, а в 1886 году за 81 рубль. Приносит порядочный доход сдача участков под постройки и лавки на Калмыцком Базаре: в 1884 году—1860 рублей, в 1885 году—1146 рублей, в 1886 году—1076 рублей. В общем, по оброчным статьям в 1886 году было получено дохода 26650 рублей с коп., считая в этой сумме 2670 рублей с коп. недоимки за предыдущий год. К названной сумме дохода присоединяется еще 20717 рублей с коп., вырученных „хозяйственным способом": за поль-

---

[42] См. выше стр. 125 и издание „Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПБ. 1868", III, стр. 7—8.

зование разными лицами калмыцкой землей под выпас и прогон скота и в качестве штрафа за самовольный выпас скота—15898 рублей с коп., в качестве штрафа же за самовольную запашку земли 5324 рубля с коп., от продажи буреломных деревьев и леса, с штрафами за порубку леса,—893 рубля с коп., от поземельных сборов с торговцев в улусах—490 рублей и др. В предыдущий 1885 год такого рода доход был несколько меньше, именно 18230 рублей с коп., а в 1884 году выражался в сумме всего 3541 рубля с коп.

В 1887 году этого рода случайный доход опять падает. „Хозяйственным способом" собирается только 9893 рубля с коп., да и вообще доходность от оброчных статей понижается. По распоряжению министерства, 12 левобережных земельных участков общего калмыцкого кочевья передается в бесплатное пользование киргизам Внутренней орды на три года. Упраздняется Черноярская оброчная статья, за переходом ее в пользование самих калмыков, падают цены на рыболовные промысла из-за сокращения улова. Арендная плата поступает, в общем, довольно исправно, но недоимки уплачиваются туго. Результатом является то, что оброчные статьи вместе с случайными поступлениями приносят доход в 30533 рубля с коп., т. е. на 16835 рублей с коп. меньше, чем в предыдущий год, давший дохода 47368 рублей с коп. В частности, относительно земельных участков общего кочевья, содержавшихся в аренде у крестьян, надо сказать, что почти все они поднимаются в арендной плате, и только в двух случаях—участки № 8 и № 20—несколько падают в цене, а участок № 30, малозначительный и раньше, совсем не сдается. Рыболовные воды, особенно—главные, определенно начинают снижаться в ценности: Яндыко-Промысловский участок идет уже не за 1690, а за 1400 рублей, при чем арендатор фактически уплачивает лишь 700 рублей; от аренды Баскинского и Караванного участков русские рыбопромышленники отказываются, и эти участки, по искусственно взвинченным ценам, переходят к калмыкам: первый—к зайсангу Дорджиеву на 6 лет с платой ежегодно 301 рубль 50 коп., вместо недавних 254 рублей, а второй—к калмыкам Яндыко-Мочажного улуса за 655 рублей, вместо прежних 626 рублей. Калмыками же снимается ильмень Аслан-Булук за 60 рублей. Ильмень „Ловец" остается в выигрыше: рыбопромышленник Федотов снимает его за 260 рублей, тогда как перед тем этот ильмень шел за 185 рублей.

VII

Общий упадок оброчных статей.

Учитывая факт уменьшения доходности от оброчных статей, Управление калмыцким народом стремится к увеличению числа их и проектирует создание новых статей. Оно обращает внимание на то, что ряд земельных участков, будто бы „не нужных самим калмыкам", состоит в нелегальном пользовании у разных лиц, почему решает прибрать эти участки к рукам. В данном случае имеются в виду, во-первых, участок площадью около 43 т. десятин на луговом берегу Волги между Хошоутовской оброчной статьей и наделом крестьян села Хошоутовского и,

во-вторых, 11 земельных участков, остававшихся свободными по упразднении кизлярско-астраханского почтового тракта и поэтому подлежавших возврату калмыкам; в каждом из этих участков числилось от 300 до 450 десятин земли. Из участка в 43 т. десятины действительно в 1887 году образуется оброчная статья, но 11 участков по кизлярско-астраханскому тракту не находят арендаторов и поступают в бесплатное пользование соседних калмыцких обществ. В список оброчных статей, кроме того, вносятся три земельных участка при Чечеповском ильмене в 7 десятин 1200 саженей, два участка на Стрелецком бугре в 9 десятин и 1743 сажени и Мочажная лесная плантация в 10 десятин. Эти участки раньше имели случайных арендаторов и в ведомостях значились под рубрикой эксплоатируемых „хозяйственным способом".

В 1888 году, по исключении из списка Яндыковской, Промысловской, Оленичевской, Благодатинской, Терновской и ряда других оброчных статей, значительно сокращается общая площадь оставившихся в наличии 46-ти статей. В 1887 году она равнялась 744559 десятинам. Убыль, однако, возмещается в значительной мере в 1889 году, когда по распоряжению министерства, к калмыцким оброчным статьям было присоединено восемь Чапчачинских земельных участков, с передачей их в ведение Управление калмыцким народом. Эго были:

1.	Апандуй	2761	дес.	800	саж.
2.	Джантур	2733	„	1200	„
3.	Аккезыл	2681	„	500	„
4.	Шишик-Мулла . . .	3214	„	1200	„
5.	Абдырей	2634	„	100	„
6.	Стамгазы	2885	„	700	„
7.	Кюсюм	2898	„	2300	„
8.	Чапчинский выгон .	4625	„	700	„
	Всего .	268405	дес.	1780	саж.

Общая площадь оброчных статей к 1889 году увеличивается до 69405 десятин и 1780 саженей. Доходность в 1888 году определилась в 19244 рубля; эта сумма составлялась из 15137 рублей оклада и 4107 рублей недоимки прошлого года. „Хозяйственным способом" было добыто еще 4612 рублей с коп. Небольшой размер этой суммы об'яснялся чумной эпизоотией, свирепствовавшей в степи, почему не было перегона крестьянского скота, да и доступ на калмыцкие пастбища почти повсеместно был закрыт. Немногим больше оказался случайный доход и в следующем 1889 году—57777 рублей с коп.; в сложении с ним, общий доход от оброчных статей выразился тогда в сумме 23147 рублей с коп. Просматривая список оброчных статей за 1889 год, нельзя не обратить внимание на некоторые обстоятельства. Крестьяне, арендаторы участков №№ 8—31 общего калмыцкого кочевья, как и арендаторы пяти земельных участков Черноярской оброчной статьи, весьма исправно платят положенные оклады,—ни за одним арендатором не числится недоимки. Неисправность по части платежей показывают в трех случаях арендаторы Хошоутовской оброчной статьи, разделенной на пять земель-

ных участков. Кунчаха Абрикосова, снимавшая 40 т. десятин земли летнего кочевья Хошоутовского улуса за 2075 рублей в год, остается должна 1037 рублей с коп., хотя, надо сказать, она погашает недоимку в 2085 руб. В общем, доходность от земельных участков не внушала опасений. Другое дело — рыболовные воды. Яндыко-Промысловский участок сдается Бремзену только за 610 рублей: Михайло-Зинзилинский — калмыку Кеке Бабаеву за 551 рубль, при чем на него переходит недоимка прежнего арендатора в сумме 1516 рублей, которые Бабаев не может уплатить: Басинский и Караванный участки состоят в аренде по прежнему—первый у зайсанга Дорджиева, второй—у общества Мочажных калмыков по прежней расценке. Только ильмень Аслан-Булук поднимается в арендной плате на 10 рублей, при переходе его к новому арендатору, крестьянину Луцеву.

С 1890 года состояние рыболовных статей улучшается. Яндыко-Промысловский участок берет в аренду общество калмыков Барунова рода на шестилетний срок за 1050 рублей в год. Рыбопромышленник Казбинцев снимает Михайло-Зинзилинский участок за 2100 рублей в год тоже на шестилетний срок, при чем арендатор уплачивает и прежнюю недоимку в сумме 1516 рублей с коп. Караванный участок—в аренде у калмыков Икицохуровского улуса за 701 рубль в год. За ильмень Аслан-Булук арендатор Луцев платит уже 145 рублей. Общий доход с оброчных статей выражается в сумме 21585 рублей и составляется из оклада в 18584 рубля с коп. и уплаченной недоимки в 2986 рублей с коп.

Почти ту же доходность имеют оброчные статьи в 1891 году—21570 рублей с коп., при недоимке в 2049 рублей с коп. Последовательный упадок доходности оброчных статей обращает на себя внимание министерства и вызывает его распоряжение по линии Управления калмыцким народом озаботиться устройством шестнадцати земельных участков общего калмыцкого кочевья на левом берегу Волги, четырех участков статьи в 40 т. десятин, пяти участков при селе Хошоутовском и восьми участков, образованных из земель упраздненного Чапчинского солевозного тракта, которые стали сдаваться в аренду с 1891 года. Устройство названных участков сводилось лишь к занесению их на план. За 1891 год были сняты на план участки общего калмыцкого кочевья; до остальных не успели дойти даже и в 1892 году, из-за отсутствия необходимых на то денежных средств. В начале 1892 года гл. попечитель представил в министерство смету денежных расходов на устройство оброчных статей в сумме 50304 с коп.; с своей стороны он считал устройство их делом настоятельной необходимости „в интересах казны“. Судя по той характеристике, какая дана была состоянию оброчных статей в 1897 году, представление гл. попечителя не имело успеха Доходность оброчных статей в 1892 году сильно понизилась. Из недоимки прошлого года поступила только пятая часть—492 рубля с коп.; вместо 14181 рубля с коп. годового оклада, арендаторы уплатили всего 11085 рублей с коп., почему к 1 января 1893 года числилось 1500 рублей с коп. недоимки прежних лет из 3169 рублей с коп. годового оклада. 1893 год принес дохода 16050 рублей с коп., составившихся, между прочим, из присоединения 648 рублей с коп., которые поступили от некоторых арендаторов вперед за первую половину 1894 года. Не было уплачено 1830 рублей с коп. недоимки и 1284 рубля с коп. оклада. Следует отметить сдачу в аренду значительного земельного участ-

ка возле с. Приютного тамошним крестьянам за 1600 рублей. Рыболовные воды в 1893 году опять в некоторых случаях снижаются в цене. Яндыко-Промысловский участок снимает крестьянин Лепехин только за 355 рублей, Баснинский участок берет крестьянин Глебов за 431 рубль. Наоборот, ильмень „Ловец" повышается в цене: за его аренду крестьянин Ризванов платит 410 рублей с коп. По прежней цене идут Караванный участок, сданный старшине общества калмыков Якиюхуровского улуса Ганджигаеву, и Михайло-Зинзилинский, перешедший от Казбинцева к Артемьевой. Интересно отметить возвращение в число оброчных статей рыболовных озер в М. Дербете: Барманцака и Ханата: их берет в аренду мещанин Тюрин, при том по небывало высокой цене—за 1666 рублей. По той же цене передаются озера в следующем 1894 году крестьянину Жукову, но он оказался не в силах уплатить арендную сумму полностью, и за ним записывается долг в 837 рублей с коп. Относительно прочих рыболовных вод заметно колебание цен. Повышаются Баснинский участок—531 рубль и Яндыко-Промысловский—956 рублей. Плата за ильмень „Ловец" снижается до 300 рублей; прочие участки остаются без перемен. Арендаторы тех и других участков платят исправно. В общем, то же надо сказать об арендаторах земельных участков как прежних, так и новых. Общая доходность по оброчным статьям за 1894 год, с включением части денежных поступлений на 1895 год, равна 15718 рублям. На 1895 год переносится задолженность: 2858 рублей с коп. недоимки и 1855 рублей с коп. неуплаченного оклада. Участок № 5 из земельной статьи при селе Хошоутовском перестает приносить доход, за передачей его в пользование калмыков Хошоутовского улуса. В 1895 году доходность оброчных статей определяется в 17416 рублей с коп., с присоединением сюда авансовых платежей на 1896 год в сумме 2728 рублей с коп.; в недоборе состоит 3773 рубля с коп. недоимки и 323 рубля с коп. оклада. В 1896 году доходность—20952 рубля с коп., при авансовых платежах на 1897 год в сумме 1154 рублей с коп и при задолженности за 1896 год 2602 рублей с коп. в качестве недоимки, да 932 рублей в качестве оклада. С 1896 года сдаются в аренду крестьянам села Торгового два земельных участка „Прогон" и „Отрез" в 13937 десятин 400 саж. за 836 рублей с коп. и два участка с теми же названиями в 13996 десятин 950 саж.—крестьянам села Валуевки за 839 рублей с коп. Плата за аренду рыболовных вод повышается в двух случаях: Михайло-Зинзилинский участок снова берет Казбинцев за 3777 рублей, а ильмень „Ловец" идет за 470 рублей. Озера Барманцак и Ханата сдаются только за 300 рублей компании шести крестьян села Тундутова.

Приблизительно тот же доход дали оброчные статьи и в 1897 году—21013 рублей с коп.; в недоборе осталось 3887 рублей с коп. В отчете 1897 года оброчные статьи охарактеризованы как совершенно неустроенные и не описанные; даже пространство их сказывалось выясненным с точностью. При общем неустройстве Калмыцкой степи и отсутствии правильной карты степи,—говорится в отчете,—границы оброчных статей неизвестны, и в натуре не определены, и не обозначены, почему о правильной эксплоатации их не может быть и речи. Хотя наблюдение за оброчными статьями и за правильностью пользования ими кредиторами в пределах контрактов и в назначенных границах, равно как и забота об образовании новых оброчных статей возложены на попечителей и заведывающих улусами, но

при массе разнообразных занятий и при малом знакомстве с межевым делом, а также при отсутствии в натуре границ оброчных статей, на это дело никакого внимания до настоящего времени не обращалось, „почему в Калмыцкой степи, заключающей в своих пределах более $6^1/_2$ миллионов десятин удобной земли, оброчные статьи всех родов дают только ничтожный, сравнительно, доход. Очевидны неправильная постановка этого дела и вытекающая отсюда необходимость увеличения числа межевых чинов Управления калмыцким народом, где в настоящее время имеется один только землемер, при чем в составе их должно быть лицо для устройства, оценки и описания оброчных статьей. Но так как для этого потребны особые затраты, то, впредь до общего преобразования порядка управления Калмыцкой степью, это дело, требующее, в виду его важности, всестороннего и подробного рассмотрения, в настоящее время может быть упорядочено только более строгим надзором за оброчными статьями, ведущим к получению с арендаторов арендной платы полностью“ [43].

Откладывание решения всякого более или менее важного вопроса „впредь до будущего преобразования“ Калмыцкого управления составляет характерную черту в приемах деятельности администраторов, ведавших калмыками в начальные годы XX столетия. Управление вообще отставало от жизни, и хотя, по части оброчных статей, сознавалась острая надобность в серьезных и существенных мероприятиях для удаления разного рода неустройств, но администрация находила в своем распоряжении одно средство к тому—усиление внешнего надзора, при помощи которого рассчитывало добиться ликвидации задолженности арендаторов, как будто вся суть дела заключалась в этих исправных и своевременных платежах.

IX

Агрономическая помощь арендаторам.

В 1910 году Управление калмыцким народом доходит до мысли о необходимости оказать агрономическую помощь арендаторам оброчных статей. Оно учреждает должность нештатного агронома. Конечно, одно лицо, даже при самом внимательном отношении к обязанностям, не было в состоянии справиться, как следует, с широко поставленной задачей, а привлечение самих арендаторов к участию в мелиорации, поскольку это вменялось им в обязаность силой контрактов [44], заведомо являлось безнадежным делом. То и другое скоро было сознано Управлением. В докладе астраханскому губернатору, гл. попечителю калмыцкого народа, заведывающий этим народом, между прочим, пишет от 4 декабря 1912 года: „В настоящее время в Калмыцкой степи состоит миллион десятин оброчных статей, за

---

[43] КОХ, Отчет по УКН за—1897 год, т. I, лл. 193—194. Следует оговориться: вышеприведенные строки, помещенные в черновике, перечеркнуты, так что едва ли они вошли в беловой экземпляр отчета; во всяком случае, в правдивости им нельзя отказать.

[44] С контрактами можно познакомиться по д. Оброчного стола УКН за 1914 год, № 111, лл. 11—14

счет доходности коих покрываются все неотложные земского характера нужды степи, при чем при Управлении калмыцким народом для надзора за оброчными статьями с 1910 года учреждена нештатная должность агронома. При учреждении названной должности имелось в виду, главным образом, упорядочение оброчного хозяйства и, при помощи постоянного надзора за правильностью пользования статьями со стороны арендаторов, повышение доходности через агрономическую помощь арендаторам. Однако, с расширением площади оброчных статей до указанной выше нормы, наличный технический персонал по устройству оброчных статей оказался крайне недостаточным. Поэтому, сообразно пожеланиям состоявшегося в минувшем сентябре месяце с'езда улусных попечителей, разработаны применительно к организации этого дела на казенных оброчных статьях соответствующие положения. В целях наиболее широкого оказания агрономической помощи крестьянам—арендаторам, а также и улучшения природных свойств почвы оброчных участков, признано необходимым учреждение за счет общественного калмыцкого капитала трех должностей надзирателей за оброчными статьями, и проработанный по сему вопросу проект представлен на рассмотрение министерства вн. дел"[45].

Упомянутым здесь проектом мы не располагаем, но учреждение должностей трех надзирателей за оброчными статьями действительно последовало в 1913 году. Как взялись надзиратели за дело и в каком направлении они повели его, это будет видно из дальнейшего.

Что же касается 1912 года, то по данным за этот год, мы можем судить только о внешнем состоянии оброчных статей. Полагая, что оно обрисуется яснее при сопоставлении с данными за предыдущие годы XX столетия, мы приводим и этого рода данные за несколько годов того же столетия.

При знакомстве с приводимой ниже таблицей, на которой помещены те и другие данные, надо иметь в виду, что за период времени с 1902 года по 1912 год не только увеличилось количество оброчных статей, но произошли изменения и во внешней ситуации некоторых статей, и что цифровые показания размера той или другой статьи относятся исключительно к 1912 году. По отношению к этому же 1912 году поставлены и конечные сроки аренды оброчных статей.

---

[45] КОА, Материалы к отчету УКН за 1912 год, лл. 23 об.—24.

	Количество		1902	1904	1907	1911	1912		Срок сдачи по
	Десят.	Саж.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	К.	
А.—Багацохуровск. ул.									
Общее очередное кочевье:									
Участок № 2 .	10968	35	—	—	—	—	4378	—	1 янв. 15 г.
„ № 8 .	4238	73	1100	1800	1271	2390	2391	—	„ „
„ № 9 .	3094	31	620	620	500	625	700	—	„ „
„ № 10 .	2838	28	822	822	425	739	739	90	„ „
„ № 11 .	3113	06	—	—	—	939	939	40	„ 17 г.
„ № 15 .	2797	31	640	640	550	717	717	44	„ 15 г.
„ № 16 .	3589	41	1153	1153	706	825	825	57	„ „
„ № 17 .	2346	25	526	526	526	716	716	44	„ „
„ № 18 .	3839	89	705	705	763	1408	1408	17	„ 17 г.
„ № 20 .	4205	84	710	710	841	1391	1391	67	„ 16 г.
„ № 21 .	2290	20	461	461	463	1073	1073	60	„ 17 г.
„ № 22 .	3740	43	391	550	560	1761	1761	01	„ „
„ № 23 .	2917	90	605	318	425	960	960	15	„ „
„ № 24 .	2327	77	525	525	425	965	965	03	„ „
„ № 25 .	3316	37	}559	401	1597	1354	1354	03	„ „
„ № 26 .	3041	90		317	415	808	808	87	„ „
„ № 27 .	4104	39	376	505	508	741	741	32	„ „
„ № 28 .	4072	41	775	374	425	1565	1565	95	„ „
„ № 29 .	2633	91	251	277	315	813	979	20	„ „
„ № 30 .	2415	43	205	210	212	361	361	47	„ 15 г.
„ № 31 .	4877	56	335	452	557	980	980	24	„ 17 г.
Баскунчакско-Чапчачинский солевозный тракт									
Уч. № 1 Апандуй	2762	23	500	455	450	1338	1500	55	„ 19 г.
„ № 2 Джантур	2733	50	505	505	506	910	900	—	„ 13 г.
„ № 3 Аккезыл	2681	21	245	325	402	}2147	}2147	10	„ „
„ № 4 Шишик	3214	50	348	536	482				
„ № 5 Абдырей	2634	04	112	153	395				
„ № 6 Стамгазы	2885	29	225	340	432				
„ № 7 Кюсюм .	2898	96	150	230	434				
„ № 8 Чапчач. выгон . . .	4625	29	252	252	261	504			

	Количество		1902	1904	1907	1911	1912		Срок сдачи по
	Десят.	Саж.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб	К.	
юярская статья:									
сток № 1 . .	14391	08	—	—	2856	3378	3378	22	1 янв. 20 г.
„ № 2 . .	4096	50	—	—	838	819	819	32	„ „
„ № 3 . .	1340	71	—	—	271	268	268	20	„ „
димировская стат. . . .	15838	—	—	1530	1900	1900	1900	56	„ 21 г.
таевская . .	20142	—	—	2068	2014	2014	2014	20	„ 16 г.
шибинская .	10379	25	—	—	1556	1556	1556	89	„ 13 г.
нояр.- Казачий прогон .	1337	—	—	—	—	133	121	10	28 окт. 14 г.
нояр.- Солено-займищ. прог.	1337	54	—	—	—	133	260	—	29 окт. 14 г.
чевско-Солено займищ. прог.	745	—	—	—	—	74	77	36	30 окт. 14 г.
чевско-Никольский прог. .	1138	25	—	—	—	91	87	14	„ „
кольско-Грачевский прог. .	1375	—	—	—	—	110	109	04	„ „
енозайм. - Грачевский прог.	996	—	—	—	—	99	73	80	„ „
№ 12 очер. кочев. . . .	3162	76	—	—	—	632	632	55	1 янв. 13 г.
№ 13 очер. кочев. . . .	3388	82	—	—	—	677	677	78	„ „
№ 19 очер. кочевья . .	3143	50	—	—	—	736	736	50	„ 14 г.
южное заведен.	—	—	—	—	—	47	—	—	
ксандровский уч. орокатысячная статья:									
сток № 1 . .	14821	07	1310	1311	1500	1550	1550	50	„ 13 г.
„ № 2 . .	9649	20	610	610	615	1559	1599	05	„ „
„ № 3 . .	7734	74	}1080	1800	537	922	922	32	„ 14 г.
„ № 4 . .	7876	24			538	934	934	32	„ „
летинский уч.	49961	—	—	—	—	7494	7494	15	„ 13 г.
а-Зун . . .	6250	—	—	—	—	937	937	50	„ „
хатинский уч.	7490	—	—	—	—	1123	1123	50	„ „

	Количество		1902	1904	1907	1911	1912		Срок сдачи по
	Десят.	Саж.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	К.	
Адасинский уч. .	28725	—	—	—	—	4308	4308	75	1 янв. 13 г.
Калтамбур . . .	11468	—	—	—	—	2042	1937	76	
Тамбовский уч. .	10232	—	—	—	—	1230	1230	10	„ 14 г.
Джелуита . . .	10595	—	—	—	—	1271	1271	50	„ 17 г.
Селитренский .	20085	8	—	—	—	2410	2410	30	„ „
Бахинский . . .	4960	—	—	—	—	495	—	—	
Княжевский . .	—	—	—	—	—	1027	—	—	
При с. Хошоутов.	6249	25	400	400	499	499	499	94	„ 15 г.
Там же сенокос .	400	—	—	—	—	400	400	—	1 июля 15 г.
При р. Ашулук .	—	432 кв.	—	—	—	65	65	80	1 янв. 16 г.
Хошоут. закрепл. уч.	—	—	—	—	—	—	—	—	
Калмыцкий Базар:									
Стрелецкий бугор	1	19	100	20	87	100	100	—	„ 23 г.
Кошкашинский уч.	91	03	—	60	60	60	60	—	„ 14 г.
Волжский уч. № 1 }	1	68	—	—	—	288	168	—	1 июля 18 г.
„ „ № 2 }							168	—	1 мар. 17 г.
Ильмень Хулуста-Нур	108	1700	—	—	—	230	100	—	1 янв. 15 г.
Ильмень Шикерте-Нур	40	1300	—	—	—	1200	1200	—	„ „
Ильмень Сорочий }	82	1400	174	174	275	267	125	—	„ „
„ Пресный }	19	1800							
Садовый уч. . .	7	—	—	—	—	140	140	—	1 апр. 20 г.
Стрельбищ. плац	104	25	—	—	154	154	154	—	1 янв. 14 г.
Под парох. прист.	250	—	—	—	600	600	800	—	„ 18 г.
Садов. уч. № 6	6	1800	—	—	—	—	67	50	„ „
„ № 23.	5	185	—	—	—	—	66	18	1 окт. 30 г.
„ № 8	6	1800	—	—	—	—	67	50	„ „
„ № 24	4	2320	—	—	—	—	57	12	„ „
„ № 29	3	1920	—	—	—	—	47	40	„ „
„ № 30	3	2300	—	—	—	—	47	40	„ „
Бахча вблизи Николаевки . .	—	—	—	—	—	—	—	—	
Заводский участок	17	90	—	—	—	1216	1216	48	1 окт. 37 г.
Павильон-чайная	—	—	—	—	—	191	191	—	20 июля 17 г.

	Количество		1902	1904	1907	1911	1912		Срок сдачи по
	Десят.	Саж.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	К.	
Бахча на ур. Бургустин-Цеке	25	—	—	—	—	52	52	50	1 янв. 35 г.
Бах. вблизи Николаевки № 1									
Бах. вблизи Николаевки № 2									
Бах. вблизи Николаевки № 3									
Бах. вблизи Николаевки № 4									
Бах. вблизи Николаевки № 5									
Участок на бугре Тамбар									
Бахча близ Николаевки									
Уч. под торговыми банями	—	100 кв.	—	—	—	61	61	—	1 янв. 35 г.
Уч. под бойнями	—	367 кв.	—	—	—	393	393	42	1 июля 35 г.
Яндыко-Мочажный улус:									
Седлистовск. бугор	271	2300	60	60	94	94	94	20	1 янв. 20 г.
Олинский бугор	40	—	75	80	100	140	140	—	„ 16 г.
Бугор Чонто	13	4	—	—	90	52	52	—	„ 17 г.
Джильбурун № 1	10	—	60	60	60	600	600	—	„ 17 г.
„ № 2	20	—	—	—	—	20	20	—	„ 16 г.
Мочажная лесная плантация	33	80	—	—	20	35	35	—	1 сент. 16 г.
Уч. на бугре Бантыр № 3	1	—	60	41	41	145	145	01	11 окт. 16 г.
Лаганская оброч. статья	426	—	—	—	—	—	106	50	1 янв. 19 г.
Михайло-Зинзилин.	4761	63	1400	2667	2667	6200	3777	—	„ 16 г.
Басинские	7073	1	545	545	600	600	600	—	„ 18 г.
Караванные	5840	47	2000	2751	2751	2751	2751	51	1 июля 22 г.
Аслан-Булук и Атрык	204	27	226	475	475	—	—	—	„ „

	Количество		1902	1904	1907	1911	1912		Срок сдачи по
	Десят.	Саж.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	К.	
Ядыко-Промысл.	3527	72	1410	1113	1113	1116	1116	08	1 июля 16
Ловец	2598	60	802	775	775	775	775	—	1 янв. 16
Жиротопный бугор	5	—	—	—	—	30	30	—	„ 12
Уч. при сел. Промысловском .	1	84	6	6	6	6	6	—	29 ок. 22
Уч. на бугре Культюкюн . .	—	217 кв.	—	—	93	60	60	—	1 янв. 17
Уч. на бугре Кукшин . . .	—	217 кв	—	25	94	60	60	—	„ „
Урус-Нурский уч.	5	—	54	55	55	55	65	—	1 июля 18
Мало-Дербетовский ул.:									
Рыб. оз. Бармацак	770	—	517	600	600	600	600	—	1 февр. 15
Рыбол. пруд при Тингутин. плотине	78	52	930	930	930	930	930	—	
и зем. участок.	1860	—							
Жутовская статья	5553	—	—	—	—	5941	3331	80	1 нояб. 14
Перегрузновск. ст.	4059	—	—	—	—	2881	1948	32	„ „
Березовая и Свиная балки .	3122	1300	—	—	790	790	790	64	1 янв. 17
Ушаковский прог.	1800	—	900	—	—	900	900	—	„ 15
Водяная статья .	1200	—	—	—	—	5123	900	—	1 нояб. 16
Каменная „ .	2566	—	—	—	—		1924	50	1 июля 16
Солодников. прог.	2010	—	—	—	—	201	201	—	22 окт. 14
Вязовский прогон	1377	—	—	—	—	100	100	—	„ „
Ступино-Подовск. прог. . . .	2366	—	—	—	—	189	189	—	„ „
Лагировская стат.	4533	—	—	—	—	—	2266	50	1 янв. 20
Капкинская „	4399	—	—	—	—	—	2903	34	„ 16
Манычский улус:									
Приютнинск. стат.	4200	—	2625	3270	3270	3270	3270	50	„ 17
Богородская „	8025	—	—	—	—	—	7117	65	1 июля 14
Валуевская „	13996	4	839	839	4198	4198	4198	92	1 янв. 19
Торговая „	13937	17	—	836	4181	4181	4198	92	„ „
Уланская № 1 .	18669	—	—	—	—	—	8896	56	1 июня 14

	Количество		1902	1904	1907	1911	1912		Срок сдачи по
	Десят	Саж.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	К	
Садовский участ.	—	2200 кв	—	—	—	32	32	50	1 янв. 22 г.
Уч. на ур. Бурата	798	—	—	—	—	199	199	70	,, 23 г.
Вознесенская стат.	13511	—	—	—	—	—	10588	80	1 июля 14 г.
Элистинская № 1	1123	—	—	—	—	—	1092	12	,, ,,
,, № 2	5939	—	—	—	—	—	5076	30	,, ,,
Икицехуровский улус:									
Уланская ст. № 2	10192	—	—	—	—	—	5929	69	1 июня 14 г.
,, № 3	1843	8	—	—	—	—	1285	50	1 июля 14 г.
Уч. на ур. Баин-Дорджи . .	250	—	—	—	—	62	62	50	1 янв. 23 г.
Эркетеневская ст.	3000	—	—	—	—	—	1250	—	16 сент. 18 г.

Доходность от оброчных статей в 1912 году выражалась в сумме 156392 рубля с коп. Фактически поступило 128119 рублей с коп. и осталось в недоимке 28272 рубля с коп. Из прежней задолженности в 1912 году следовало поступить 56936 рублей с коп., но на самом деле поступило 27267 рублей с коп. и было записано в долг на 1913 г. 29669 рублей с коп. Авансом в счет оклада на 1913 год арендаторы внесли 4545 рублей. Общий доход по оброчным статьям на 1913 год определяется по смете Управления в 171175 рублей. Доход ежегодно возрастал, вследствие увеличения количества оброчных статей и, отчасти, повышения арендной платы.

X

Удовлетворение земельных нужд крестьянства за счет оброчных статей.

Процесс денежного накопления имел свои об'яснения в источнике, из которого Управление калмыцким народом извлекало доход. Таким источником являлись земельные участки, по мнению администрации, совсем не нужные калмыкам, но необходимые крестьянскому населению степи. Определенное суждение высказал по этому поводу гл. попечитель, он же и астраханский губернатор, И. Н. Соколовский в докладе правительству от 5 мая 1911 года. В министерских кругах велись тогда разговоры о возможно широком проведении в жизнь закона 30 декабря 1846 года об обоседлении калмыков и о землеустройстве в Калмыцкой степи на

началах этого закона. По тому и другому вопросу министр вн. дел обращался с особым письмом к астраханскому губернатору от 11 августа 1910 года. Но еще раньше, в 1909 году Сезд улусных попечителей и уполномоченных от улусов уже наметил основы для внутри-улусного распределения угодий степи, чтобы урегулировать землепользование калмыков и прекратить участившиеся между ними земельные споры. По признакам обычного пользования, в 1910 году состоялось распределение угодий по аймакам Яндыко-Мочажного и Хошоутовского улусов. В прикреплении калмыцких групп к определенным земельным угодиям усматривался и своего рода шаг по части осуществления плана обоседления калмыков, за которое решено было снова взяться после многолетнего перерыва, вызванного неудачей опыта 1846 года и последующих пятидесятых и шестидесятых годов. Земельная норма, установленная в 1846 году для калмыков, желавших обоседлиться, т. е. 30 десятин земли на человека и 6 десятин в запас, была принята и теперь, при чем предполагалась выдача крепостных актов калмыкам на владение отведенными участками земли, чего не имел в виду закон 1846 года, весьма слабо при этом определявший деятельность исполнительных органов и самый порядок землеотводных работ. Гл. попечитель выработал специальную инструкцию в развитие закона 1846 года и представил ее на утверждение министерства вн. дел. По там был разработан собственный законопроект вообще о поземельном устройстве калмыков, на основе все таки норм того же закона 1846 года, с определенной тенденцией создать для калмыков обстановку, которая способствовала бы приобщению „этих инородцев к русской гражданственности и культурным формам оседлого крестьянского хозяйства“. В последнем случае известная роль отводилась их „экономическому соревнованию с более культурной средой соседственного русского населения“. Надел в 30 десятин с запасными шестью десятинами гл. попечитель считал совершенно достаточным „для сохранения и развития скотоводческого промысла широких масс калмыцкого населения“. Оценивая же экономическое состояние соседнего крестьянства, он признавал его нуждающимся в улучшении и находил возможным произвести это улучшение посредством отдачи в пользование крестьянам участков из излишка калмыцких земель, поскольку это, будто-бы, не грозило „потрясением или расстройством хозяйственного быта калмыков“, а напротив обещало увеличение калмыцкого капитала и тем давало бы „возможность проведения многих улучшений в деле управления калмыками и укрепления новых начал их общественной жизни“. Произведенное в 1909 году обследование степи в статистическом и естественно-историческом отношениях обнаружило наличие до 100 тысяч десятин земельных излишков при расчете, что все же будет удовлетворено землей и нормальное хозяйство калмыцкой семьи, располагающей 29 единицами скота. Из оказавшихся земельных излишков в 1911 году в первую очередь был выделен и без торгов сдан в аренду участок крестьянам Аксайской волости, как наиболее нуждавшимся в земельных угодиях. Затем стала производиться нарезка земли еще 13-ти крестьянским обществам, в удовлетворение их „давно назревших земельных нужд, обусловленных широким развитием у них скотоводческого хозяйства“. В очевидном стремлении вырастить „крепкого мужика“ на калмыцкой земле, губернатор находил, что распределение 100 тысяч десятин калмыцкой земли между крестьянами все-таки не разрешит у них земельного вопроса полностью. „Земельные нужды многих соседственных

со степью крестьянских обществ", писал губернатор, „еще ждут своего удовлетворения, возможного лишь в будущем, при изыскании новых излишков калмыцкого землепользования". Программа дальнейших действий, таким образом, предрешалась. Гл. попечитель признавал мелкие калмыцкие хозяйства вполне удовлетворенными установленной для них земельной нормой. Он обращал внимание лишь на необходимость поддержки крупных,—в сущности, кулацких,—ското-коневодческих хозяйств у калмыков. По его мнению, эти хозяйства, являются „носителями прогресса в степи, заключая в себе все, что есть в степи сильного и культурного", и с тем вместе составляя „неиссякаемые и развивающиеся источники пополнения армии лошадьми. Поэтому", рассуждал забывавший о калмыцкой бедноте гл. попечитель, „было-бы большой и непоправимой государственной ошибкой оставить без особого попечения интересы названных групп калмыцких хозяйств. В настоящее время Калмыцкая степь дает в ремонт до 1 тысячи лошадей ежегодно, а при успешном ведении дела улучшения калмыцкой лошади могла бы дать много больше". Отсюда—вывод: „Само собой разумеется, что серьезными государственными интересами обусловливается необходимость обратить земельные от наделов излишки прежде всего в фонд для оброчного устройства промыслового ското-коневодства калмыков", почему гл. попечитель признавал „соответственным" обратить внимание правительства „на насущную необходимость земельного обеспечения за счет имеющих получиться излишков прежде всего крупных калмыцких ското-коневодческих хозяйств, а затем уже удовлетворить земельные нужды местного крестьянского скотоводства, существование и развитие коего в значительной степени обусловлено наличностью соседственных калмыцких земель"[46].

Высказанная гл. попечителем идея взять калмыцкие земли в руки и свободно распоряжаться этими землями в административном порядке могла увязываться только с представлением о калмыцких землях, как о государственной собственности, но противоречила известным нам правительственным актам, по которым земли были отданы калмыкам. Как бы то ни было, впрочем, проект гл. попечителя не получил осуществления,—мы не видим сдачи в аренду земельных участков под животноводческие калмыцкие хозяйства. Наоборот, после 1909 года калмыцкие земли под видом оброчных статей быстро и в большом количестве обращаются в земельные наделы кулачества, которое поддерживалось правительством. В официальной записке заведующего калмыцким народом, озаглавленной „Краткий обзор Калмыцкой степи с 1907 по 1913 год" и помеченной 20 сентября 1913 г., уже ясно сказано, что из земельных излишков в степи „запроектировано 330788 десятин под оброчные статьи", и что к 1913 году из них уже „образовано новых оброчных статей площадью в 143939 десятин", в целях „сдачи без торгов за плату, по оценке доходности статей, соседственным крестьянским обществам", чем „удовлетворена земельная нужда большинства сел Черноярского и частью Астраханского уездов". Какой же получился отсюда результат? Вполне определенный. „Образование новых статей повело не только к расширению землепользования названных сел",—говорит автор обзора,—но, прибавляет он, „еще и к значительному уве-

[46] КОА, Стол делопроизводительский, д. 1911 года, № 63, л. 34 об.—39. Доклад имеет заголовок „Калмыцкая степь" и обнимает лл. 32—42.

личению доходности с оброчных статей—с 57124 рублей 1907 года до 171175 рублей за 1913 год“ [47]. В увеличении доходности Управление так было заинтересовано, что из текста цитируемого обзора трудно даже определить, о чем оно больше хлопотало, об удовлетворении ли мнимых земельных нужд крестьянства, соседившего с калмыцкими кочевьями, или о приросте капитала посредством сдачи в аренду лучших участков калмыцкой земли богатевшему слою крестьянского населения. Во всяком случае, о заботе Управления по части земельного устройства самих калмыков серьезно говорить не приходится. Отдельные голоса против увлечения сдачей земельных участков в оброк, как операцией, совсем не вызванной реальными нуждами крестьянства, а только содействовавшей развитию кулачества, не имели успеха [48]. Управление, в соответствии с общей правительственной политикой, неуклонно держалось курса поддержки богачей. Даже та весьма скромных размеров агрономическая помощь, которую степь давно ждала и увидела, наконец, в 1910 году,—о чем речь впереди,—была предоставлена в первую очередь опять таки арендаторам оброчных статей, но не была направлена в сторону калмыцкого населения, без сомнения и при скотоводческом, в массе, хозяйстве нуждавшегося в такого рода помощи.

XI

Состояние оброчных статей и мелиоративные предприятия по отношению к ним в 1914 году.

С внешним состоянием оброчных статей в 1914 году у нас есть возможность познакомиться по нижеприводимому списку их за указанный год. Есть возможность познакомиться и с теми мероприятиями мелиоративного характера, которые если и не были проведены в жизнь во всей их полноте из-за начавшейся в 1914 году войны, то все же намечались с полной определенностью специалистами. Вот список оброчных статей на 1914 год, с распределением их на три района, по числу надзирателей, и с показанием количества десятин в каждой статье и во всех их вместе, а также—с сведениями о доходности статей, способе сдачи их в аренду и лицах, кому именно сдавались в оброк земельные и водные участки.

1-й район.

Хозяйственным порядком сдавались в аренду:

№ 12 Общего очередного кочевья	3162,76	дес.	640,00	руб.
№ 2 Чапчачинского тракта . . .	2733,50	„	627,00	„
№ 1 Сорокатысячной статьи . .	14821,07	„	1705,55	„
Участок при промысле на р. Ашулук .	0,18,	„	65,80	„
№ 13 Общего очередного кочевья .	3388,82	„	682,00	„
№ 18 „ „ „ .	3839,80	„	1408,17	„

[47]. Доходность от оброчных статей за взятый период времени показана в обзоре такими суммами: 1907 год—57124 рубля, 1908 год—70851 рубль, 1909—74945 рублей, 1910—95022 рубля, 1911—121815 рублей, 1912—119362 рубля и 1913 год—171175 рублей. КОА, д. по делопроизводительскому столу УКН за 1912 год, № 77, л. 94 об. и л. 97 об.

[48]. „Труды С'ездов улусных попечителей 1904, 1907 и 1908 гг. Астрахань 1910“, стр. 246—255 и стр. 239.

№ 3	Чапчачинского тракта	2681,21	дес.	4530,00	руб.
№ 5	При с. Хошоутовском	1960,00	,,	728,92	,,

С торгов сдавался

№ 1	Чапчачинского тракта	2762,23	,,	1300,55	,,

Хозяйственным порядком:

№ 2	Общего очередного кочевья . .	10968,35	дес.	4378,00	руб.
№ 9	,, ,, ,, . .	3094,31	,,	700,00	,,
№ 10	,, ,, ,, . .	2338 28	,,	739,90	,,
№ 11	,, ,, ,, . .	3113,06	,,	939,40	,,
№ 15	,, ,, ,, . .	2797,31	,,	717,44	,,
№ 16	,, ,, ,, . .	3589,41	,,	825,57	,,
№ 17	,, ,, ,, . .	2346,25	,,	716,44	,,
№ 18	,, ,, ,, . .	4238,73	,,	2391,00	,,
№ 19	,, ,, ,, . .	3143,50	,,	810,15	,,
№ 20	,, ,, ,, . .	4205,84	,,	1391,67	,,
№ 21	,, ,, ,, . .	2290,20	,,	1073.60	,,
№ 22	,, ,, ,, . .	3740,43	,,	1761,01	,,
№ 23	,, ,, ,, . .	2917,90	,,	960,15	,,
№ 24	,, ,, ,, . .	2327,77	,,	965,03	,,
№ 25	,, ,, ,, . .	3316,37	,,	1354,03	,,
№ 26	,, ,, ,, . .	3041,90	,,	808,87	,,
№ 27	,, ,, ,, . .	4104,39	,,	741,32	,,
№ 28	,, ,, ,, . .	4072,41	,,	1565,95	,,
№ 29	,, ,, ,, . .	2653,91	,,	979,20	,,
№ 30	,, ,, ,, . .	2415,43	,,	361,47	,,
№ 31	,, ,, ,, .	4877,56	,,	980,24	,,
№ 2	Сорокатысячной статьи	9649.20	,,	1714,96	,,
№ 3	,, ,, ...	7734,74	,,	1106,79	,,
№ 4	,, ,, ...	7876,24	,,	1121,19	,,
	Меклетинский участок	49961,00	,,	8243,57	,,
	Хурхатинский ,, ...	7490,00	,,	1235,85	,,
	Адисинский ,, ...	28725.00	,,	4308,75	,,
	Калтамбур ,, ...	11468,00	,,	2246,90	,,
	Тамбовский ,, ...	10232,09	,,	1352,12	,,
	Джелунта ,, ...	8271,03	,,	992,54	,,
	Селитренский ,, ...	20085,08	,,	2410,30	,,
№ 1	при с. Хошеутовском	6249,25	,,	499,94	,,
№ 2	,, ,, ...	400,00	,,	400,00	,,
№ 4	Чапчачинского тракта	3214,50	,,	482,18	,,
№ 5	,, ,, ...	2634,04	,,	395,10	,,
№ 6	,, ,, ...	2885,29	,,	432,82	,,
№ 7	,, ,, ...	2898,96	,,	434,85	,,
№ 8	Чапчачинский выгон	4625,29	,,	504,70	,,
	Участок Хара-Зун	6250,00	,,	1031,25	,,

Усадебные места в пос. Чапчачи, 22	0,90 дес.	43,44 руб.
№ 3 при р. Ашулуке под сад . . .	5,27 „	1,10 „

Всего 71 участков, пространством в 302078,76 дес., с доходом в 61707,78 рублей. Из них 70 участков состоят в аренде у лиц сельского состояния; пространство этих участков равно 302073,49 дес., с доходом в 61706 руб. 68 коп. Отдельные лица из крестьянской среды снимают 4 участка, пространством в 20717,51 дес., за плату 3038 руб. 35 коп.; товарищества—5 участков, пространством в 14632,06 дес., за плату 4549 рублей 64 коп.; общества крестьян—33 участка в 244214,94 дес., за 50794 рубл. 35 коп., лица прочих сословий—28 участков, пространством в 22508,98 дес., за 3324 рубля 34 коп. Оставался не сданным 1 участок в 5,27 дес., оцененный в 1 рубль 10 коп.

Восемь участков общего кочевья: № 3 в 23604,62 дес., № 4 в 8218,81 дес., № 5 в 20898,16 дес., № 6 в 13604,60 дес., № 7 в 45355,60 дес., № 14 в 44430,64 дес., № 2 в 1018,30 дес. и № 1 в 83272,83 дес—состояло в бесплатном пользовании у киргизов. Всего в их пользовании имелось 240408,83 дес.

2 район.

Хозяйственным порядком сдавались в аренду:

Ушаково-Райгородский прогон . . .	1800,00	дес.	900,00	руб.
Солодниковский	2010,00	„	201,00	„
Вязовский	1377,	„	100.00	„
Ступино-Подовский	2366,	„	189,28	„
Черноярская статья уч. № 1 . .	14391,08	„	3378,22	„
„ „ „ № 2 . .	4096,50	„	819,32	„
„ „ „ № 3 . .	1340,71	„	268,20	„
Черноярско-Соленозайм. прогон . .	2600,00	„	260,00	„
Черноярско-Казачий прогон . . .	1211,00	„	121,10	„
Соленозайм.-Грачевский	738,00	„	73,80	„
Грачевско-Соленозаймищенск . . .	773,50	„	74,50	„
Грачевско-Никольский	1138,25	„	91,06	„
Никольско-Грачевский	1375,00	„	109,04	„
Пришибинская статья	10379,25	„	1559,89	„
Енотаевская „	20142,00	„	2014,20	„
Владимировская „	15838,00	„	1900,56	„
Кашкатинский участок	303,03	„	157,06	„
Воды: Михайло Зинзилинские . . .	4761,63	„	3777,00	„
Басинские	7073,10	„	600,00	„
Караванные	5840,47	„	2757,51	„
Ловец	2598,60	„	775,	„
Бугор Седлистовский	271,90	„	94,20	„
Яндыковская статья	21079,00	„	5902,12	„
Промысловская „	13092,80	„	3666,00	„
Стрелецкий бугор	1,19	„	100,00	„

С торгов сдавались:

Уч. Волжский, Березину	0,55	дес.	378,00	руб.
„ „ Кленкину	0,66	„	418,88	„
Уч. № 6 Садовой, Склабинскому	6,75	„	67,50	„
„ № 23 „ Цибузгиной . .	5,07	„	66,18	„
„ № 24 „ Болтину . . .	4,90	„	57,12	„
„ № 29 „ Ченцову . . .	3,79	„	47,40	„
„ № 30 „ Фортунатову .	3,79	„	47,40	„
Заводский участок № 2	10,29	„	124,52	„
„ „ № 1	17,03	„	1216,48	„
Павильон-чайная	0,4	„	191,00	„
Под торговыми банями	0,4	„	61,00	„
Бугор Олинский	40,00	„	140,00	„
Джильбурун № 2	20,00	„	20,00	„
Яндыко-Промысловские воды . . .	3527,72	„	1116,08	„
Бантир № 3	1,00	„	145 01	„

Хозяйственным способом:

Участок под бойню скота	0,15	„	393,42	„
Участок Курочкина и др. . . .	0,31	„	223,80	„
Волжский № 4	0,08	„	60,40	„
Ильмени Калуста-Нур, Сороч. и Пресн.	210,62	„	225,00	„
Ильмень Шикерте-Нур	40,50	„	57	„
Садовый уч. на боенном бугре .	7,76	„	140,00	„
Стрельбищный плац	104,25	„	154,00	„
2 участка под пароходн. пристанями	0,02	„	800,00	„
Участок при Тинакских грязях .	55,50	„	13,90	„
Бургустын-Цеке	25,00	„	52,50	„
Бугор Чомто	13,25	„	52,00	„
Джильбурун № 1	10,00	„	600,00	„
Мочажная лесн. плантация . . .	33,83	„	35,00	„
Участок при с. Промысловском .	1,84	„	6,00	„
Острова Сюме и Лагань	426,00	„	106,50	„
Бугор Урс-Нур	5,00	„	65,00	„
Пески и Могота	0,03	„	12,00	„
Участок против Забурунного промысла, в конце Бирючинского бугра	10,00	„	100,00	„
Бугры: Жиротопный	5,00	„	30,00	„
Кукшин	0,09	„	60,00	„
Кюльтюкюнь	0,9	„	60,00	„
Олениченская статья	11066,00	„	2953,06	„
Участок Эмбин	0,04	„	38,40	„
„ Хара-Хел	0,43	„	80,00	„
Бахчи	95,60	„	2994,64	„
Садовый участок № 2	8,13	„		
„ „ № 3	8,13	„		

Садовый участок № 4	8,13 дес.		
" " № 5	6,75 "		
" " № 6	6,75 "		
" " № 7	6,75 "		
" " № 8	6,75 "		
" " № 9	8,22 "		
" " № 10	5,82 "		
" " № 11	5,09 "		
" " № 12	5,33 "		
" " № 13	5,05 "		
" " № 14	5,20 "		
" " № 15	6,15 "		
" " № 16	10,89 "		
" " № 17	9,54 "		
" " № 18	8,13 "		
" " № 19	6,93 "		
" " № 20	8,70 "		
" " № 21	7,08 "		
" " № 22	6,09 "		
Участок, быв. под садом Зунгруева	8,40 "	100,00 руб.
Бантыр № 1	1,00 "	41,40 "
Ланцага и Кюкта	1,50 "	25,00 "
Аслан-Булук и Атрык	204,27 "	
Замьяновский прогон	1249,00 "	
Участок под садом Аверкина . . .	2,9 "	
Ветлянинский прогон	2175,00 "	

Всего 97 статей, на пространстве 152708,97 дес., с доходом в 44749 рублей 85 к. Из них в аренде состояло 72 статьи, пространством в 152344,19 дес. с доходом в 43221 рубль 75 коп. Не было сдано 25 статей пространством в 364,78 дес. по оценке на 1528 рублей 10 коп. Что касается арендаторов, то 12 статей в 333,52 дес. с платой в 3656 рублей 14 коп. снимали отдельные крестьяне-хозяева; 1 статью в 11066,00 дес. снимало товарищество крестьян за 2953 рубля 6 коп.; 22 статьи в 90510,29 дес. за 21513 рублей 71 коп. состояли в аренде у крестьянских обществ и 37 статей в 50434,38 дес. с платой 15098 рублей 84 коп. были в аренде у лиц прочих сословий.

3 район.

Хозяйственным способом сдавались:

Озеро Барманцак	770,00 дес.	600,00 рублей
Рыболовный пруд при Тингутинской плотине и половина реки Тингуты у Тингутинского орошаемого участка	1938,52 "	930,00 "
Жутовская статья	5553,00 "	3331,80 "
Вершина Перегрузной	2393,00 "	2034,05 "

Шелистинская	2004,00	дес.	1002,00	руб.
Гончаровская	2617,35	„	1270,00	„
Перегрузновская	4059,00	„	1948,32	„
Каменно-Водяная № 1	1200,00	„	900,00	„
„ № 2	2565,00	„	1924,50	„
Балки Березовая и Свиная	3122,54	„	790,64	„
Лагировская	4533,00	„	2266,50	„
Канкинская № 1	1530,60	„	979,20	„
„ № 2	1146,00	„	756,36	„
„ № 3	1053,00	„	737,10	„
„ № 4	670,00	„	435,50	„
Приютнинская	4200,00	„	3270,55	„
Валуевская	13996,39	„	4198,92	„
Торговская	13937,17	„	4181,15	„
Участок близ Элисты	0,92	„	32,50	„
Элистинская статья № 1	1123,50	„	1092,12	„
„ „ № 2	5939,00	„	5076,30	„
Вознесенская статья	13611,00	„	11483,24	„
Богородская	8025,00	„	7829,41	„
Уланская статья № 1	18669,00	„	10230,90	„
„ „ № 2	10192,00	„	6819,14	„
„ „ № 3	1848,30	„	1542,60	„
Троицкая	6970,80	„	4397,16	„
Эркетеневская	3000,00	„	2250,00	„
Боин-Дорджи	250,00	„	62,50	„
Бурата	798,00	„	199,70	„
Каменная гора	62,00	„		
Иванова балка *)	3000,00	„		
Участок на балке Элиста *)	600,00	„		
Обиленская № 1	805,00	„		
„ № 2	1658,00	„		
„ № 3	4849,59	„		
Эркетеневская № 2 *)	3000,00	„		
Каменно-Водяная № 3	1022,00	„		

Всего 35 статей на пространстве 146108,28 дес. с доходом в 82572 рубля 16 коп. Из них 30 статей пространством в 137711,69 дес. были сданы за 82522 рубля 16 коп. Не сданными остались 5 статей в 8396,59 дес., ценой в 50 рублей. Арендаторами 2 статей, пространством в 3000,92 дес. за 2282 рубля 56 коп., явились отдельные хозяева-крестьяне: 5 статей в 8932,00 дес. за 5174 рубля 66 коп.—товарищества крестьян; 20 статей в 122792,25 дес. в 73872 рубля 80 коп.—крестьянские общества и 3 статей в 2986,52 дес. на 1192 рубля 20 коп.—лица других сословий.

В общем итоге, в 1914 году по трем районам насчитывалось 211 оброчных статей площадью в 841299,57 дес. с доходом в 189029 рублей 79 коп. Факти-

*) Показанные под звездочкой статьи вычеркнуты из списка.

чески в аренду было отдано 172 статьи пространством в 592129,37 дес. за 187450 рублей 59 коп. Из них 18 статей в 24051,95 дес. за 8976 рублей 99 коп. взяли в содержание отдельные хозяева-крестьяне; 11 статей в 34630,06 дес. за 12677 рублей 36 коп.—товарищества крестьян; 75 статей в 457517,48 дес. за 146180 рублей 86 коп.—крестьянские общества и 68 статей в 75929,88 дес. за 19615 рублей 38 коп.—лица прочих сословий. Не было сдано 39 статей пространством в 249170,29 дес. в 1579 рублей 20 коп. арендной платы [49].

Мы располагаем характеристиками оброчных статей в докладах надзирателей первого и третьего районов. Из этих докладов видно, что земельные участки, сдававшиеся в аренду, преимущественно снимались крестьянами под выпас скота и сенокосы. Распашка не так интересовала арендаторов, да она встречала по местам и естественные препятствия в виде солончаковости или маломощности почвы и недостатка влаги. В первом районе из 70 оброчных статей в 1913 году 26 статей исключительно состояло под выпасом скота и сенокосами, а 20 статей—под распашкой и опять-таки под выпасом скота [50]. Целый ряд земельных участков на общем калмыцком кочевье и по Чапчачинскому тракту в этом году не оправдал надежд. Посевы пшеницы там дали или плохой урожай из-за несвоевременных дождей, или совсем не удались на неподходящей почве. Общий бич сельского хозяйства составляют пески. Почти весь участок № 1 очередного кочевья заносится песком. Засыпает песок и восточную часть Меклетинского, Хара-Зунского, Аджинского, Хурхатинского и Тамбовского участков. Травосеяние не прививается. Надзиратель оброчных статей пишет относительно тех земельных участков, где особенно необходим был бы посев кормовых трав, что одни арендаторы и без того имеют достаточное количество сена, снимаемого с займищ между реками Ахтубой и Волгой, а другие предпочитают пользоваться сеном с казачьих займищ, так как это обходится дешевле травосеяния, и при том не требует особых хлопот. Вызывала опасение будущность участков общего калмыцкого кочевья, предоставленных в бесплатное пользование киргизов,—эти участки превращались в сплошные пески из-за «непомерного количества скота», каким располагали кочевавшие там скотоводы-киргизы. А так как на киргизские пастбища уже с завистью глядели крестьяне и высказывали желание взять из них до 100 тысяч десятин в аренду с обязательством засевать пастбища песчаным овсом, сообщающим устойчивость почве, то надзиратель предлагал Управлению калмыцким народом возбудить ходатайство о том, чтобы отобрать у киргизов земельные участки и сдать их в аренду крестьянам. В этом он усматривал прямую выгоду: «увеличились бы доходы с оброчных статей минимум до 15 т. рублей и закреплялись бы пески». В тех же видах увеличения доходности, он предлагает разбить большой Меклетинский участок в 49960 десятин на четыре части. Ему кажется недостаточной плата в сумме 8243 рубля с коп., какую вносили за него крестьяне—раскольцы из расчета 16,5 коп. за десятину. Он рассуждает: «цену эту нужно признать довольно низкою», между тем, если бы, при разделе участка на четыре части, несколько поднять ее, то «это дало бы возможность снимать каждый участок отдельным лицам или товариществам крестьян», чем могла бы

[49]. КОА, Стол оброчный УКН, д. 1914 года № 63, лл. 37—48.

[50]. Из остальных статей состояли: 22 под усадьбами, одна под рыболовным промыслом и одна под садом.

быть «повышена доходность» всего участка. Та же тенденция повышения доходности сказывается в рассуждениях надзирателя относительно участка № 8 Чапчачинского выгона, мерой в 4625 десятин. Участок сдавался в аренду жителям поселка Чапчачи за 400 рублей, т. е. по 8,6 коп. за десятину, а сами жители Чапчачей платили за свои усадебные места из расчета по 2 коп. за квадратную сажень. Такой низкий платеж надзиратель считает за ничем не оправдываемую привилегию, выпавшую, по счастливой случайности, на долю одних только чапчачинцев. Их экономическое положение прекрасное. Чапчачинский выгон принадлежит к лучшим земельным участкам и заключает в себе 28 десятин сенокоса. В поселке—девятнадцать торговых предприятий, с оборотом «на десятки тысяч рублей каждое». По мнению надзирателя, усадебные места в Чапчачах следовало бы сдавать по расценке, принятой во всей Калмыцкой степи, т. е. по 10 рублей за каждое торговое помещение в 20 кв. саженей и по 15 коп. за кв. сажень дворового места. Затем, из Чапчачинского выгона следовало бы выделить каждому арендатору усадебного места по 20 дес. для выпаса 5 голов скота как нормы домашнего хозяйства, остальную же часть участка сдавать за особую плату не ниже 18 коп. с десятины. Такого рода мероприятие повело бы к повышению доходности участка в четыре раза больше настоящей. В расчете на то же увеличение доходности оброчных статей, надзиратель предлагает изменить самый порядок сдачи в аренду земельных участков. Он отмечает стремление крестьян снимать участки не целыми обществами, а товариществами. Эти последние «никогда не являются открыто на торги, опасаясь возбудить против себя недовольство своих односельчан или соседей», а общества сговариваются не являться на торги в надежде, что торги не состоятся, и нужные крестьянам участки будут сданы по той цене, какую они сами предложат. Так это и происходит на самом деле,—почти все земельные участки приходится сдавать хозяйственным порядком за прежнюю цену. Не следует спешить сдачей в аренду участков, советует надзиратель. Необходимо выждать время выгона скота в степь; тогда неявившиеся на торги и вследствие этого оставшиеся без земельных участков общества окажутся в безвыходном положении и в силу необходимости примут поставленные им условия. Наконец, надзиратель обращает внимание на неисправность платежей и на невыполнение условий контракта со стороны крестьянских обществ, чего не замечается со стороны арендаторов—отдельных лиц и товариществ. При подписании контрактов, крестьянские общества обыкновенно выносят с тем вместе и приговоры о круговой поруке друг за друга, но сами крестьяне открыто говорят о ничтожном значении таких приговоров,—они знают о существовании законов, запрещающих что-либо описывать за долги у малоимущего крестьянина. Таким образом, круговая порука, в сущности, «ничего не стоит», и обязательства, взятые на себя крестьянским обществом, никогда не приводятся и не будут приводиться в надлежащее исполнение. За пятью крестьянскими обществами состоит недоимка в 9481 рубль с коп., тогда как за отдельными арендаторами и товариществами, в числе 37, состоит долгу всего 77 рублей с коп. Что же делать с неисправными плательщиками? Иной меры надзиратель не видит, кроме запрещения им пользоваться той или другой оброчной статьей, пока не будет полностью внесена за нее арендная плата [51].

---

[51]. Там же, лл. 14—18.

Пески в первом районе, при слабой борьбе с ними, мешали содержать оброчные статьи в полном порядке. Не могли похвалиться устройством земельные участки и в третьем районе, но по другим причинам. Надо сказать, что здесь они разделялись на две основные группы, именно: на участки, сдаваемые в аренду без распашки, и на участки, сдаваемые под распашку. Обе группы одинаково были незакончены устройством и не изучены в отношении рельефа, растительного покрова, почвенного состава, внутренней ситуации и пр. Констатируя все это, надзиратель оброчных статей третьего района находил необходимым: собрание гербариев весенней, летней и осенней флоры, подбор коллекций почвенных образцов, механический и химический анализ почв и производство хозяйственных с'емок. В частности, относительно выпасных участков он признавал особенно важным выяснение производительности сенокосных и выпасных угодий, так как, при отсутствии точных данных на этот счет, в вопросе о ценности той или иной оброчной статьи приходится руководиться почти одними теоретическими соображениями, имеющими условное значение. Между тем, „для выяснения производительности угодий, необходимо заложение пробных площадей и точный учет в течение ряда лет". С тем вместе и попутно, должно итти изучение ботанического состава угодий, с анализом питательных элементов главнейших представителей флоры. Сенокосы охраняются от потравы самими арендаторами, почему недостатка в данных для научного обследования сенокосных угодий не может быть. Но когда дело касается выпасных участков, то здесь требуется специальная охрана известного количества десятин земли, выбранной для научного наблюдения в известном пункте. При изучении выпасных участков, следует принимать в расчет также и виды сельско-хозяйственных животных, которые разводятся в том или другом районе скотоводства. Организация контрольного стада может принести здесь большую пользу. Теперь, говорит надзиратель, скотоводство в степи поставлено крайне примитивно; оно „держится исключительно настбищным содержанием", вне связей с хлебопашеством и травосеянием, и поэтому „требует неограниченных свободных и дешевых земельных пространств". Такое положение вещей, с увеличением населения степи, „ставит преграды не только росту экономического благосостояния, но и поддержанию его на определенном уровне". Население заботится об одном только увеличении количества скота, а относительно необходимости изменить при этом условия скотоводческого хозяйства оно не думает, как не повсюду уделяет оно должного внимания другой отрасли сельского хозяйства—земледелию. Оно привилось в М. Дербете, но и на Маныче с неменьшим удобством можно было бы заниматься земледелием. Касаясь увязки земледелия и, вообще, полеводства с скотоводством при создании в степи такого вида хозяйств, где полеводство стало бы в нормальную подчиненность скотоводству и содействовало бы рациональной его постановке, надзиратель оброчных статей признает крайне желательным устройство опытного поля, хотя бы и на скромных началах; иначе—неразрешим вопрос о выборе кормовых растений, наиболее подходящих к местным условиям.

Для группы земельных участков, сдаваемых под распашку, надзиратель считает важнейшим начинанием „урегулирование распашки и усовершенствование техники землепользования, путем введения научно-обоснованных и практически-пригодных севооборотов, с пропашными и травяными клиньями". Травосеяние не только

ускорит восстановление плодородия почвы и повысит урожайность, но, кроме того, обеспечит хозяев кормовыми средствами для скота. Рекомендуемый восьмипольный севооборот, взамен неподходящей в наличных условиях залежной системы земледелия [52], бесспорно целесообразен. Но желательные результаты могут быть достигнуты и посредством четырехпольного севооборота с пятым выводным клином [53]. Как ввести в практику севообороты? Те требования о заботливом отношении к эксплоатируемой земле, под которыми подписываются арендаторы земельных участков при заключении контрактов, мало достигают цели,—необходимо ознакомить арендаторов с схемой севооборотов и с порядком чередования культур наглядно, а это возможно лишь при устройстве опорных пунктов, в виде площадей примерных севооборотов. Такая мера будет способствовать популярности рекомендуемых севооборотов и облегчит переустройство полевого хозяйства на новых началах. Кроме того, большое значение имел бы ежегодный точный учет урожаев на земельных участках, сдаваемых под распашку. Он дал бы наглядное понятие о состоянии почвы в отношении плодородия, показал бы степень истощаемости почвы из года в год и облегчил бы выбор наиболее подходящего севооборота. Изучение внутренней ситуации необходимо для всех земельных участков, в особенности же для участков, назначаемых под распашку, так как от этого зависит удачная разбивка полей при введении системы многополия. С проведением в практику намечаемых мероприятий, получат разрешение те общие вопросы мелиорации, от которых зависят и частности. Теперь нужды отдельных участков заслоняются переменностью этих общих вопросов, а тогда они обрисуются полнее и ярче. Впрочем, и в настоящее время уже имеется ряд определенных наблюдений. Например, можно указать на недостаточную обеспеченность водой Уластинской № 1, Троицкой, Богородской и Перегрузновской оброчных статей. Озеро Барманцак стало обильно водными запасами настолько, что арендная плата за его аренду может быть повышена, рыболовство на нем—более урегулировано. Березовая и Свиная балки требуют переоценки и изменения условий землепользования. Такие крупные по размерам статьи, как Уланская № 1 и № 2, Вознесеновская, как и большинство оброчных статей по Манычу, следовало бы подвергнуть дроблению на участки с меньшим количеством десятин, чтобы скорее и выгоднее можно было сдавать их в аренду. Наконец, и сейчас уже выясняется большая пригодность восьмипольного севооборота на оброчных статьях: Шелистинской, Гончаровской и четырех участках Канкинской статьи, где на практике принят четырехпольный севооборот, не достигающий полного эффекта [54].

XII

Оброчные статьи и калмыки.

В числе арендаторов оброчных статей в 1913 году мы не видим калмыков.

---

[52] 1) Твердые пшеницы, после залежи; 2) пропашные растения; 3) мягкая пшеница; 4) озимая рожь; 5) кормовые травы; 6—8) травы на укос и выгон. Доклад агронома *И. Н. Клсенко* в Управление калмыцким народом от 13 сентября 1913 года о восьмипольном севообороте имеется в д. Оброчного стола УКН за 1914 год № 111, лл. 9—10.

[53] 1) Твердая пшеница; 2) пропашные растения; 3) мягкая пшеница; 4) озимая рожь. Выводной клин составят травы на укос и выгон в течение 4 лет.

[54] КОА. стол Оброчный УКН, д. 1914 года, № 63, лл. 20—26.

Даже те рыболовные воды, которые по временам бывали в аренде у калмыков раньше, теперь снимаются не ими. Почему это? Скорее всего потому, что в качестве арендаторов калмыки не представляли интереса для администрации, ведавшей сдачей оброчных статей, по части же земельных участков калмыки, как будто, и сами не отваживались выступать на торгах в роли конкурентов крестьянам, а на общем очередном кочевьи киргизам. Они сознавали бессилие выдержать конкуренцию и направляли заботы лишь к тому, чтобы в дальнейшем сохранить за собой хоть то, что не успело перейти в посторонние руки. В данном случае весьма показательны хлопоты Манычских калмыков отыскать план улусных земель, утвержденный Межевой канцелярией по указу сената от 5 июня 1831 года и высланный для выдачи калмыцким владельцам 2 июля того же года. В октябре 1908 года уполномоченный названных калмыков Э. К. Азидов обратился в Управление калмыцким народом с просьбой о справке, когда и кому именно был выдан этот план. По сведениям Азидова, „подобного плана у владельцев не имелось и не имеется". В ноябре Управление ответило, что „план и межевые книги на земли Малодербетовского улуса, по доверенности Замбо тайши Тундутова, 21 октября 1831 года были получены зайсангом Халюн Шургучиевым под расписку", которую он дал комиссии по наделению кочующих народов землею[55]. Очевидно, калмыки пытались отстаивать свои земельные права, опираясь на документальные данные, и хотели тем оградить себя от земельных захватов.

Не участвуя в пользовании земельными угодиями на началах оброка, калмыки, бесспорно, испытывали земельную нужду, как это показывает известное уже нам Шамбайское дело[56]. Земля была необходима им если не под посевы, то для скотоводства. Степные пастбища, с уничтожением растительного покрова, поедаемого и в корне вытаптываемого скотом, превращались в пустыни и пески. К 1915 году более 80% степных хозяйств расстается с скотоводством и ищет других занятий. Калмыцкая беднота по проторенной дороге идет на рыболовные промысла и поступает в наймы к рыбопромышленникам, а иногда отправляется на заработки в соседние губернии[57]. Попытки калмыков, кочевавших в Мочагах, завести самостоятельное рыболовное хозяйство, не удаются, за отсутствием административной поддержки. Приведем два известных нам факта. В августе 1910 года общество калмыков Богацатановского аймака возбудило ходатайство о предоставлении ему в арендное содержание казенных рыболовных вод Ватажного участка, сроком на 6 лет. Названный рыболовный участок уже был снят калмыками, но только—на один год; теперь они хотели закрепить его за собой на более продолжительное время, к чему особенно побуждало их одно важное обстоятельство. Воды протекали по землям Багацатановского аймака и омывали берега островов, на которых находились сенокосные и выпасные его угодья. Отсюда между арендаторами вод и калмыками, владельцами земли, возникали постоянные столкновения. Арендаторы располагались на калмыцкой земле, как на своей, калмыки, в ответ на это, ловили рыбу в чужих водах. Обе стороны должны были расходоваться по части охраны угодий от самовольного пользо-

[55] КОА, д. 1909 года по Делопроизводительскому столу УКН, № 110, лл. 1—7 и 9.
[56] См. выше, стр. 65 и дал.
[57] *Н. О. Очкров.* цит. изд., стр. 72.

вания ими. Кроме того, рыбопромышленники, обращаясь за рабочей силой к тем же калмыкам, навязывали им крайне тяжелые и невыгодные условия, которые, тем не менее, калмыки вынуждены были принимать, так как не могли обойтись без постороннего заработка, по маломощности собственных хозяйств. На 5625 человек населения аймака, с его 1321 кибиткой и 141 джолоном и с 1021 хозяйством, имелось всего 5223 головы крупного и 4937 голов мелкого скота. Экономическая необеспеченность багацатановцев была велика, и понятно, что они, усиленно добиваясь получить в аренду Ватажный рыболовный участок, обращались за содействием к Управлению калмыцким народом. Управление два раза, в октябре 1910 г. и в марте 1911 года, посылало соответствующие ходатайства к администрации казенных рыболовных вод, но департамент министерства земледелия распорядился произвести сдачу Ватажного участка с торгов. На торгах калмыки проиграли. Рыболовный участок, раньше сдававшийся за 775 рублей, отбил у калмыков рыбопромышленник Блохин, предложивший за него 1250 рублей арендной платы,—участок остался за ним. Это было в феврале 1911 года. Когда калмыки спохватились и сообразили, что могли бы заплатить и 1350 рублей за необходимо нужный для них рыболовный участок, было уже поздно. Не помогла тут и телеграмма, по их просьбе посланная Управлением в департамент министерства земледелия от 16 марта с мотивировкой в том смысле, что просители—калмыки кормятся преимущественно рыболовством в Ватажных водах, и что следует предоставить эти воды им, в предотвращение эксплоатацией калмыцкого труда Блохиным. От 29 марта департамент уведомил Управление об отказе удовлетворить это ходатайство; причиной того выставлялось то, что, по силе статьи 109 Положения о казенных подрядах и поставках, „никакие надбавки после торгов не приемлются[58]".

Другой случай. Попечитель Яндыко-Мочажного улуса в июле 1911 года докладывал Управлению калмыцким народом о желании калмыков хотона № 2 Батутовского аймака получить в аренду Бирютинский казенный рыболовный участок сроком на 6 лет, с 1 января 1912 года. Хотон состоял из 149 семейств. Прежде Бирютинским участком пользовалось на правах аренды Басинское крестьянское общество в числе 200 семейств. Теперь на Бирютинский участок претендуют калмыки в уверенности, что администрация учтет состав вод этого участка, как просто только собрания ильменей, полезных больше всего калмыкам. На представление, с каким обратилось Управление калмыцким народом по этому поводу в Управление Волжско-Каспийским рыболовными и тюленьими промыслами, последнее от 20 декабря 1911 года уведомило Управление калмыцким народом, что, решив оставить на трехгодичный срок за прежними арендаторами воды, интересующие калмыков, оно в том же смысле высказалось и в докладе, уже направленном в департамент министерства земледелия. Обещанию калмыков платить по 450 рублей годовой аренды за участок, лишь бы он был предоставлен им в пользование на 6 лет, департамент не внял. Он приказал сдать участок прежним арендаторам на три года, по цене 403 рубля с коп. в год[59]. Калмыками, по их темноте и безответности, рыбопромышленники пользовались как рабочей силой гораздо охотнее, чем крестьянством,

[58] КОА, д. 1911 года по 1 столу УКН, № 20, лл. 4—10.
[59] КОА, д. по 1 столу УКН, за 1911 год, № 40, лл. 5, 12—14.

наезжавшим из верховых губерний в сезоны путины, но до самостоятельного ведения рыболовного хозяйства их не допускали, и в этом отношении власть содействовала рыбопромышленникам.

XIII

Кормовые площади степи в пользовании посторонних скотоводов.

Кроме угодий, отводимых под оброчные статьи, калмыки в значительной мере должны были поступаться еще и пастбищами в пользу посторонних скотоводов.

В „Материалах статистико-экономического и естественно-исторического обследования Калмыцкой степи Астраханской губернии", изданных в 1910 году, уделено внимание этому известному факту, что на территории степи издавна производился выпас скота, принадлежавшего посторонним лицам, при чем указано количество постороннего скота в разных улусах по сведениям 1909 года, и определена примерная норма необходимого ему корма на пастбищах[60].

Выпас постороннего скота обставлялся легально. Скотоводы заключали контракты с соответствующими улусными управлениями и вносили причитавшийся денежный сбор в улусные кассы. Доход от выпаса постороннего скота приписывался к отчетным ведомостям об оброчных статьях. Размер сбора долго оставался неустойчивым и принял определенные формы только с изданием 9 января 1910 года „Временных правил о выпасе скота посторонних лиц в Калмыцкой степи Астраханской губернии". По § 4 этих правил, ежегодная плата за выпас постороннего скота устанавливалась в следующих размерах: а) от 1 рубля 56 коп. до 1 рубля 92 коп. с головы крупного рогатого скота и верблюда; б) от 72 коп. до 92 коп. с головы мелкого скота, т. е. с овец коз, верблюжат и телят; в) от 1 рубля 20 коп. до 1 рубля 44 коп. с овцы испанской породы. Телята и верблюжата облагались уменьшенной платой только в первом полугодии данного года, во втором полугодии они уже причислялись к крупным животным и оплачивались наравне с ними. Ягнята кормились на пастбищах бесплатно до 1 июля; с этого времени за них взималась половинная плата из расчета от 42 до 72 коп. в год с головы. Кроме того, была установлена особая плата за прогон скота по степи: по копейке с головы крупного скота и по полкопейке с головы мелкого скота в сутки. Суточный прогон исчислялся в 15 верст[61].

Регистрация денежного сбора, поступавшего в улусный доход за выпас постороннего скота, давала возможность знать о количестве скота, кормившегося на калмыцких пастбищах на легальном основании. Но в степи нередки бывали случаи самовольного выпаса скота соседними крестьянами и казаками. Простор степи питал скотоводов надеждой избежать контроля. Иногда это удавалось, но при обнару-

[60] Часть I, стр. 24—25.
[61] КОА, д. по 1 столу УКН за 1912 год, № 9, л. 275.

:нии скота, неоплаченного установленным сбором, скотоводы подвергались штрафу, ответственно породам, возрасту и количеству задержанного скота. Штрафным ньгам велась своя запись и она давала дополнительные сведения о скоте, выпасывав-емся на калмыцкой земле, так что по обоим регистрациям можно было устано-:ть, сколько тот или иной улус прокармливал постороннего скота на своих паст-:щах.

На 1909 год, когда производилось экономическое обследование степи, в „Ма-риалах" показаны следующие цифры голов постороннего скота, с переводом четы-х голов мелкого скота в одну единицу крупного скота:

В улусах	Количество скота в единицах
Малодербетовском	20333
Манычском	27682
Багацохуровском	7484
Хошоутовском	6236
Икицохуровском	5982
Яндыко-Мочажном	3330
Всего	71047

Харахусовский и Эркетеневский улусы, как и Калмыцкий Базар, почему то азались не включенными в счет[62].

Относительно кормовой площади, какая необходима была для указанного ко-чества скота, в „Материалах" высказано соображение, что если бы определить по 0 пудов нормального корма на каждую единицу скота в год, при средней про-зодительности одной десятины примерно в 40 пудов, то посторонним скотом исполь-зывался ежегодно растительный покров площади приблизительно в 560 тысяч де-тин.

В одном из дел Калмыцкого Обл. Архива за 1915 год нам встретились поулусные iные о количестве постороннего скота, кормившегося на калмыцких пастбищах к 14 году[63]. Эти данные были собраны и представлены улусными администрациями Управление калмыцким народом в ответ на его запрос от 10 июня 1915 года, которому требовалось определить количество: а) крупного рогатаго скота, б) овец, в) верблюдов, а также—г) указать, из каких местностей пригоняются стада для паса на Калмыцкой земле. Сведения были составлены на основании имевшихся улусных управлениях контрактов и протоколов по поводу нелегального выпаса)та, при чем в ведомости некоторых улусов были внесены данные еще и относи-

[62] В брошюре *Н. О. Очирова*, цит. выше, на стр. 32 в Малодербетовском улусе казано 22333 единицы скота, почему общий итог выведен в 73047 единиц

[63] Дело озаглавляется: „Наряд бумагам, не требующим дальнейшего движе-і"; оно на 1—514 листах. По архивной описи значится по I столу УКН за 1915 г., 77, № 122. Относящиеся к нашему вопросу материалы находятся на лл. 350—358.

тельно количества посторонних лошадей. Не видно, чтобы весь этот большой материал подвергся обработке: даже цифровые данные остались без общей сводки.

Оказывается, в 1914 году на калмыцких землях паслось такое количество постороннего скота:

В улусах	Крупного рог. скота	Овец	Верблюдов	Лошадей	Всего	В единиц.
Малодербетовском	34863	95812	320	28	131023	59164
Манычском	35228	50632	—	—	85860	47886
Хошоутовском	1417	39547	—	—	40964	11304
Яндыко-Мочажном	1983	34000	—	—	35983	10483
Эркетеневском	2255	29087	—	—	31342	9527
Икицохуровском	5275	13967	15	—	19257	8782
Багацохуровском	7270	6689	—	—	13959	8942
Харахусовском	1395	1815	—	—	3207	1846
на Калм. Базаре	631	2570	—	—	3201	1273
Итого	90314	274119	335	28	364796	159207

Для того, чтобы установить, насколько возросла численность постороннего скота в 1914 году в сравнении с 1909 годом, придется, прежде всего, исключить из 159207—общей суммы единиц скота на 1914 год—12646 единиц, падавших на долю Харахусовского и Эркетеневского улусов, а также Калмыцкого Базара, не входивших в сумму 71047 единиц по подсчету 1909 года. Получается 146651 единица. Таким образом, увеличение постороннего скота в 1914 году в сравнении с 1909 годом будет выражаться, приблизительно, 106%.

Но эти 106% будут указывать только на скот, выкармливавшийся на калмыцких пастбищах по контрактам. «Материалы» не сообщают о количестве штрафного скота, а между тем в 1914 году его имелось:

В улусах	Крупного рог. скота	Овец	Лошадей	Всего	В единицах
Малодербетовском	6408	15824	—	22232	10364
Манычском	13428	87801	1112	102341	36490
Хошоутовском	950	1000	—	1950	1200
Янд.-Мочажном	250	4142	—	4392	1285
Эркетеневском	108	1700	—	1808	533
Икицохуровском	1335	46305	—	47640	12911
Багацохуровском	1331	2582	—	3913	1976
Итого	23810	159354	1112	184276	64759

Общая сумма в 223966 единиц, получаемая от сложения 64759 и 159207 единиц, будет обозначать количество постороннего скота, кормившегося на калмыцких пастбищах в 1914 году. По расчетам, принятым в „Материалах“, кормовая площадь для этого скота нужна была, приблизительно, в 2127677 десятин. По сравнению с 1909 годом, она увеличилась, примерно, на 279%. Говорим—примерно, так как „Материалы“ не принимают во внимание посторонний скот, кормившийся в степи бесконтрольно и в обход правил[61].

Посторонний скот принадлежал хозяевам губерний: Астраханской, Ставропольской, Саратовской и Области Войска Донского. Астраханские скотоводы пригоняли стада на корм во все улусы: ставропольские—в Манычский, Малодербетовский, Икицохуровский и Эркетеневский: саратовские, из б. Царицынского уезда,—в один Малодербетовский; из Области Войска Донского—в Манычский и Малодербетовский улусы. О количестве скота, пригонявшегося из названных губерний и из Области Войска Донского, можно судить, как сказано, по контрактам и по штрафным записям. Данные контрактов таковы:

В улусах	Крупный рог. скот				О в ц ы				Верблюды	Лошади	Всего
	Астр	Ставр	Обл В Д	Сар	Астр	Ставр	Обл В Д	Сар	Астр	Астр.	
Малодербетовском	30710	400	2142	1611	91045	—	4657	110	320	28	131023
Манычском	20039	11299	3890	—	40427	7755	2450	—	—	—	85860
Хошоутовском	1417	—	—	—	39547	—	—	—	—	—	40964
Янд.-Мочажном	1983	—	—	—	34000	—	—	—	—	—	35983
Эркетеневском	1030	1225	—	—	25387	3700	—	—	—	—	31342
Икицохуровском	3091	2184	—	—	12125	1842	—	—	15	—	19257
Багацохуровском	7270	—	—	—	6689	—	—	—	—	—	13959
Харахусовском	1392	—	—	—	1815	—	—	—	—	—	3207
на Калм. Базаре	631	—	—	—	2570	—	—	—	—	—	3201
Итого	67563	15108	6032	1611	253605	13297	7107	110	335	28	364796

По штрафным записям:

В улусах	Крупный рог. скот			О в ц ы			Лошади		Всего
	Астр	Ставр	Обл В Д	Астр.	Ставр.	Обл. В Д	Астр	Став	
Малодербетовском	6408	—	—	15824	—	—	—	—	22232
Манычском	8342	4736	350	81813	5988	—	298	814	102341
Хошоутовском	950	—	—	1000	—	—	—	—	1950
Янд.-Мочажном	250	—	—	4142	—	—	—	—	4392
Эркетеневском	108	—	—	1700	—	—	—	—	1808
Икицохуровском	988	347	—	35040	10515	750	—	—	47640
Багацохуровском	1331	—	—	2582	—	—	—	—	3913
Итого	18377	5083	350	142101	16503	750	298	814	184276

[61] Об этом бесконтрольном скотоводстве—у *И. О. Очирова*, цит. изд., стр 32.

Таким образом Астраханская губерния занимала первое место по количеству скота, пользовавшегося кормами на калмыцкой земле. Перевод мелкого скота в 98926 единиц в сложении с цифрой крупного скота дает 185527—общую сумму единиц астраханского скота. Наибольшая часть его располагается на пастбищах М. Дербета—64183 единицы и Маныча—59239 единиц скота. В процентном отношении это составляет 34,7% и 32,1% общего количества астраханского скота на калмыцких землях. Далее следуют менее показательные цифры для Икицохуровского, Хошоутовского, Яндыко-Мочажного, Багацохуровского и Эркетеневского улусов: туда астраханские скотоводы направляют от 8,6% до 4,2% скота из того же общего количества его на калмыцких пастбищах. Последнее место занимают Харахусовский улус и Калмыцкий Базар, где насется меньше процента скота. Изложенное иллюстрирует следующая таблица:

Астраханская губерния располагала скотом:

В улусах	Количество единиц скота	В $^0/_0{}^0/_0$
Малодербетовском . .	64183	34,7
Манычском	59239	32,1
Икицохуровском . . .	15885	8,6
Хошоутовском	12504	6,8
Янд.-Мочажном . . .	11768	6,3
Багацохуровском . . .	10919	5,8
Эркетеневском	7910	4,2
Харахусовком	1846	0,9
на Калм.-Базаре . . .	1273	0,6
Итого . .	185527	100

Для указанного количества скота требовалась кормовая площадь в 1762506,5 десятин.

Большой процент постороннего скота, выгонявшегося на пастбища Малодербетовского и Манычского улусов, об'ясняется нахождением в районе названных улусов крупных, с украинским преимущественно населением, сел, каковы в М. Дербете: Садовое, Обильное, Киселевка, Заветное; на Маныче: Торговое, Валуевка, Ремонтное, Кресты, Приютное. Предприимчивые жители этих сел, располагая ограниченными земельными наделами, с ростом населения и с развитием хозяйства, особенно энергично старались найти выход из стесненного экономического положения. Кроме известной нам аренды земельных участков, они весьма охотно заключали контракты на право свободного выпаса скота на калмыцких угодиях. Подобного рода контракты заключались и поселенцами хуторов по так называемому Воровскому или Крымскому тракту, в направлении от Калмыцкого Базара на запад к Ергеням, в пунк-

тах, намеченных для заселения в 1860 году Кумо-Манычской экспедицией. Названный тракт перерезывал в центре степи южную часть Харахусовского улуса, Икицохуровский и Манычский улусы. Хутора разрослись в такие крупные села, как Элиста и Улан-Эрге; скотоводы этих сел пользовались пастбищами Манычского и Икицохуровского улусов.

Пастбища Хошоутовского, Багацохуровского, Яндыко-Мочажного и Эркетеневского улусов привлекали внимание только той части населения Астраханской губернии, которое было расположено по Волге и по Каспийскому взморью. В экономике этого населения, главным образом занятого рыболовством, скотоводческий промысел, надо заметить, играл второстепенную роль и имел только лишь подсобное значение. Поэтому, а также и в виду не везде удовлетворительного качества кормовых трав на солонцеватой почве, в восточной части степи преимущественно при том изобилующей песками, крестьянское скотоводство не приняло тех широких размеров, какие мы видим в центральном, а еще больше в западном районах степи.

В Эркетеневский улус, кроме астраханского скота заходил скот из Терской Области и из Ставропольской губернии.

Что касается Калмыцкого Базара, то это был больше пункт, промышлявший скотом, как товаром, обслуживавшим, прежде всего, мясной рынок Астрахани. По свидетельству одного документа 1782 года, сюда калмыцкие скотоводы издавна пригоняли гурты скота на продажу и здесь же запасались у торговцев из Астрахани всем необходимым в калмыцком быту. Этот пункт раньше назывался „Калмыцкой меной“, сначала, она находилась при речке Солянке. Покупкой и перепродажей калмыцкого скота преимущественно занимались „асламы русские и армяне“ [65].

В 1908 году население Калмыцкого Базара исчислялось в 1420 человек, при чем большую половину составляли не калмыки, а татары, киргизы и кара-нагайцы, промышлявшие, между прочим, и скотоводством [66]. По статистике 1912 года, из общего числа 1558 жителей Калмыцкого Базара 829 человек опять-таки были не калмыки [67].

По количеству скота, кормившегося на калмыцкой территории, следующее место после Астраханской губернии принадлежало Ставропольской губернии, хотя оттуда далеко не столько пригонялось скота, сколько из Астраханской губернии. Ставропольские скотоводы нуждались в калмыцких постбищах для прокорма 21005 голов крупного скота и 29800 овец или, в переводе, 7450 единиц, всего же—28455 единиц скота. Это составляет 15,3% астраханского скота. Ставропольский скот пользовался кормами в соседнем Манычском, а затем в Икицохуровском и Эркетеневском улусах; в Малодербетовский улус направлялся незначительный процент скота:

---

[65] КОА, д. 1782 года, № 478, л. 97 и об.
[66] КОА, д. по 1 столу УКН за 1908 год, в 56, № 38, лл. 6 и 3.
[67] КОА, Отчетные материалы УКН за 1912 год.

В улусы	Количество единиц скота	В %/%
Манычский	20285	71,4
Икицохуровский . . .	5620	19,7
Эркетеневский	2150	7,5
Малодербетовский . .	400	1,4
Итого . .	28455	100

Для ставропольского скота требовалась кормовая площадь в 270322,5 десятины.

Из Области Войска Донского на калмыцкие пастбища выходило 6382 головы крупного скота и 7857 овец—1964 единицы; всего 8346 единиц. По отношению к астраханскому скоту это составляет 4,5%; к ставропольскому—29,3%. Донской скот направлялся:

В улусы	Количество единиц скота	В %/%
Манычский	4853	58,1
Малодербетовский .	3306	39,6
Икицохуровский . . .	187	2,3
Итого . .	8346	100

Кормовая площадь нужна была для этого количества скота в 79287 десятин.

Всего меньше отправлялось скота на калмыцкие угодия из б. Царицынского уезда Саратовской губернии, именно: 1611 голов крупного и 27 единиц мелкого скота, всего 1638 голов. Этот скот пользовался пастбищем только в М. Дербете, по соседству с Царицынским уездом. Соответственно небольшому количеству скота, не велика была и его кормовая площадь—15561 десятина.

Чтобы нагляднее представить распределение постороннего скота на улусных пастбищах, предлагаем таблицы:

дельцев дружбу от Юрлюка и поныне, и быть чтоб в добром состояни, то Шону и Дундук-Омбу, обоих поймав, отдайте, а я недружбу взыщу. И обо всем знают ваши посланцы и все вам скажут" [3].

О смерти Цеван-Рабтана калмыки узнали осенью 1727 года. Ездивший тогда в улусы дворянин С. Казанцев докладывал своему начальнику В. П. Беклемишеву об оживленных разговорах среди калмыков по поводу вести, что „хон-тайша умер, а меньшую его жену [4], убили, и двух ее сынов отправили в Бухары, также де и посланцев Черен-Дондуковых побила" [5]. Джунгарцы искали виновников смерти Цеван-Рабтана на Волге.

Если бы Дондук-Омбо действительно являлся убийцей хун-тайджи, как предполагал Галдан-Черень, то Церен-Дондук и его мать Дарма-Бала, враги Дондук-Омбо, не замедлили бы пред'явить компрометирующее его письмо Галдан-Череня русским властям. Этого они, однако, почему то не сделали. С другой стороны, сам Дондук-Омбо, завладев письмом, не прячет его, а пересылает князю Барятинскому вместе с другим письмом к Церен-Дондуку от Дондук-Даши, в расчете, что оба письма будут отправлены к двору. В своем листе к Анне Ивановне, привезенном в столицу донским войсковым старшиной Д. Ефремовым 2 января 1735 года, Дондук-Омбо между прочим говорит: „хон-тайшин сын Галдан-Черень к Черень-Дондуку писал, чтоб меня с Шуноном поймать, да и Дондук-Даши писал же, чтоб в показанном месяце воевать; и те два письма сысканы в ставке Черен-Дондуковой по разбитии его, которые я для вручения вам к князю отослал" [6]. Не принимая на себя ответственность за смерть Цеван-Рабтана и отвергая обвинение в соучастии с своим зятем Лоузанг-Шуну в отраве джунгарского хун-тайджи, Дондук-Омбо пред'являл властям злополучное письмо, как документальное доказательство замысла у хана Церен-Дондука и ханши Дарма-Балы поймать его и зятя, а потом отправить их обоих в Джунгарию в угоду Галдан-Череню.

То обстоятельство, что письмо заботливо хранилось в ханской ставке и никому не показывалось, не бросает ли тень сильного подозрения на ханскую семью в причастности ее к скоропостижной смерти Цеван-Рабтана, и не подкрепляет ли догадку о Дарма-Бале, как о виновнице смерти джунгарского хун-тайджи?

II. К стр. 20, 22 и 33—34 ч. II „Этюдов".

Из приведенных материалов не вполне ясно, почему Дондук-Омбо, примирившись с взбунтовавшимся против него Галдан-Нормо, чрез некоторое время счел необходимым удалить сына из улусов и отправил его сначала в Царицын, а потом в Казань, где Галдан-Нормо и умер.

Вот какие об'яснения давал сам Галдан-Нормо 27 августа 1739 года в Царицыне полковнику П. Ф. Кольцову на определенно поставленные вопросы: „за

[3] КОА, д. 1732 года, № 46, л. 487.
[4] На полях: „дочь хана Аюки", т. е. Сетер-Джап или, как в письме Галдан-Череня, Четерь-Жап.
[5] КОА, д. 1727 года, № 24, л. 282 об.
[6] КОА, д. 1722 года, № 11, лл. 78 об.—79.

что именно у него с отцом его, ханом Дондуком-Омбою, ссора произошла, и для чего отец его так не любит и при себе держать не хочет"? Он ответил, что еще летом 1738 года зайсанг Джан-Булат, состоявший при хане в должности дарги, сделал ему, Галдан-Нормо, секретное предостережение относительно того, что „отец его, хан Дондук-Омбо, подлинно имеет намерение его, Галдан-Норбу, поймав, умертвить, и в том бы он, Галдан-Норбо, подлинно ему, Джан-Булату, поверил". Затем Дондук-Омбо подсылал доверенных лиц уговаривать своего племянника Никбо, сына Бокшурги, и Лобан-Дондука, сына Четеря, чтобы они поймали Галдан-Нормо. Когда это стало ему известно, он начал держаться с особенной осторожностью. По примирении с отцом, Галдан-Нормо „жил при улусах своих и кочевал обще с отцом своим". Против отца он не имел никакого злого умысла, однако тот поймал его и прислал в Царицын. За что и почему? Галдан-Нормо видит здесь „навет" мачехи Джан и основывается на словах одного влиятельного зайсанга, безотлучно находившегося при ханской ставке. Зайсанг говорил Галдан-Нормо: „от отца твоего к тебе никакого зла не признавается, а мачеха де твоя, конечно, некоторое зло на тебя в мысли своей имеет" [7]. Кабардинка Джан, жена Дондука-Омбо, заранее устраняла старшего ханского сына Галдан-Нормо со сцены,—она прокладывала дорогу к власти собственному сыну Рандулу и прочила его в преемники Дондук-Омбо.

---

[7] КОА, д. 1743 года, № 161, лл. 1414—1415.

I. Указатель собственных имен.

II. Указатель географических названий.

Примечание. Названия оброчных статей, связанные с той или другой местностью, удобно отыскиваются по спискам этих статей в тексте.

Оглавление.

ВАЖНЕЙШИЕ ПОПРАВКИ:

Стр.	строка	Напечатано	Следует читать.
1	20 сверху	бесспорных требуемых наукой,	бесспорных, требуемых наукой
2	11 снизу	обединения	обеднения
7	6 „	28 мая	23 мая
10	10 „	Айчурах	Айгурах
16	2 „	„Обследование	„Обоседление
21	24 сверху	Энгеля	Енгеля
23	5 снизу	войска, там,	войска там,
27	8 сверху	и особенности	и, в особенности,
28	16 „	Цебек-Дорджи, и	Цебек-Дорджи и
29	8 снизу	Бусуран-тайджи	Бусурман-тайджи
30	3 сверху	жит	жить
34	15 „	сведений, всего вероятнее;	сведений; всего вероятнее,
47	8 снизу	подвластным и	подвластными
53	9 сверху	когда	пока
„	19 снизу	совершенные	совершонные
55	8 сверху	возможным. При разборе	возможным при разборе
56	17 „	требовавший	требовавших
57	7 „	точен:	точен,
60	9 „	признававшейся	признававшийся
„	12 снизу	выпал	выпадал
61	2 сверху	Потемкина	Потемкину,
72	10 „	с жалобой и	с жалобой
78	20 „	По этому началось	По этому делу началось
82	22 „	по смотреть	посмотреть
86	15 снизу	это	этого
87	15 сверху	и потребовал	и потребовая
„	15 снизу	сзложенных	изложенных
90	9 „	се	ее
91	16 „	и, его брат	его брат
93	20 сверху	еостоялось	состоялось
„	26 „	года	годы
102	15 „	заинтересованный	заинтересованной
108	13 „	Тюменей 26·25 рублей,	Тюменей, 26·25 рублей
„	6 снизу	вземельных	в земельных
115	13 сверху	нотери	потери
116	2 снизу	положения.	Положения,
117	13 сверху	разложения	размножения
„	24 „	заменивший	заменившая
120	17 „	взявшей	взявший
165	14 снизу	Богацатановского	Багацатановского
166	21 сверху	эксплоатацией	эксплоатации